

КАТЕРИНА ГРУШЕВСЬКА.

З етнографічної праці 1880 х років.

(До листування П. Мартиновича і В Горленка)

Описуючи роботу Василя Горленка над збиранням кобзарських творів у вступі до «Корпусу українських народніх дум», ми звернули увагу, що ця робота стояла в зв'язку з проєктом якогось етнографічно-літературного збірника, свого роду нових Записок о Южной Руси, що з'явився у Горленка в 1880-х роках. Робота, зв'язана з сим проєктом відіграла цікаву роль у історії української етнографії, зокрема в дослідженню кобзарства, вона внесла цінний елемент точности в збирацьку методу і дала багато фактичного знання до сього малодослідженого питання народнього побуту. Тому проєктований збірник здавався нам досить важливим, хоч окрім голого слова про сам проєкт, ми не знали про нього нічого більше. Тепер дізнаємося дещо про обставини, в яких він виростав, і маємо в руках навіть його програму, заховану в листі Горленка до Мартиновича з 31/VII 1887 р., а тому можемо дещо з'ясувати характер збірника і оцінити його значіння, дійсно чимале.

З програми, а особливо в дискусій про неї обох етнографів, дізнаємося, між іншим, що одним з важливих елементів сього задуманого збірника було саме їх листування на кобзарські теми, почасти з часів перед особистим знайомством, почасти по нім. В сю кореспонденцію було дійсно вложено силу фактичних відомостей і методично-технічних міркувань справді великої вартости. Тому у П. Мартиновича виникла була навіть думка надрукувати відповідні листи, де говорилося про ці речі, у збірнику в незмінній епістолярній формі, немов вступ до самих записів від кобзарів. Але хоч ця думка Горленкові «поіравилась своєю оригінальністю», він не зважився на такий небанальний проєкт і вважав за краще обробити фактичний матеріал листування в виді статті про кобзарство з «великими цитатами з листів».

Та в дійсності не вийшло ні так ні сяк. Збірника не зложено зовсім і стаття не була написана. Знайомство з докладнішими методами Мартиновича знеохотило Горленка до свого власного «дилетантства», як він висловлюється про свою роботу, і він переконався, що ліпше буде публікувати записи Мартиновича окремо, своїж власні етнографічні амбіції занехав зовсім. Се рішення було подиктоване незвичайно ясно думкою про потреби нашої етнографії, одначе воно позбавило нас деяких дуже цінних відомостей з обсягу кобзарського мистецтва, які слід по змові доповнити. Тому публікація листування Горленка і Мартиновича, що сталася можливою тепер, являється дуже цінним доповненням до нашого дуже недостатнього знання про етнографічні роботи і пляни 1880-х рр.

Се листування, якому було призначено відіграти таку важну інформативну роль в давніших часах, не повинно лишитися без уваги хоч тепер, коли щасливі обставини заховали його серед загального знищення, що зустрінуло решту спадщини Горленка.

З сеї спадщини історично-мистецька та літературна частина, що займала в його життю—особливо в другій половині найбільше місце, почасти заціліла в різних виданнях, де він працював—в формі статей, дописів, рецензій; почасти згинула без решток, як от його колекції, збірки, книгозбірня і рукописи. Етнографічному доробкові пощастило більше: з нього заховалися деякі записи дум, що Горленко не захотів публікувати звичайним для того часу способом в часописі «Київській Старині» або в «Етнографическом Обозрении», де він співробітничав. Деяко з них опубліковано в I т. Корпусу дум, інше появиться в дальших випусках. Окрім дум заховалися і записи псалмів, ціла маленька колекція, що публікується тепер з рук приятеля покойного П. Д. Мартиновича—на жаль з деяким запізненням. Цінність всіх сих записів очевидна і велика: деякі з них дають нові варіанти, цінні доповнення до історії обробки окремих тем в кобзарсько-лірницькім осередку. Інші, не даючи нових подробиць до тексту, важні з погляду проблеми поширення певних кобзарських шкіл і мотивів. Всі вони додають нові вузлики до містецької мережі кобзарства, що покривала своєрідними везерунками середущу частину України, за старих часів.

Але ще цінніші ніж сі записи Горленка, відомості про саме етнографічне з б и р а н н я, що заціліли в отсім листуванню В. П. Горленка з П. Д. Мартиновичем. Вони дають нам незвичайно рідку змогу вглянути в збирацькі методи давніших етнографів, про які ми знаємо так незвичайно мало, так що здебільшого сі давні збирачі являються для нас таємницею, а їх записи предметом сумнівів. Збирацькіж відомості в листуванню Горленка-Мартиновича не тільки відкидають всякі сумніви щодо якості матеріялу зібраного сими збирачами—тим що подають відомості про джерела і обставини, в яких вони записували (відомості яких нам бракує про добру більшість в с і х записів української народньої творчості!)—Вони відкривають перед нами і незвичайно живу картину процесу самої роботи та незвичайно дібраного спі в р о б і т н и ц т в а, що захоплює сучасного читача силою любови до свого предмету і невтомністю в його дослідженню. Ті перші листи, де обидва дослідники діляться своїми поміченнями та збирацьким досвідом, де подаються інформації про розшуки за кобзарями і складаються проєкти спільних етнографічних екскурсій, дають незрівнянний документ, небувалий в нашій етнографічній літературі. Се перша звістка про етнографічну техніку наших старих народознавців. Заразом вона відкриває цілком нову еру в збирацькій роботі, особливо важну для кобзарських дослідів.

Старші наші збирачі народнього побуту і мистецтва подали нам в своїх збірках тільки самі результати своєї збирацької роботи. Часом не лише збирацької, але й препараторської роботи,—бо нераз тексти друковані в їх збірках, бували продуктом сполучення, або комбінації кількох записів різного походження, які етнограф спокійнісінько обробляв і міняв по своїй вподобі. При тому тексти подавалися без пояснення, як, де і від кого вони записані. Особливо се вражає в записях кобзарських творів, де особа того, від кого записано, грає найбільшу ролю—завдяки професіоналізмові сього мистецтва. Тимчасом відомості про джерела с и х творів з'являються особливо пізно. Записи кобзарських творів, видані Цертелєвим не дають ніяких відомостей про їх збирання. Найстарше імя кобзаря, що стає нам відоме в звязку з записами його співів походить 1830-х років. Самі імена кобзарів знаємо і з старших часів, як ось імя придворного кобзаря Любистка й трьох кобзарів-Гайдамаків стятих у Кодні, але репертуар сих співаків невідомий. Перший відомий

кобзар з репертуаром се Іван Стрічка, що співав Лукашевичеві думу про Кішку і дещо інше в 1832 р. Але і се імя стало звісне тільки через Горленка і аж в 1890-х рр.! Раніше стали звісні імена кобзарів, що співали для «Записок о Южной Руси»—Шута (вперше відкритого Гр. Базиловичом), Ригоренка, далі Вересая, та кобзарів згаданих в збірці Метлинського. Але навіть найбільш «документальна» з праць того часу, Записки о Южной Руси, давала властиво тільки в р а ж і н н я, а не докладні описи про співаків, що в ній виступали, і майже нічого не казала про те як було зібрано їх співи. Не видно в ній ні систематичних шукань за кобзарями, ні думки про їх розповсюдження і організацію, ані зрозуміння щодо взаємин і мандрівок окремих творів їх репертуару.

Коли нічого свого не знаходимо в «Записках», що самою своєю формою добре підходили для вияснення таких питань, то тим менше можна шукати за такими даними в збірниках народної поезії, що з'явилися пізніше—як збірник Антоновича і Драгоманова, Рудченка, навіть у монументальних і нібито обтяжених «фактичністю» Трудах Чубинського. В працях же Горленка і Мартиновича в тім вигляді, як вони окремо друкувалися і як вони виступають в цілому в сім листуванні бачимо щось зовсім інше. Тут не тільки повне зрозуміння потреби точного означання записів, але і небувале фактичне знання життєвих умов сих творів—незвичайно цінне зрозуміння соціології їх творчости. В працях сих збирачів виринає питання вже не про саме записування текстів, але й про студювання цілих соціально-естетичних комплексів, реальних мистецьких гуртів з їх продукцією і взаєминами їх творів в часі й просторі. Все се, розуміється, були тільки перші зариси дійсно соціологічного методу,—але тим більше треба цінити сі спроби, що вповні розгорнутися вони не встигли ще й досі!

Таким чином листування Горленка і Мартиновича на етнографічні теми являється справді дуже важливим документом в історії нашої етнографії і слід пояснити тут обставини, в яких воно відбувалося. Перший з кореспондентів у сім листуванню—визначний художник і етнограф, Порфирій Денисович Мартинович, відомий в етнографічній літературі своїми записами народної словесности, що друкувалися в «Київській Старині» 1885 р. (кн. XI) і 1904 р. (кн. II—XI) і вийшли окремим виданням 1906 р. під заголовком: «Українські Записи Порфирія Мартиновича». Про його мистецьку діяльність писав О. Сластьон в часописі «Искусство» 1910 р. кн. II Деякі біографічні вказівки та відомості про його етнографічну роботу подали ми в згаданому вступі до Корпусу дум (т. I с. СХХІІІ—СХХХІ). Суцільний же дослід про сю незвичайно цікаву постать належить ще до прийдешнього; його листування, що тут друкується, послужить для цього цінним матеріалом.

Особа другого кореспондента—Василя Петровича Горленка досліджена досить ґрунтовно, хоч вона не належить до яскравих явищ нашої суспільности і мало звертала уваги аж до останнього часу. Пишучи рік тому про Горленкові записи дум та про гіпотетичний план його етнографічного збірника, ми мали про нього, окрім кількох біографічних дат та споминів особистих приятелів покійного, що не були зв'язані з його етнографічною діяльністю, тільки статтю О. Дорошкевича в Житті й Революції¹⁾. Правда, автор сеї статті трактував Горленка більше як тип—як представника певної верстви, а фактів про його життя і працю давав небагато. Але ся стаття спричинилася все таки до того, щоб зробити з сеї маловідомої особистости досить популярну постать, за яку кінець

¹⁾ О. Дорошкевич: Естет і поміщик, Життя й Революція 1925 к. XI.

кінцем можемо нині вважати Горленка. В 1927 р. в ювілейному збірнику на честь ак. Багалія, а 1928 р. окремою книгою¹⁾ вийшла стаття Є. Рудинської про Горленка, доповнена його листами до Панаса Мирного, що дають незвичайно багатий матеріял до пізнання сеї особистости. Написана з великими захопленням і добрим знанням, ся біографія Горленка надає йому певного значіння і престижу, що літ з десять тому певно здивувавши українського читача. Далі в збірнику «За 100 літ» вип. III надруковано статтю Г. П. Житецького «Кіевская Старина 40 літ тому», де знов же маємо розділ про Горленка і його листування з редакцією Київської Старини. Се вже ціла література, що дозволяє нам вважати В. П. Горленка досить добре дослідженим членом нашого старого громадянства. Зважаючи на всі ці нові праці, ми й не будемо окремо спинятися на біографії Василя Петровича, ані над тою частиною його діяльности, що не торкається етнографії. Але треба додати, що говорючи про його роботу над народньою творчістю ми матимемо справу з кращою частиною його особистости. Як звісно, еволюція Горленка, літерата і мистецького критика, відбулася в досить небажаному напрямку. З лав київської української громади і тутешніх літературних підприємств він кінець кінцем перекочував до російської столиці і до реакційного, україножерного «Нового Времени», і хоча люди що його знали, загалом підкреслюють чисту формальність сього переходу, тим не менше перехід був реальний. Листування, що видала Є. Рудинська, особливо в своїх останніх сторінках, показує як далеко відійшов Горленко від українського життя і літератури, до яких (сього не слід недооцінювати!), він колись належав органічно. Адже він брав участь в Київській Старині не тільки як випадковий співробітник, а як член редакції—ба, він навіть писав колись по українськи, як се несподівано виявляє лист до П. Д. Мартиновича з 4-го червня 1888 р. А в 1905 р. сей колишній «христоматійник» уже не зважається ввійти до українського часопису, бо не може писати по-українськи і не знає, про що писати для Українців²⁾.

Але як не міналися відносини Горленка до української літератури, до української інтелігенції, до українського національного руху, то в одному він лишився вірним в свому українофільстві, а саме в своїй любові до української старовини, до народнього побуту і до народнього слова. Ся любов огріває цілу його етнографічну діяльність і не зникає й тоді, коли етнографія відійшла на задній план його інтересів. Вона ж кінець кінцем і диктує його літературні уподобання, каже йому—так несподівано для сучасного читача—вище цінувати Бориса Познанського ніж Лесю Українку³⁾.

Ми не знаємо, під яким впливом сі народолюбні інтереси розвивалися і як саме почав Горленко займатися народньою творчістю. Та се питання й не вимагає відповіді—ріс він і розвивався в оточенню, де етнографія мала певне, постійне місце, був знайомий з Костомаровим, і з етнографічними роботами Киян. Перша його власна етнографічна спроба—стаття про «Кобзаря Ів. Крюковського» (надрукована в останній книзі 1882 Київської Старини), що послужила згодом за привід до його листування з Мартиновичем—з'явилася під безпосереднім впливом відомого маляра-етнографа Опанаса Сластьона. Горленко познайомився з ним в Петербурзі і підтримував відносини й далі, хоч не без певних нерівностей, що виступають з деякою дражливістю в Горленкових листах.

¹⁾ Е. Рудинська: Листи Василя Горленка до Панаса Мирного. Київ, 1928.

²⁾ Ев. Рудинська. Листи В. Горленка до П. Мирного с. 103 (з 23 грудня 1905 р.).

³⁾ Листи до Мирного, стр. 77.

О. Сластьон знав Крюковського в часів своїх поїздок по Полтавщині з П. Мартиновичем, що малював кобзаря і записував його думи літом 1876 р. в Лохвиці. Своїми оповіданнями про кобзаря Сластьон і зацікавив Горленка,—не знати тільки, чи він піддав йому саму думку про записування його дум, чи Горленко рішив зробити це незалежно, маючи вже якийсь попередній досвід в записах.

В кожному разі ці записи від Крюковського є найстарші Горленкові записи, які ми знаємо, і вони творять ніби початок досить живої етнографічної діяльності, що протяглася на найближчі роки—оживляючись до 1885—6 р. і зникаючи згодом. Надрукувавши думи Крюковського в 1882 р., вже в 1883 в тій же «Київській Старині» (кн. 3)¹⁾ надрукував він псалму записану знов від Крюковського—«Ой горе, горе на сім світі жити»—і ще дві псалми, одну від Гната Шмиголя, лірника в Щербанях коло Полтави (Ой хто в мирі являється), другу від Порфирія, лірника в Довжику, Прилуцького повіту (Ой зійшли мої літа...). Трохи згодом того ж 1883-року (в кн. 8 «Київської Старини») надрукував Горленко варіант пісні про Правду, на сей раз відступаючи від своїх строгих методологічних правил і зазначивши тільки, що записав від лірника в роменському повіті²⁾.

Після сих малих заміток Горленко береться до більшої роботи описового характеру «Кобзари и Лирники» (1884 р. кн. I і XII), що дала силу цінних вказівок і міркувань і лишилася його найбільшою етнографічною роботою. Написана напівбелетристично, вона не дає суцільної студії про народніх співців, але разом з записами від Крюковського, дозволяє нам говорити про важне значіння Горленка для історії дослідження кобзарського мистецтва. Незвичайно цікаво з сього погляду читати, як негативно ставився Горленко згодом до сих своїх праць, рівняючи їх до свого пізнішого досвіду³⁾. Ці слова дозволяють нам зміряти значіння того, що міг був Горленко дати ще для нашого питання, коли б здійснив проєкт своєї спеціальної роботи про кобзарів для згаданого збірника.

Ці етнографічні проєкти почали особливо розгортатися в 1885 р., коли до Горленка звернувся листовно П. Мартинович. Лист, як бачимо, мав приводом записи Горленка від Крюковського—«невольное столкновение» обох етнографів, як пише Горленко. Але се непорозуміння виявилось скоро і без будь-якого тертя, що могло б було з'явитися в таких обставинах, беручи на увагу, що Порфир Денисович був ще не одужав від важкої нервової хвороби, як се він згадує в листах з 28/IV, 11/VII 1885 р. Навпаки відносини наладилися дуже легко; вже в другому листі Горленко констатує, «Вы интересуетесь также кобзарями как и я», і так з'являється тривка база для дальшого знайомства між кореспондентами, їх приязни і співробітництва.

Попередній лист Мартиновича, з 30/IV 1885, дійсно міг був зацікавити Горленка: він наповнений відомостями і споминами про кобзарів, що мабуть виринули в пам'яті автора в зв'язку з читанням статей Горленка і виливаються цілим потоком непорядкованих і разом з тим часто дуже чітких образів. Сей лист незвичайно яскраво виявляє силу інтересу Мартиновича до кобзарства і високий ступінь його озна-

¹⁾ Під заголовком, «Три Псалми» підпис В. Г.-ко. Показчик до «Київської Старини» не означає сього допису, помилково додавши його до попереднього: «Визить Кармелока», що очевидно не належав Горленкові.

²⁾ Можливо, що се той запис від Крюковського, про який Горленко згадує в листі з 5/VI. 88.

³⁾ Лист з 9 жовтня 1885 р.

йомлення з сим явищем, і тим викликав і відповідні завваження з боку Горленка. Його лист, більш стриманий і діловитий, по-своєму не менш виразно свідчить про Горленкове захоплення кобзарством. Горленко зробив тут вибірку з друкованих даних про кобзарську справу і доповнив своїми власними відомостями про різних кобзарів Полтавщини і Чернігівщини. Сі відомості від часу поїздки до Крюковського порядно збільшились. Горленко говорить про сусідні свої повіти: Прилуцький, Пирятинський, Переяславський і Роменський як про цілком досліджений терен де не може бути нічого нового—«это мнѣ извѣстно положительно, потому что тут я всю слѣпую братію знаю лично», пише він.

Дальші листи дають нам цікаві ілюстрації того знання і засобів, якими воно здобувалося. Так складається незвичайно цікаве, змістовне, наукове листування, яке трудно порівняти з якою-небудь іншою науковою кореспонденцією, з окрема—етнографічною. Щоб се відчуті—треба тільки порівняти ті короткі, загальні, фрази в яких два великі українські етнографи, Куліш і Бодянский, згадують про свої народознавчі досліди в своїм ціннім листуванню в «Київській Старині», з отсими докладними, повними технічними деталями листами Горленка і Мартиновича! Недавно ак. В. Перетц, пишучи про перших наших дослідників дум, констатував, що вони в своїх писаннях про українську народню поезію і про кобзарство зокрема, вживали в своєму захопленні ніби окремої мови—певних постійних патетичних фраз, що майже буквально повторяються у різних авторів¹⁾. Се влучне помічення дозволяє нам яєніше відчуті різницю між дослідниками першої половини ХІХ ст. і сими збирачами дум 1880-х рр., як ми їх бачимо в листуванні Горленка і Мартиновича, воно творить ніби певну протизагу до тої романтичної літератури. Захоплення сих новіших збирачів пісенністю, яку вони досліджують, зворушує читача не менше, ніж слова Гоголя або Лукашевича про красу української пісні. Тільки се захоплення не переходить в самі фрази і держиться цілком ділових рамок, бо сих ентузіястів кобзарства, кінець кінцем, не цікавить нічого окрім реальних фактів. Справа бо йде не про милування з народнього генія, а про вивчення конкретних побутових явищ, і з кожним листом обох збирачів ся фактична сторона бере все більшу перевагу, уточнюючи відомості і збираючи та доповнюючи подробиці. Так складаються реєстри кобзарів і лірників і робляться заходи, щоб вислідити певні мистецькі генералогії—відносини учнів до учителів і взаємини їх репертуару: поширення впливів окремих шкіл. В сих реєстрах знаходимо чимало нових імен, або нових відомостей про вже відомих кобзарів і лірників, що доповнюють подібні реєстри Метлинського, Русова, Слассіона. При тім розшуки Горленка і Мартиновича мають все на увазі районування кобзарства і тому в біжучих поміченнях є чимало вказівок на досліди окремих районів, що дуже інтересно освітлюють методи сих дослідів,—як от коли Мартинович, говорячи про харківське і богодухівське кобзарство, констатує, що сей район «извѣстенъ по Азовскимъ братьямъ и Алексѣю Поповичу», а не відомий щодо інших дум (лист 7/VI. 1885). Або несподівано натрапивши невільницький плач в Лохвицькім повіті він старається з'ясувати, як потрапив сей плач в такий несподіваний район—чи через знайомство кобзаря з зінківськими або охтирськими кобзарями, чи може через книжку (11/VII. 1885).

Цікаві форми самих розшуків. В листі Горленка про Миргородський ярмарок (з 20 вересня 1885) ми дістаємо дуже яскравий образ того, як

¹⁾ Ак. В. Перетц, Українські думи в новому виданні К. М. Грушевської. Етнографічний Вістник кн. 7 с. 120.

відбувалися його знайомства з кобзарями яких він досліджував. Дивно, з яким самозабуттям сей витончений естет поринає в грубу і навіть огидну обстанову жebraцького життя, аби наблизитись до кобзарів що його цікавлять. Він приходить по двічі до їх непривітного притулку, хоч перший раз його мало не вигнали відти; поїть старців і п'є сам, справляє з ними традиційний «бал», щоб тільки добути цінний етнографічний матеріал, і що найважливіше—не знеохочується навіть тоді, коли всі заходи виявляються майже даремними. З усіх старців на Миргородським ярмарку скільки-небудь цікавим виявився лише Сокур—«старикъ довольно буйного нрава, циничный на словахъ», що п'є ще довго по «балу», Отож Горленко й стежить за його похміллям, пильнує його, щоб вловити хвилю для своїх записів, щоб вилотити—не цілі «поеми» ні! а хоч кілька «прекрасних рядків»¹⁾, що він надіється відкопати серед корчемного бруду сього безрадінного оточення.

Такі героїчні розшуки і розвідки за кобзарями у Горленка в тім часі зовсім не рідкі. В осени 1884, згадує він, бачив в Полтаві кобзаря Городницького і записував від нього. В червні 1885 їздив до Сосниці «съ цѣлю исканья кобзарей»—і записав дещо від відомого Олексія Рака. Бачив ще одного лірника, купив у нього бандуру і почув про кобзаря Луку Думу, якого й намітив для дальших дослідів. Пишучи тиждень пізніше про сю поїздку до Мартиновича (лист 5/VI 1885), Горленко вже збирався знов їхати до Лохвиці до Крюковського, щоб записати те, чого ще не записав 3 роки тому, як се йому радив Мартинович. Восьмого липня він дійсно навідався туди. Та се було вже даремно, бо приїхав чотири дні по похороні великого кобзаря. Ся подія описана в некрологу надрукованім того-ж року разом з біографією Крюковського, одержаною від Мартиновича. Лист Горленка з 18 липня додає деякі подробиці про останню хворобу Крюковського та про його родину.

Не знайшовши кобзаря живого, Горленко все ж старався використати етнографічно сю свою подорож. Тому довго шукав лірників по ярмарку і знайшовши двох, ретельно вислухав їх співи, хоч вони й не варті були уваги—«какіе-то нелѣпыя клочки!»

Але взагалі, на думку Горленка, нових матеріалів слід шукати в нових місцях. Тому і слідом по сій невдалій експедиції він вже думає про нову поїздку до Гадяцького і Зінківського пов. (11 серпня). В сім листі формулюється і дуже цікавий проєкт поділу завдань між обома етнографами в інтересах систематичної роботи. Се перший відомий нам плян такої роботи, що має на увазі не «спасання» окремих «сокровищ», не вилонювання «нового», «ще незвісного», а дійсно вичерптиве дослідження певного соціального явища в його оточенню, інтензивне оброблення певної етнографічної ділянки. Для здійснення сього пляну Горленко береться об'їздити повіти Гадяцький, Зінківський, Миргородський,—Мартинович же бере Хорольський, Кобиляцький і Костянтингородський. Як вже згадано, Прилуцький, Пирятинський і Переяславський Горленко вважав вичерпаними, а Лохвицький був добре зв'язаний Мартиновичеві. На Роменський же та Лубенський, мовляв, мало надій. Так намічалось систематичне дослідження Полтавщини а за нею мала піти Харківщина і східня Чернігівщина.

Для найближчих обслідувань намічено Прохора Максимовича, учня кобзаря Щура в Венславовці Гадяцького пов., Мусія Гордійця в Лютенських Будищах та Кочергу в Більську Зінківського пов. і Данила Хомовича в Павлівці тогож повіту (лист Горленка 27/VII 1886).

¹⁾ Запис «Азовських братів» від Сокура надруковано в Корпусі українських народніх дум. с. 161.

Мартинович з свого боку теж робив подібні розшуки на протязі 1885 р. В місяці серпні він прожив тиждень у лірника Дорошенка в Шмиглях під Полтавою і записав від нього сліпецьку обрядовість (лист 19/VIII 1885), зараз по тім поїхав в Зінківський повіт—слідом за Хв. Холодним, про якого Мартинович багато чув від старців (в листі з 27/VII, він згадує, що до Костянтинограда приходив кобзар, який «восхищаль слѣпцовъ малороссовъ и великороссовъ пѣснями о Коновченкѣ и другими»). Догнав Мартинович Холодного аж в Лютенці Гадяцького пов., побувавши по дорозі в Опішні, де мав бути кобзар, потім в Котельві Охтирського повіту, куди він нібито пішов, в Слупках під Зінковим, і нарешті в Тарасівці, відки Мартиновича справили в Лютеньку, і тут дійсно він застав Холодного, в хаті сліпця Гацька, в якого і сам прожив коло двох тижнів, записуючи від сліпих. Мартинович дуже обстоює такий спосіб роботи і радить Горленку теж спинятися у хатах сліпців, бо се дає дуже добру нагоду для обсервації. Щож до способу записування то про се ми маємо знов же цікаві поради його Горленкові розпитувати про обрядовість. «Вопросъ нуженъ въ такой формѣ: запрещалось ли неполучившимъ отъ братіи позволенія брать себѣ учениковъ для помощи? Были ли такіе случаи, когда нѣкоторые избѣгали этого (себто не брали дозволу)? И если были, то какъ нищѣ поступали съ такими?...А при разспросахъ не нужно придерживать того, что уже записано, а спрашивать такъ чтобы рассказчику дать побольше свободы рассказать до конца все, что онъ знаетъ. И, главное, во время рассказа какъ можно меньше пребывать его разспросами, а записывать то, что онъ говоритъ, тогда получится рассказъ хороший». Дуже цінні також спостереження Мартиновича над ставленням аудиторії до старців-музик. Порівняння що він робить між колишнім становищем старців у Харькові і тім що йому доводиться бачити згодом, в інших місцях дають поняття про докладність і широту його спостережень. А треба пам'ятати, що коли старі дослідники мало звертають уваги на народніх співаків, то ще менше звертають на тих хто їх слухає і аж їх слухають.

Знайомство Мартиновича з Холодним дуже важливе, воно виявляє нам тип кобзаря відмінний від тих трохи ідеалізованих «божих старців» що описуються здебільшого в літературі про кобзарство, і можна думати—тип не виємковий. Протеже розпусного панача, що привчив його до певного «розмаху» в житті, улюбленець музикальних купців, що платяє йому по 25 карбованців за вечір, сей старець, що живе в Полтаві з міщанським комфортом, «держить прислугу» і «п'є чай» та зрівнюється з своєю жебрацькою верствою тільки в момент скасування панщини,—додає дещо нове до характеристики кобзарської професії. Сей тип кобзаря затушовує занадто різкий перехід від професійного артиста до професійного старця, що являється основною проблемою кобзарства як суспільно-історичного явища.

Мартинович не ставить в своїх листах питання про типологічне значіння Холодного, але він вповні відчув його інтерес і старався спонукати й Горленка познайомитися з ним. Літом 1885 року на се вже було пізно, бо почалася осіння «ходка» старців і трудно було їх зловити, до того ж Горленко захворів і, видно, його охота трохи ослабла, тому його подорож до Холодного не відбулася.

Зате з новим літом знов з'являється нова енергія і нові пляни, особливо у Горленка: «и туда и туда хочется» пише він. Треба і до згаданого Думченка, і в Сосницький повіт, і в нові місця: повіти Кролевецький, Глухівський, Суражський, де Горленкові називали трьох кобзарів. Листи 1886-го року заняті відомостями про чернігівських

сліпців: Думченка і новознайденого Сипченка, все кобзарів Шутової, Сосницької школи, про яку Горленко дає багато відомостей щодо її характеристики і репертуару, та консервації окремих номерів. Але поїздок зробив він не багато, з певністю можна говорити тільки про одну поїздку Горленка до Мени коло 10 серпня. Можливо що се пояснюється перевагою у Горленка під ту хвилину інших інтересів.

Дійсно, можна сказати, що 1886—1887 рр. се час найінтензивнішого громадського життя у Горленка, незвичайно цікавий період в його житті. В його листах до Мирного сей період не відбився, сі листи належать до пізніших років, більш затроєних матеріяльними клопотами і невдоволенням з оточення. Роки ж, що ми тут назвали, мусіли бути більш менш свободні від сих матеріяльних гризот і Горленко вільно використовував їх для своїх літературних уподобань. Він тоді багато пише в своїм легкім ескізнім стилі на культурно-історичні і побутові теми, ба навіть береться до великих праць, що начебто цілком не підходять до його літературної фізіономії—а певно були б здійснені, якби доля дала йому ще кілька таких мирних, весело працюючих літ. В листах цього часу проєкти у Горленка точаться як з повної бочки—«рядь историко-беллетристических очерковъ... одинъ... два... потом другіе, потомъ романъ, потомъ популярно написанная «Исторія Кіева»—і на сю «історію» є вже й замовлення! Але кабінетним письменництвом робота не кінчиться—Горленко бере активну участь і в культурногромадській роботі тодішнього українського Кієва. Ся робота, видно, захоплює його не менше як власний «роман» і «історія», він говорить про неї з майже хлоп'ячим ентузіазмом, навіть дивним у людини, що вступила вже в четвертий десяток (Горленку тоді ішов 34-ий рік). В сім захопленні скромна робота над хрестоматіями, що в результаті пройшла майже безслідно для нашого культурного розвитку, виростає в якесь велике національне діло; виривають з забуття нові таланти, нові літературні напрямки і цілі ідеології. «Работа огромная», і наслідки й впливи її мусять бути «тоже огромные». «Вообще дѣла бездна и такого дѣла, безъ котораго ми никогда не станемъ твердо на ноги». Все ж отсе, хоч воно і не відтягає цілком його інтересу від етнографії, але забирає час, що міг би піти на неї. Через се в другій половині 1886 р.й не бачимо у Горленка особливих заходів до збирацької роботи, але з другої сторони, ся сила літературних проєктів впливає посереднє і на заняття Горленка кобзарством, а саме дає їм більш конкретні форми, що й викристалізуються нарешті в проєкті того етнографічного збірника, про який ми говорили давніше.

Проєкт збірника виринув в одному з перших листів Горленка в зв'язку з труднощами публікувати окремі етнографічні матеріяли в часописах. Сі труднощі самі по собі піддавали думку про окрему незалежну публікацію, де можна було б видати матеріял цінний по своєму етнографічному значінню незалежно від наукових пояснень або інтерпретації, яких вимагав би друк в часописі таким як Кієвская Старина, і які було трудно, часто неможливо дати без ґрунтовних студій, на які у обох збирачів не було змоги. Отож 9/X. 1885 Горленку, хворий на «гарячку» й пише: «Отъ всей нашей переписки для меня выясняется одно, что самое лучшее, что мы можемъ сдѣлать—это издать сборникъ въ двоємъ, хотя у меня безконечно меньше матеріалу». Проєкт сей зустрів повне погодження з боку Мартиновича, хоч він і не відмовлявся від друку в журналі Докладніше обговорено сей збірник підчас спільної подорожі Горленка і Мартиновича, що була початком їх особистого знайомства і сталася літом 1887 р. Але в Горленковій уяві проєкт сформувався ще в Кієві в

атмосфері тамошніх літературних підприємств 1886—7 рр. В листах після поїздки проєкт має вже цілком виразні форми, і сумніви щодо його здійснення не з'являються.

Сама поїздка відбулася в таких обставинах: як видно, вже від початку свого листування з Мартиновичем Горленко незвичайно захопився думкою про співпрацю з сим талантовитим збирачем народнього слова і старався зробити свої зносини з ним тривкими і постійними. Вже в третьому листі—до ще майже незнайомого Мартиновича Горленко захоплюється такою думкою: «Старші собиратели были очень лѣнны и относились замѣчательно халатно къ своему дѣлу. Если бы мы съ вами жили лѣтъ 30—40 назадъ, то мы собрали бы столько думъ, сколько и не снилось ни Максимовичу ни Срезневскому». Се, до речі сказавши, дуже імовірно. Але познайомившись ближче з робочими методами Мартиновича се захоплення Горленка в думки про співпрацю переноситься далі на особу сього нового для нього і дійсно незвичайного збирача: «Вы гораздо энергичнѣе и самоотверженнѣе меня, а потому надо надѣяться, что и удача у васъ будетъ лучше. Откровенно признаюсь, что передъ вашимъ самоотверженіемъ я совершенно преклоняюсь»,—пише він після свого старечого «балу» в Миргороді, де сам виявив чимало енергії і самозабуття, про які дійсно і не снилось збирачам-дилетантам старих часів. Але навіть тоді, коли їх співробітництво наладилось в виді поділу праці і поділу території дослідження між обома збирачами, не мали вони змоги зустрінутися особисто, аж до літа 1887 року. Весною сього року Горленко рішив dokonче побачитися з Мартиновичем і відбути спільну поїздку. Виїздячи на літо до Ярошівки Горленко пише прихашцем і майже нетерпеливо, щоб скорше здійснити се побачення:—Він мовляв часто згадував Мартиновича працюючи над питаннями української старовини і консервації народнього мистецтва. «Во всемъ этомъ въ цѣломъ мірѣ нѣтъ никого кто былъ бы болѣе полезенъ чѣмъ вы, поэтому надо наконецъ намъ свидѣться, условиться объ общей дѣятельности... Я не знаю васъ лично, но чувствую сердцемъ, что въ васъ заключена великая сила для изучения и воспроизведения нашего края, который мы оба горячо любимъ». І далі йдуть умови щодо праці, подробиці, пляни, ціла хмара переддорожніх клопотів, що заповнюють своїм радісним шамотінням всі листи сього року аж до подорожі. Найцікавіші з сих приготовань саме заходи для розшуків кобзарів. Підвалиною до них був реєстр Мартиновича всіх відомих йому кобзарів і лірників по повітах і губерніях, до якого Горленко робив поправки в листах. Але в програмі подорожі, окрім кобзарства, є дослідження й інших явищ побуту та мистецтва, і готовлячись до сього збирання Горленко пересинає свої листи прізнаними інформаціями і вказівками щодо будучих дослідів; сі вказівки часом вражають своєю наївністю, але разом з тим захоплюють силою інтересу і любови до етнографічної праці. Ми чимало маємо в нашій етнографічній літературі сентиментальних фраз про поезію народности, про красу народнього слова, але все воно торкається тільки об'єкту дослідження і нігде не висгунає суб'єктивне злиття з роботою, так як се ми бачимо в сих листах. І ніде симпатична в багатьох рисах постає Горленка не являється такою щирою і навіть, по своєму, великою в сім захопленні етнографічною роботою, що оточує проєкти спільної поїздки в Мартиновичем.

Нажаль деталі сеї поїздки невідомі. Відбулася вона між 15-им червня і 10-им липня, але докладний маршрут її ніде не згадується в листах. Одним з важливих моментів в подорожі було записування дум і псалъ-

мів від кобзаря Мусія Гордійця прізвиськом Кулика в Дейкалівці Зінківського повіту ¹⁾.

Правдоподібно, ціла подорож відбулася в сій досить мало дослідженій частині Полтавщини. Результати подорожі теж докладно незвісні: Почасти вони торкалися стародавнього українського мистецтва: в того вийшла анкета про сільські церкви, надрукована в Полтавських Епархіальних Вѣдомостях у вересні 1888 р., та альбом рисунків Мартиновича українських церков, що були надруковані фототипією, але не розійшлися широко, як се проєктував Горленко. Проєктувався теж альбом фотографій українських видів. Та сих мистецьких наслідків експедиції 1887 р. ми тут обговорювати не будемо, місце їм в праці про Горленка як історика мистецтва, що певно буде колись зреалізована також. Тут нас займає тільки його етнографічна робота, а в ній вплив отсеї поїздки і виявився в тому проєкті збірника, до котрого тепер і звернемося.

Першу виразну згадку про нього маємо в листі в Ярошівки 24 травня 1887 р. Тут Горленко оповідає, що один знайомий дав йому грошей на видання «двох книг малоруссаго сборника», на що він зібрав вже чимало матеріалу. Судячи з того, що інші видання Горленка фінансував Н. В. Стороженко (порів. згадку—«мой милѣйшій издатель Стороженко» в листах до Мирного ²⁾) можна думати що й тут іде мова про нього. Що ж до збірника, то в Горленкового опису—одна книга етнографічного матеріалу, друга статей—бачимо, що се саме ті нові «Записки о Южной Руси», про які свого часу писав до Куліша Стороженко—очевидно їх проєктований видавець.

Шенрок згадує, що Стороженко з доручення Горленка звернувся до Куліша з такою пропозицією десь в середині 1880-х рр. ³⁾. Очевидно в першій стадії сей збірник, названий Шенроком «продолженієм Записокъ о Южной Руси», намічався, як і перші «Записки», в двох томах—перший том з етнографічних записів, другий «изъ статей лучшихъ нашихъ писателей». Але скоро по тім в переписці виринає паралельний проєкт чисто белетристичного збірника і досить скоро заміняє цілком отой старий проєкт етнографічно-белетристичного видання.

В згаданому листі 24 травня 1887 р. Горленко пише, що має вже багато матеріалу для обох томів. Не оповідаючи про сей матеріал докладно, він зазначає тільки, що в першій том вмістив би, якщо Мартинович не має нічого проти, дещо з записів, які Мартинович прислав йому минулого 1886 року, «именно: 1) кобзарські обряди, 2) рассказы о запорожцахъ съ присоединеніємъ того, который былъ напечатанъ в Киев. Стар., 3) кое что изъ думъ и 4) слѣпецкій языкъ. Кое что будетъ и изъ моихъ замѣтокъ и матеріаловъ и изъ рѣдчайшихъ печатныхъ, напр. изъ «Губернскихъ Вѣдомостей» и изъ польскихъ изданій, гдѣ печатаются малорусскіе матеріали польською азбукою». Деталі лишаються до особистого обговорення. Але як видно, вже і в такому вигляді збірник робить враження зовсім реального підприємства, хоч зміст його досить випадковий. Так окрім оповідань про запорожців (що потім увійшли в «Записи» Матриновича 1906 р.) весь матеріал Мартиновича торкався самого кобзарства—думи, обряди (очевидно «одклінщина» від Дорошенка) і сліпецька мова, що так і лишилися недрукованими. «Замѣтки и матеріали» самого Горленка, що мали іти до збірника, певно теж торкалися сеї галузи побуту, найкраще йому відомої. Незнати який характер мали мати

¹⁾ Запис його Самарських братів надруковано в Українських народніх думах 1 с. 165.

²⁾ Лист з 26 лютого 1899, с. 60.

³⁾ Шенрокъ, Кулішъ «К. С.» 1901. кн. IX с. 318.

передруки в «Губернскихъ Вѣдомостей», матеріал же з польських збірників мусів дотичити й цісненности і народньої обрядовости, взагалі мусів бути рїзнородний. Повернувшись з подорожі Горленко робить деякі зміни в сій первісній програмі, маючи можливість вибирати з багатого матеріалу свого приятеля. Але поруч з тим він намічає зразу ж інший проєкт: окремого збірника самих записів Мартиновича, що напевно знайде собі видавця в одному з російських учених товариств. Тому до першого збірника він думає давати речі якнайцікавіші, головнo рїзнородні, боїться обтяжувати його обрядовістю і думами, що мають багато повторень. Відкидає також записи не діалектичні, що стоять нижче від звичайного рівня записів Мартиновича ¹⁾. Зате додає: лист салдатки і спомини наймички, ближче нам невідомі, та оповідання про св. Миколу. Горленко дуже захопився останнім і видно хотів був поширити збірник в напрямі християнської легенди. Тому просив Мартиновича пошукати ще такого матеріалу.

В листі з 31 липня маємо докладнішу програму цього збірника, що має називатися «Лївобережжя». Сам заголовок сей незвичайно цікавий; він виявляє стремління до районного дослідження української етнографії, для якого знаходимо так мало зрозуміння у наших старих етнографів. «Названіє сборника, пише сам Горленко, характеризуєть и его составъ, мы имѣемъ въ виду опредѣленную этнографическую единицу (въ данномъ случаѣ весьма обширную). А матеріалъ этнографическій тогда получаетъ всю свою цѣну, когда разгруппированъ съ строгой достовѣрностью по извѣстнымъ мѣстностямъ. Ради этого, по долгимъ размышленіямъ, я долженъ выбрать изъ сборника все, что предполагалось внести въ него изъ польскихъ сборниковъ (часто очень хорошее, но все записанное на правомъ берегу)» Так для науково-етнографічного критерія жертвується естетичний момент—становище цілком чуже старій етнографії. Зміст «Лївобережжя» такий:

Лѣ в о б е р е ж њ е.

Т. І.

Вступленіє.

I. К о б з а р и Лѣ в о б е р е ж њ я (Очеркъ)

II. Д у м ы:

Козакъ Голота (отъ Алексѣя Рака)

Самарскіє братья ²⁾.

Канівченко (2 вар.) (Сокура и изъ книги Руликовскаго).

? Михій ³⁾.

Сирченки (Изъ ст. Костомарова).

III. П р е д а н і я и л е г е н д ы.

Видьмачъ ⁴⁾.

Харцызь

Два разказа о св. Николаѣ ⁵⁾.

IV. Р а с к а з ы о б њ и с т о р и ч е с к и х њ с о б ы т і я х њ и л и ц а х њ.

Татарскій набѣгъ.

Палій и Мазепа ⁶⁾.

¹⁾ Листи з 10-го і з 19-го липня 1887 р.

²⁾ Маб. зап. від Крюковського, див. «Записи» с. 23.

³⁾ Від Крюківського, Записи с. 47.

⁴⁾ Див. «Записи» с. 313. ⁵⁾ «Записи» с. 248. ⁶⁾ «Записи» с. 234.

- Разоренье Сѣчи ¹⁾.
 Анекдоты о Запорожцахъ (10) ²⁾.
 Запорожцы у Екатерины II (Разказъ священника) ³⁾.
- V. Историческія пѣсни.
 О Мазепѣ и Паліѣ ⁴⁾.
 Запорожск. пѣсня (изъ бум. П. Лукашевича) ⁵⁾
 Руина Сѣчи и Галаганъ ⁶⁾.
 Обращеніе козаковъ въ драгуны (Лазаревск.).
 Запорожцы подъ Измаиловымъ ⁷⁾.
 Яретепы.
 Бондаренко (Руликовск.).
- VI. Крѣпостное право.
 Разказы записан. въ Ольшаной (мои).
 Воспоминанія наймички.
 Пѣсня изъ временъ крѣпостного права.
 Убіеніе помѣщ. Сильвановича (пѣсня) (зап. мной).
- VII. Рекрутскія пѣсни (Ваши и мои).
- VIII. Изъ современной жизни.
 Письмо солдатки къ мужу.
 Молитва.
 Чаплинское исповѣданіе вѣры (Подлинникъ).
 Дума объ азовскихъ братьяхъ въ пересказѣ молодого лирика
 (мои).
 Наймытъ (пѣсня) (мною запис.).
- XI. Весна в украинскомъ селѣ. Очерки Бориса Познанскаго.
- X. Изъ прошлаго.
 Записная книга Глинской церкви.
 Договоръ прихожанъ с. Хитцей съ священникомъ.
 Изъ частной переписки XVIII в. (Письма Безбородковъ).
 ? Стихи приписываемые Котляревскому.
- Приложенія.
 Малорусско-польск. этнографич. бібліографія.
 Словарь условнаго языка слѣпцовъ-нищихъ.
- Т. II ⁸⁾.)
- П. Мирный. У дорожи.
 Щоголевъ. Запорожець надъ конемъ.
 Чайчини диты.
 Дарунокъ.
 Опизнявся.
- Б. Познанскій. Разказъ.
 О. Хмара. Сватанія Мороза.
 И. Карый. Сцены.

¹⁾ «Записи» с. 220. ²⁾ В «Записахъ» є кілька збірок таких анекдотів: від К. Коваленка з Мотронівського монастиря, с. 257 і 262, від Т. Россохи с. 285, що саме намічалось до «Лівобережжя» неясно. ³⁾ «Записи» с. 178, ⁴⁾ «Записи» с. 234 дд., ⁵⁾ Мабуть те, що згодом передано до матеріалів Гринченка. ⁶⁾ «Записи» с. 233. ⁷⁾ «Записи» с. 23.

⁸⁾ Як видно з листа до Мирного, Є. Рудинська, с. 31) до цензури було подано сю книжку в такім вигляді: 1) Мирний, 2) Щоголів, 3) Марковича У найми, 4) Весна в укр. селі—Познанського (тут намічена до етнографічної збірки), 5) Ні собі ні людям—Мордовцева, 6) Вірші Хмари (Сватанія Мороза і ліричні), 7) «Нисинитниця Дніпровой Чайки», 8) *Enfant terrible*—Познанського, очев. се оповідання ще намічене без заголовка, 9) Пилип Музика—Янчука. В додатку запис дум 1810 р.—т. з. Ломиковського.

Найцікавіше для нас в цьому змісті се вступна стаття Горленка в першому томі. Горленко говорить про неї сам; що «цѣль этой статьи про кобзарствота—чтобы она как можно правдивѣе изобразила это умершее уже явление жизни. Все что до сих пор писалось о кобзаряхъ (въ особенноти мною напр.) было или поверхностно или идеализировано. Если не будетъ написано правдиво очерка теперь, то явление это такъ и канетъ въ вѣчность невоспроизведеннымъ» (II/XII. 1887 р.).

Варто відзначити в цих словах особливо реакцію проти ідеалізації кобзарів. Дійсно, перші писання про кобзарів в нашій літературі кладуть великий натиск на їх моральну вартість—ніби оправдуючи тим своє невідповідне зацікавлення жебраками. Се особливо виступає в «Запискахъ о Южной Руси», в писаннях Куліша і Жемчужникова про Вересая, і навіть ще в працях Русова і Горленка. Близьче знання кобзарського побуту (згадаймо миргородський «бал») внесло поважний коректив в Горленкові думки, не зменшуючи його пошани до кобзарів як до митців і носіїв дорогоцінної традиції. Підо впливом сеї реакції в некрологу Вересая, з якого Куліш протягом десяти літ робив біблійного праведника і «натурального філософа», Горленко підкреслив власне риси жебрацького професіоналізму у так званого «останнього кобзаря»¹⁾. Се дозволяє думати, що його стаття про кобзарів Лівобережжя дала б нам щось цікаве нове і з боку матеріялу і інтерпретації, що освітіло б і цілий цей збірник.

З інших цікавіших пунктів в програмі слід визначити в відділі II запис Горленка «Нетяги» з Сосницького повіту від Рака. Сей запис був би цінною ланкою в традиції сеї думи в Сосницькому повіті, де вона консервувалася особливо добре. Нажаль сей запис загинув. Ще інтересна подробиця се замір надрукувати «Сірченків» за статтею Костомарова. В пізніших листах до Мирного бачимо, що Горленко вів переговори навіть про надрукування всіх «Повѣстей малороссійскихъ», що були у нього—і згодом потрапили до П. Житецького, ще одна подробиця до й так багатой подіями історії сього року.

Се найцікавіше в «Лівобережжі», решта збірника досить одноманітна. Намічена сила оповідань Мартиновичевого запису, що переважно увійшли в його пізніший збірник; депо від Лукашевича, що було потім передано до «Матеріялів» Грінченка; характер і доля Горленкових матеріялів і матеріялів Лазаревського ближче нам не відомі. Опис весни на Україні Бориса Познанського—очевидно більш белетристичний, ніж науково-етнографічний нарис, згодом фігурує в белетристичній збірці. Взагалі не слід замикати очей на той факт, що збірник в цілому робить трохи відстале вражіння після видань 1870 рр. і за часів існування навіть такого часопису, як «Кіевская Старина». Ясно й те, що він зовсім не вичерпував районної програми зазначеної в заголовку «Лівобережжя»—програми непомірно широкої. Але цінне те, що програма все ж була більш менш сформулована і були зроблені певні кроки для її здійснення.

Другий том збірки, белетристичний, майже в незміненому вигляді був згодом поданий до цензури в 1889 році, тільки з іншим заголовком—«Вістка», і там зустрінувся з категоричною заборонаю. Про се Горленко писав до Мирного 26 жовтня 1889 р.²⁾ В сій «Вістці» було оповідання Познанського і «Повѣсти малороссійскія», що проєктувалося спершу для першого тому Лівобережжя. Все се показує, що старшого збірника відреклися і думку про нього закинено.

¹⁾ «К. С.» 1890 хн. VII с. 132. ²⁾ Є. Рудинська, с. 31.

В дальших листах ми власне й бачимо, як в свідомості Горленка думка про отсей етнографічно-белетристичний збірник, нав'язана старою етнографічною традицією, та взірцем «Записок» і т. і. бореться з переконанням про недоцільність такого мішаного видання і потребу замінити його вповні науковим виданням записів самого Мартиновича. В зв'язку з сим ми бачимо, як спочатку з'являється проєкт збірника, де тільки вступна стаття має належати Горленкові, а решта—записи Мартиновича. Сей збірник повинен все ж таки вийти приватними коштами і бути більш менш «цікавим» збірником для широкої публіки. Але далі сей компромісовий проєкт зникає і замість нього починаються переговори, через Янчука, з московським товариством «Любителів Естествознания, Антропології и Етнографії» про видання записів Мартиновича окремим томом сього товариства. Як знаємо, з обох проєктів кінець кінцем на вийшло нічого, бо записи Мартиновича видала таки «Київська Старина», але при тім не дотримано ні характеру збірника для широкої публіки, ні цілком етнографічного видання. Се шкідливо відбилося на долі сих записів, що належать до найкращих, які має наша наука: вони не поширилися і не стали настільки відомими, як на се заслуговували. З Горленкових же проєктів збірників, «Лівобережжя» й «Вістки», не вийшло зовсім нічого. Його видавничі амбіції обмежились виданням передруків з своїх газетних статей різного змісту, де етнографія зовсім не займала такого місця, як в дійсних інтересах Горленка. Бо в його житті місце сих інтересів було велике і міцне, і любов до народнього побуту та мистецтва не покидала Горленка ніколи. А поруч з ними йшло бажання науково фіксувати і дослідити се дороге для нього явище, зробити повніше і ліпше те, що не було зроблено за «халатністю» старих Українців.

Вже в його перших працях, в тих «Кобзарях і Лірниках», яких Горленко згодом анатемизував за ненауковість, ми бачимо сліди власне наукового ставлення до цього завдання: не тільки обсервації форм, але і аналіз їх взаємин і соціальної суті. Знайомство і співпраця з Мартиновичем стали тільки за новий могутній стимул в сім напрямку, що повинен був призвести до великих наслідків. Існує погляд, що се Горленко на вернув Мартиновича до етнографії: в некрологу Д. Дорошенка читаємо: «Він же (Горленко) на вернув до етнографічних студій і талантовитого українського художника П. Мартиновича»¹⁾; те ж повторяє і Є. Рудинська—«На вернув до етнографічних студій молодих діячів, зокрема Мартиновича»²⁾.

В дійсності се було інакше³⁾. Листування, що тепер друкується, доказує, що се Мартинович «розкривав очі Горленкові» на прикмети народнього українського мистецтва, так що Горленко інакше дивиться на вже відомі йому речі⁴⁾, і він же впливав на його етнографічні погляди. Правда, сей вплив був кінець кінцем не стимулюючий, а навпаки—стримуючий; тим не менше се був безумовно вплив позитивний, і ось чому. Ми згадали вже перші вирази подиву до роботи Мартиновича в одному з листів Горленка 1885 року. Після спільної поїздки сі думки стають ще виразніші, і під їх натиском Горленко перевіряє свої власні здатності, рівняючи їх до Мартиновичевих. Вертаючись до деяких докорів Мартиновича за брак енергії в роботі, Горленко складає таке сердечне признання: «Я могу вамъ сказать теперь, отчего оно происходило. Дѣло въ томъ, что я невольно сравнивалъ свое поверхностное и диллетантское отноше-

¹⁾ «Україна» 1907 р. кн. V с. 215. ²⁾ Є. Рудинська, с. 5.

³⁾ Порівн. Україн. народні думи, Збирання і видавання дум, сс. СХІІІ—СХХХІ. ⁴⁾ 10 липня 1887.

ніе кь дѣлу съ вашимъ, всестороннімъ и глибокимъ. Я видѣлъ ясно, что съ такимъ легкимъ знаніємъ народнаго быта и жизни нечего и со- ваться тамъ гдѣ дѣло захватываетъ всего человѣка»¹⁾. Се не фальшива скромність і не саме тільки скептичне ставлення до себе, хоча Горленко взагалі «о себѣ очень плохого мнѣнія». В отсім признанні маємо не тільки се постійне «плохое мнѣніе», а й певну перевірку наукових принципів. У Горленка виросли вимоги і він вирішив, що його робота не варта того, аби її продовжувати, саме тому що вона не відповідає отсім його новим методичним вимогам, які виросли в нім перед прикладом Мартиновича. Під їх впливом зменшувалася й участь Горленка в етнографічній частині проєктованого збірника, вони ж привели і до того що Горленко навіть відіслав Мартиновичеві всі свої власні записи, як порівняльний апарат для майбутнього видання Мартиновичевого збірника, а сам покинув етнографію цілком. Таким чином історія сього співробітництва двох визначних етнографів привела властиво тільки до втрати одного з них для етнографії і то, як ми повторяли тут часто,— одного з дуже добрих записувачів. Та разом з тим відречення Горленка від етнографічної роботи немов символізувало новий етап в історії самої етнографії, і етап безумовно позитивний, поступовий: перевагу спеціального збирання над ділетантством. Тому хоч і сумно звучать слова останнього листу Горленка—«оставилъ непосильную для меня «этнографию»... але в них перебивається і певне признання для сеї науки, що так довго вважалося «посильною» кому-небудь, бо мовляв і не вимагала ніяких особливих сил, знання, чи здатности.

Щоправда, сей розрив з етнографією у Горленка не був цілковитий і стався не раптом. Ще 22 лютого 1890 р. він проєктує Мартиновичу спільну подоріж для збирання різної старовини, хоча більше монументальної, ніж етнографічної. Не перестав цікавитися і збірками Мартиновича: в листі до Мирного з 1898 р. маємо коротку але сердечну згадку про поїздку до Костянтинограда: згадавши глухо про тяжкий стан Мартиновича, Горленко відхає: «Не придумаешь что и дѣлать, чтобъ извлечь его изъ этого состоянія. Но его записи, рисунки и онъ самъ—нѣчто столь драгоценное, что не думать объ этомъ и не жалѣть этого—невозможно»²⁾. Він нагадує і Мартиновичу—«Отчего вы держите все это подъ спудомъ, когда это—чистое золото и прекрасный трудъ вашей жизни»³⁾.

Видання Мартиновичевих збірок йому таки не вдалося наладити так, як йому хотілося, невважаючи на всі заходи. Вони вийшли в значно меншому складі, ніж намічались в 1880 роках, а більшість лишилася до кращого часу. Публікуючи нині листи свого приятеля і колишнього співробітника Горленка, П. Д. Мартинович немов робить новий крок до видання свого цінного архіву і слід надіятися, що се буде початком дальших публікацій. Сі листи дають деяке поняття про цінність того, що було зроблено сим незвичайним дослідником народнього побуту, з яким працював Горленко в часи найбільшого розвитку своїх етнографічних інтересів. Заразом вони кидають яскраве світло на сю цікаву стадію культурного зросту українського громадянства та його народознавчих інтересів, що стояли тоді особливо високо.

Як ми сказали, в тодішніх обставинах збирання Горленка і Мартиновича відкривало нову добу в історії нашої етнографії, хоча між сучасниками ся робота і не викликала відповідного вражіння. Те нове що вона давала, не було ні оцінене ні використане в роботах інших етнографів.

1) Тамже.

2) Э. Рудинська, с. 5.

3) 7 грудня 1891 р.

Чи не одинокі їх оцінку дав Драгоманов в Житті і Слові 1895 р., кажучи, що «записки П. Мартиновича інтересні між иншим тому, що в них зведено репертуар двох певних кобзарів. Через те вони, поряд з записами Ломиковського, Русова, Іваценка, Горленка і ін. можуть служити не тільки для аналізу варіантів, але і для характеристики місцевих кобзарських гнізд або шкіл, котрих сліди zostалися ще в Лівобічній Україні, і відповідно котрим різняться і варіанти. Д. Мартинович до того дає і ритуал посвяти кобзаря-ученика на майстра, серед певного товариства кобзарів майстрів, явний зостаток колишнього існування впорядкованих корпорацій кобзарських, котрі були і школами з певними текстами співців». Так Драгоманов підкреслив основну тезу Горленкових і Мартиновичевих дослідів над районними корпораціями кобзарства, але його замітка, що лишилася майже невідомою, не приспорила значіння і впливу методам і здобуткам етнографічної роботи Горленка й Мартиновича. Їх вплив дає себе чути аж геть пізніше, хоч він так і не набрав широкого розміру, зате здобуває, так би мовити, щораз більше глибини, і можна сказати, що в галузі кобзарських студій майже всі цінніші вкладки в нашу науку носять менш або більш виразні сліди сих впливів. Се бачимо в прекрасній монографії М. Сперанського, що використала принцип територіяльних дослідів Горленка. Хоч і не вичерпала всіх його можливостей. Сей же принцип керував найціннішою збіркою кобзарських матеріалів, яку ми маємо—Колесиними «Мелодіями»; його нарешті старається всебічно використати і розвинути в своїй роботі Комісія Історичної Пісенности ВУАН.

ПОРФИРІЙ МАРТИНОВИЧ.

Листування з В. П. Горленком
(1885-1896 pp.)

I.

Константиноградъ.
28 Апрѣля 1885 г.

Господинъ Горленко!

Я такъ къ Вамъ обращаюсь потому, что не знаю Вашего имени. Давненько собираюсь написать Вамъ по поводу пѣсень Крюковскаго, напечатанныхъ Вами въ 1882 году. О томъ, что Вы ихъ напечатали я узналъ не давно положительно; именно: прочиталъ въ Кіевской старинѣ о томъ, что тамъ напечатана писня про Самойла Кошку. Но пѣсни не читалъ и Вашей статьи объ этомъ не читалъ (по невозможности достать прочитатъ).

Я Крюковскаго знаю съ 1876 года. Я услышиль о нёмъ отъ Вересаё, когда тотъ пріѣзжалъ въ Петербургъ въ 1875 году. Въ 1876 году я поѣхалъ и записалъ отъ него всѣ Козацкія пѣсни, четыре псалмы и нѣсколько весѣлыхъ пѣсень. Возвращаясь на осень изъ дому въ Петербургъ, (я тогда былъ ученикомъ Академіи Художествъ) я заѣхалъ въ Кіевъ и первымъ долгомъ счолъ тогда вручить Антоновичу для напечатанія эти пѣсни. Тогда уже два тома пѣсень Малороссійскихъ были напечатаны. Третій томъ отложили печататъ такъ какъ вышло запрещеніе печататъ по малороссійски. Я пѣсни отдалъ Антоновичу и вмѣстѣ съ этими пѣснями и другія записанныя отъ кобзаря, о которомъ упоминалъ тоже Вересаё, отъ Трифона Магадына.

Черезъ годъ, на слѣдующія вакаціи пріѣзжаю въ Кіевъ, спрашиваю Антоновича объ этихъ пѣсняхъ. Онъ сказалъ, что онъ ихъ отдалъ Драгоманову, у котораго были въ рукахъ всѣ пѣсни для напечатанія третьяго тома, но Драгомановъ уѣхалъ за границу и забралъ эти пѣсни.

Послѣ того лѣтъ черезъ пять я услышиль о Васъ и хотѣлъ пойдти познакомиться съ Вами (въ Петербургѣ). Однажды мнѣ Слостѣнъ сказалъ, что былъ онъ у Васъ и говорилъ Вамъ о Крюковскомъ, и что Вы сказали, что непременно поѣдете и запишите. Я тѣмъ болѣе хотѣлъ предупредить Васъ. Но заболѣлъ скоро послѣ того. Послѣ болѣзни поѣхалъ домой. Черезъ годъ осенью пріѣхалъ въ Петербургъ, опять собирался побывать у Васъ поговорить объ этомъ. (Уже были, какъ теперь я узналъ, напечатаны пѣсни, но я еще опредѣленно объ этомъ не зналъ). Мѣсяца черезъ два по пріѣздѣ въ Петербургъ заболѣлъ я опять. Проболѣвши до самой весны, поѣхалъ домой и до сихъ поръ, это уже другою годъ дома сижу.

Когда я узналъ, въ Кіевской старинѣ прочиталъ о Кишкѣ Самойлѣ (статья Науменка, кажется¹⁾), гдѣ авторъ говоритъ, что онъ многимъ находитъ вариантъ Крюковскаго о Самойлѣ Кошкѣ оригинальнѣе прежде печатанныхъ, тотъ часъ же написалъ Аптоновичу. Просилъ его, чтобы онъ выхлопоталъ мнѣ отъ Драгоманова тѣ пѣсни, которыя я ему тогда далъ. По поводу пѣсень онъ мнѣ отвѣтилъ: «съ тѣхъ поръ, какъ обнаружилась литературная дѣятельность Драгоманова, я не имѣю съ нимъ ничего общаго». потомъ: «очень жалѣю, что не могу удовлетворить Вашей просьбы».

Я теперь пишу къ Вамъ: нужно Вамъ или оговориться, или что нибудь сдѣлать тутъ нужно. Пѣсни «Когда часъ прыходить» я не записывалъ отъ Крюковскаго. Изъ псаломъ я записалъ тогда только четыре: Про Правду, про Лазаря, про Иуса и про Почайнську Божию Матерь. (Я тогда имѣлъ такой взглядъ, что козацкія пѣсни главнѣе чѣмъ псалмы). Такъ, что жалѣю, что не записалъ всѣхъ пѣсень. (Думается записать ихъ, если Вы ихъ не записали еще). Отвѣйте мнѣ на это письмо. Можетъ быть то, что Вы напишите освѣ-

¹⁾ Це стаття В. Науменка, Происхожденіе малорусской думы о Самуилѣ Кошкѣ, «Кіевская Старина» 1883 кн. XI с. 212.

тить мнѣ это дѣло какъ мнѣ быть. Я и до сихъ поръ порядочно боленъ; такъ, что трудно мнѣ делать что нибудь. Да еще боленъ нервами, такъ тутъ всё равно что на песку не везёшь.

Сластѣнь Сластѣнь! Надѣлалъ ты мнѣ досады. Пріѣзжалъ ко мнѣ въ то мѣстечко, гдѣ я жилъ въ Лохвицкомъ уѣздѣ; я ему говорилъ о Крюковскомъ. Прочиталъ ему пѣсню про Коновченка. Потомъ поѣхали самого Крюковского посмотреть. А онъ не могъ Вамъ сказать этого дѣла такъ, какъ оно было, бывши самъ очевидцемъ.

Напишите мнѣ что нибудь про это. Что ни напишите—обрадуете меня, а то меня этотъ вопросъ о Крюковскомъ стѣсняетъ. Отвѣтите что нибудь. Будьте добры, Горленко, отвѣтите что нибудь.

Можетъ быть по полученіи этихъ пѣсень отъ Драгоманова, мнѣ самому нужно будетъ оговориться, такъ я и оговорюсь.

Я предполагалъ поѣхать за границу, но это еще не скоро я предполагаю сдѣлать. Тогда я надѣюсь ихъ получить отъ Драгоманова. А можетъ быть и раньше можно получить. Въ настоящее время затруднительно достать ихъ потому, что живу въ уѣздномъ городѣ.

Уважающій Васъ Мартиновичъ.

Адресъ мой: Порфирію Денисовичу Мартиновичу. Въ Константиноградѣ.

II.

С. Ярошовка
Прилуцкаго уѣзда
8 мая 1885 г.

Многоуважаемый
Порфирій Денисович!

Письмо Ваше посланное по адресу «Кіевской Старины», дошло ко мнѣ только сегодня. Вотъ почему я не сразу отвѣчалъ Вамъ на него.

Отыскавъ Крюковского, записавъ его пѣсни и напечатавъ ихъ потомъ, я не думалъ что причину этимъ кому нибудь неприятность. Мнѣ говорилъ Афанасій Григор. Сластѣнь что Вы знали Крюковского изъ адисаличкое что отъ него, но не видя этихъ пѣсень въ печати столько лѣтъ, я не зналъ какое употребленіе Вы изъ нихъ думаете сдѣлать. Впослѣдствіи въ Кіевѣ я услышалъ, что Ваши записи, вмѣстѣ со множествомъ другихъ, находятся у Драг. и что нѣтъ надежды получить ихъ оттуда. Это было когда статья моя о Крюковскомъ, вмѣстѣ съ пѣснями, была уже напечатана. Сердечно жалѣю если я огорчилъ Васъ этимъ. Мнѣ казалось что историческія думы и пѣсни имѣютъ для науки такую важность что передъ этимъ отходить на второй планъ вопросъ о томъ кто ихъ нашель. Если я подписалъ свою фамилію подъ замѣткой, то только потому что я печаталъ не однѣ думы, но и маленькую біографію Крюковского и нѣкоторые объясненія къ думамъ и вездѣ, по необходимости, говорилъ отъ своего лица. У меня къ счастью сохранился одинъ оттискъ статейки и я съ слѣдующей почтой вышлю его Вамъ вмѣстѣ съ другой статьей, представляющей также розсказъ о моихъ поискахъ кобзарей и думъ. Вы увидите что я старался выпытать у Крюковского все ему извѣстное почасти исторической поэзіи. Можетъ быть Вамъ удалось записать отъ него больше? Интересно будетъ знать въ такомъ случае что именно я упустилъ изъ виду.

Если Ваши списки будутъ напечатаны, то прошу Васъ сдѣлать примѣчаніе, что они записаны были въ такомъ то году, т. е. раньше моихъ, но мнѣ не были, какъ Вы сами хорошо знаете и какъ я могу Васъ завѣрить честнымъ словомъ,—извѣстны. Повторяю что вопросъ о моей личности въ этомъ случае меня ни мало не интересуетъ. Я не думалъ ставить себѣ въ заслугу запись думъ отъ Крюковского и, отдавъ ихъ въ печать, желалъ сделать только пользу людямъ занимающимся народной поэзіей. Такъ и случилось. На эти варианты ссылались въ печати уже нѣсколько разъ и между прочимъ въ одной очень хорошей книжкѣ—монографіи Андриѣвскаго о думѣ объ Азовскихъ Братьяхъ. Псалмы отъ Крюковского я записалъ не много. Шуточныхъ пѣсень не записывалъ совсѣмъ. У Сластѣна я выдалъ очень хорошій портретъ его; рисованный Вами. Еслибы можно было достать съ него рисунокъ для помѣщенія въ «Кіевской Старинѣ», то многіе были бы Вамъ очень признательны. Надѣюсь что Вы не сохраните ко мнѣ неприязни по поводу этого невольнаго съ моей стороны столкновенія съ Вами. Увѣряю Васъ что я действовалъ только изъ любви къ родной поэзіи и наукѣ. За свою статью, какъ и за всѣ послѣдующія, я никогда не получалъ никакой платы. Сожалѣю что мнѣ не случилось въ бытность въ Петербургѣ познакомиться съ Вами.

Отъ души желаю Вамъ поправиться и приняться опять за искусство и этнографическія поиски. Если вздумаете написать мнѣ, то адресъ таковъ: По Либаво-Роменской жел. дор. станц. Дмитровка Василю Петровичу Горленку въ с. Ярошовку.

Уважающий Васъ В. Горленко.

III.

Константиноградъ
30 Мая 1885 г.

Многоуважаемый Васи́лій Петро́вичъ!

Двѣ тетради, «Кобзари и лирики» и Бандуристъ Иванъ Крюковскій я получилъ.

Въ тетради Бандуристъ Иванъ Крюковскій Вы написали только 9 козацкихъ пѣсень. (Думами ихъ еще ни одинъ кобзарь до сихъ поръ не называлъ. Крюковскій употребляетъ это слово, но онъ мнѣ говорилъ, что слышалъ его отъ пановъ) Крюковскій знаетъ 11 пѣсень. Названія ихъ слѣдующія:

Про трѣхъ братьевъ Озовскихъхъ.

Про Олексія Поповича.

Про Кишку Самійла.

Про Хведора безридного.

Про Самарскихъхъ братьевъ.

Про Ивася Коновченка.

Про сокола.

Про вдову.

Витчимъ.

Про сестру та брата.

Про Мыхія. Шутливая.

Ой да на славній Украины,

У славному лиси Лебедѣни,

То тамъ то живъ проживавъ дидокъ старенькій

Мыхійко маненькій.

Дальше не помню (нѣтъ подъ руками пѣсень). Я у него прожилъ недѣлю и записалъ 11 пѣсень.

Если мнѣ и прійдется получить пѣсни, то во всякомъ случаѣ не скоро, если ихъ Драгомановъ не потерялъ. За это время можетъ случиться, что, не дай Богъ, Крюковскій умрѣтъ. По этому поѣдьте и запишите остальныхъ такъ-какъ я не могу. Если поѣдете къ нему, если случится оказія, то передайте ему поклонъ отъ меня.

Въ тѣхъ пѣсняхъ, которыя Вы напечатали, есть, на сколько я помню ихъ какъ онѣ были записаны у меня, есть значительные пропуски и рифма въ иныхъ мѣстахъ не такъ красива. Прочитавши ихъ, я догадался, что Крюковскій былъ въ худшемъ настроеніи, чѣмъ когда мнѣ первый разъ ихъ диктовалъ. Тогда ихъ передавать его болѣе занимало. Самійло Кишка у меня полнѣе. Я тогда не имѣлъ возможности, чтобы этотъ вариантъ цѣликомъ былъ записанъ. Достаньте подходящий ему, напечатанный у Костомарова, но только не тотъ, который не полно напечатанъ у Костомарова ¹⁾ а оригиналь, и прочитайте его Крюковскому. Онъ по тому варианту вспомнить свой. При мнѣ онъ забылъ, было Хведора безридного, но когда я ему прочиталъ Вересая вариантъ, то онъ сказалъ тогда: «не такъ, а отакъ». И пропуску не сдѣлалъ. Но нѣкоторые мѣста пѣсень у Васъ, кажется, полнѣе чѣмъ, у меня. Не могу сравнить потому, что нѣтъ подъ рукою. Біографія его также въ иныхъ мѣстахъ отличающаяся отъ Вашей, была записана мною съ его словъ, но она пропала во время моей болѣзни вмѣстѣ съ моимъ восьмилѣтнимъ трудомъ, прекрасными преданіями о Запорожцахъ. Восемь лѣтъ собиралъ [;] я не какъ этнографъ ихъ записывалъ. Я этнографомъ никогда не былъ, но если мнѣ встрѣчалось чтонибудь такое, что сильно меня заинтересовало, то я не могъ его пропустить въ продолженіи восьми лѣтъ. Иногда я, почти по году былъ въ селѣ. Собиралась порядочная масса. Выздоровѣлъ, спрашиваю: гдѣ мои записи? «Какія?» Такія и такія. Или не знали о ихъ существованіи или просто не знаютъ гдѣ онѣ дѣлись. Изъ нихъ одну толку тетрадку, 5 сказокъ, Слестѣнь далъ Бернштаму. Бернштамъ, кажется, теперь въ Кіевѣ. Тамъ онъ и теперь. Если будете въ Кіевѣ, то я Васъ прошу отъ себя, если только Вы имѣете тамъ вліяніе, чтобы ихъ тамъ напечатать, то напечатайте. (Букву [и] перемѣнить нужно на ъ). А если Вы не будете в Кіевѣ, то я тогда Бернштаму напишу, или комунибудь другому. Относительно того, чтобы

¹⁾ В «Исторіи Казачества въ памятникѣхъ Мр. Народн. Творчества». К. Г.

Крюковского напечатать въ Кіевской старинѣ я радъ бы и съ удовольствіемъ нарисовалъ бы для печати, но онъ у меня тогда не конченъ былъ; такъ и остался Лицо саякъ такъ, а фигура только начата и нисколько не кончена. Фотографію слѣдовало бы снять, но желательное было бы, чтобы не такъ, какъ Вересай снять. Относительно печатанія пѣсенъ Крюковского мои мысли теперь въ такомъ положеніи: печатайте Вы все цѣликомъ, а послѣ, когда возвратятся отъ Драгоманова мнѣ мои пѣсни, то изъ моихъ придѣтся добавить недостающее. Тамъ значительные пропуски, насколько я помню по своимъ запискамъ. И потомъ запишите, не пропуская и одной всѣ псалмы. Онъ знаетъ прекрасный варіантъ Лазаря. Въ кобзарскихъ пѣсняхъ слѣдуетъ прежде помѣщать псалмы, потомъ казакія, потомъ шуточные. Потомъ еще мнѣ плохо вѣрится въ послѣднее время, чтобы были пѣсни о Хмельницкомъ.

Въ Харьковѣ кобзарей каждое лѣто приходитъ множество; изъ нихъ каждый если не знаетъ, такъ слышалъ о Кишкѣ Самійлѣ или Коновченкѣ, а о Хмельницкомъ всѣ говорятъ: не знаемъ, не слышали.

Въ Полтавской губерніи тоже самѣ. Пролетое лѣто я видѣлъ въ Полтавѣ кобзара стараго изъ окрестностей Полтавы (чему очень удивился). Онъ своеобразно пѣлъ объ Озовскихъ братьяхъ. Знаетъ Алексѣя Поповича и еще двѣ: Вдову и сестру и брата. Зналъ о существованіи Коновченка и Кишки Самійла, а о Хмельницкомъ не слышалъ. Остаётся узнать объ этомъ въ уѣздахъ Черниговской губерніи. Къ Вамъ это ближе. Нужно спросить Кобзарей и лирниковъ: только такихъ, которые не знаютъ и не слышали ничего о Шутѣ и о Брагитцѣ и тѣхъ, что журналъ ЮгоЗападнаго отдѣла Географическаго общества. Сперва нужно спросить не знаютъ ли они этихъ, а потомъ вести разговоръ о пѣсняхъ про Хмельницкаго. Зыньковский уѣздъ мало извѣстенъ въ отношеніи кобзарей. Тамъ по ихъ мнѣнію лучшіе кобзари. Ахтырскій, Богодуховскій, Валковскій и Харьковскій уѣзды за послѣдніе два года я знаю, что тамъ кобзарей не меньше, чѣмъ лирниковъ. А всѣхъ ихъ вообще тамъ больше чѣмъ въ Полтавской губерніи. Тамъ какъ то поощряется это лучше.

Остаюсь уважающей Васъ

П. Мартиновичъ.

Адресъ: Порфирию Денисовичу Мартиновичу.

Въ Константиноградѣ.

Въ Харьковѣ слѣпцовъ очень любятъ. Я такого города не знаю, гдѣ бы они такъ безбоязненно ходили, а напротивъ: даже иногда какое то пріятное впечатлѣніе производить. Идутъ двое та трое, забравшись задній за передняго рукою за плечо, а передній за поводаря съ цыганки въ ростъ человѣка и даже выше. Иззади подъ свѣтками отдуваются струменты, иногда за спиною такъ, что ручка бандуры видна изъ за плеча. Инструментъ сохранно держится въ торбѣ на очкурѣ, чтобы струны во время ходьбы отъ толчковъ не порвались, вызываютъ часто пріятную улыбку у прохожей интеллигентной публики. Мѣшанки, кухарки и т. п. называютъ ихъ «музыканты: Музыканты пришли». Въ частяхъ города, гдѣ еще мостовой нѣтъ, а только песокъ (напр. Пѣски), гдѣ стоятъ мѣшанскіе домики подъ соломою, часто видно: два или три спиваютъ Чечитки. То окружающая публика мѣшанки, мѣшане довольно иногда большая толпа хохочутъ и дѣлаютъ свои замѣчанія. Въ городѣ тоже если заберутся во дворъ, да поиграютъ, такъ послѣ того дворня ихъ между дѣломъ вспоминаетъ тотъ или тотъ куплетъ, гдѣ Чечита сама лучшей закуски подхватывала. Или хотъ и въ городѣ, если, было, меня дома нѣтъ, да приду домой, такъ какіе были слѣпцы, такъ уже было оказій оказій! Потѣпа сторожа училищнаго (отставнаго солдата и великороса) жена танцовала. Слушала, значить, слушала та давай!...

А если во дворѣ сапожники, нѣкоторые говорятъ на кобзара «старецъ зъ балабайкою прыходывъ», такъ и колодки побрасаютъ, та босяка съ фартухомъ до толпы. А слѣпцы уже, если публика довольна, такъ еще и лучше стараются. Издали даже слышно по голосамъ по ихъ, что если публика довольна, то и они довольны. Поютъ и играютъ, еще и примѣчанія дѣлаютъ: снесла, значить, Чечотка яйцо «таке якъ видро» или «таке якъ волоскыый гарбузъ завбільшки». Они тамъ, на видъ кажется, (хотя это и не такъ), ходятъ на такомъ положеніи какъ и шарманщики, итальянцы тѣ, что ходятъ съ козою (съ волынкою), савояры тѣ, что при игрѣ на лиру и на флейты надѣваютъ желѣзную шапку съ колокольчиками, а иззади барабанъ съ мѣдными тарелками, гармонисты и прочіе музыканты. Но въ сущности это древняя связь ихъ [слѣпцовъ] съ этимъ городомъ не прерванная ни полиціей ни чѣмъ совершенно. Почему въ Полтавѣ лирникамъ дальше базара нигдѣ нельзя быть, а въ Харьковѣ они ходятъ свободно?—не знаю. Слышалъ объ этомъ разное: то губернаторъ въ Харьковѣ очень хорошъ, то что нибудь въ этомъ родѣ, которое не объясняетъ причины.

Когда я былъ жителемъ въ Харьковѣ тому уже лѣтъ 12, то тогда много ихъ ходило по Харькову. Недавно я ихъ года два назадъ видѣлъ въ Харьковѣ.

(Дня два или три побыть) Не знаю такія ли самыя ихъ отношенія съ публикою какъ были и прежде, или публика охладѣла къ нимъ. И быть может, сиромахи уже призадумались. Видѣлъ я слѣпцовъ на одной изъ главныхъ улицъ; скрипача слѣплого и цымбалиста выходящего. Знаете ли такихъ то пѣсень? Назвалъ думу; думаю, авось, можетъ, и скрипачъ знаетъ. А скрипачъ подумалъ, что я его какой то иностранной пѣсни заставляю пѣть: «Ни, мы такихъ не знаемъ, а отъ хахлацкихъ такъ мы знаемъ». Загряйте хахлацкой. Мишанки знаете? «Знаемъ», Начали играть скрипачъ и цымбалистъ, прислонясь къ забору. Публика стала собираться: извозчики пососкакивали съ своихъ колясокъ подбѣгаютъ слушать. Городовой подходитъ: «господа, розойдитъца». Стѣпецъ хотѣлъ оставить скрипку и исчезнуть куда нибудь, но извозчики закричали: «грай, грай». И городского какъ то пристыдили, что онъ отнимаетъ у тѣхъ заработокъ, а у нихъ удовольствіе послушать. Осрамили однимъ какимъ то словомъ, но не помню какимъ. Тѣ отошли отъ испуга скоро т. е. начали пѣть смѣло. Потомъ заставили ихъ Сквородынську пѣть «Всякому городу нравъ и права». Я не читалъ нигдѣ измѣненной ими этой псалмы, только слышалъ отъ Кравченка (Крюковскаго), который долго былъ въ Харьковѣ. Оказалось, что первая половина похожа на Сквородину, а вторая кто его знаетъ и что. По духу похожа на Сквородину, и здорово даже похожа, но слова малороссійскія чистыя, а въ первой половинѣ измѣненія много напр.

Всякому городу нравъ и права,
Всякой имѣть свой умъ голова.

Хведька купецъ пры аршины сольжетъ.

Здесь по студентахъ трицѣть голова
(съ диспутъ студенту)...

Это, вѣрно, недавно приспособили.

Сыва въ цього старыка борода

Мокра буває якъ чопъ завжди

Чопу не диво—въ барыли стремить.—

Разви той дидъ же пидъ чопомъ лежыть?

Швецъ съ копытами теперъ розгубивсь.

Ткачъ крычыть: «горе! теперъ я пропавъ!

Хтось мой берда и цивкы покравъ!»

и т. д.

Потомъ встрѣтилъ двухъ слѣпцовъ молодыхъ возлѣ университетскаго сада-идя съ знакомыми студентами. Одинъ (слѣпецъ) съ кобзою на ремнѣ черезъ плечо, въ синемъ калтанѣ, въ картузѣ, а другой безъ кобзы. Зазвали ихъ въ Университетскій садъ. Усѣлись на травѣ. Попросили кобзаря пѣть Алексія Поповича, потомъ вдвоѣмъ «Всякому городу нравъ и права» Потомъ «Хомы и Яремы». Я замѣтилъ стихъ.

«Пишовъ Хома въ вивтаръ, а Ярема на анбонъ» (амвонъ).

Гдѣ рифмованныхъ прибаутокъ больше чѣмъ самой пѣсни. Потомъ «Чичиточки». Кобзарь вырвалъ травинку, положилъ ее въ губы и началъ вторить подъ бандуру. Попросили его играть на одной бандурѣ. Говорили съ тѣмъ слѣпцомъ о думахъ. Онъ говорилъ что ему одинъ студентъ читалъ думы изъ книги. Не припомню какую; кажется что Азовскихъ братьевъ думаю онъ назвалъ, и говорилъ, что онъ хочетъ достать ту книгу, гдѣ думы и выучить по книгѣ. Потомъ играли козачковъ въ три руки. Самы они не выглядывали загорѣванными, а напротивъ: довольно полные; особенно тотъ, что съ бандурою. Кафтанъ синій, хотя и полинялый на солнцѣ. Сапоги вродѣ ботфортовъ съ тупыми носками, съ петельками по бокамъ. Сапоги хорошаго жирнаго товару. Кобза на ширококъ (въ ладонь почти) ремнѣ. Харьковскія кобзари не употребляютъ косточокъ, или наперетковъ двухъ или одного, играя на бандурѣ. Вовремя пѣнія пришло въ городовой. Сълъ возлѣ насъ и слушалъ, добродушно поглядывая то на насъ то на слѣпцовъ.

Потомъ еще встрѣчалъ двухъ слѣпцовъ. Увидѣвши что у одного кобза, попросилъ ихъ на квартиру. Тамъ два студента готовились къ экзамену. Попросилъ играть «Всякому городу нравъ и права», потомъ Азовскихъ братьевъ, которыхъ кобзарь зналъ не твердо. Говорилъ, что нужно подучиться у одного старика, который хорошо ее знаетъ. Потомъ про сестру та брата. Нема въ свѣти правды. Совсѣмъ не такъ какъ въ Полтавской губерніи нагѣвъ, а слова похожи, но не совсѣмъ. Эти оба слѣпца были настоящіе хохлы; особенно кобзарь. Выраженія лица этихъ обоихъ музыкантовъ очень пріятное. Потомъ пѣли Хомы и Яремы и Чечитки Думу пѣлъ одинъ только кобзарь, а Сквородину псалму

и проч. вдвоём: одинъ игралъ на кобзу, а другой (очень выразительно) на скрипку. О Сковородѣ они знают. И когда я сказалъ гдѣ онъ погребень—они тоже знают, и говорили, что были тамъ даже ¹⁾. Студентамъ очень понравилась ихъ пѣніе. Одинъ изъ нихъ говорилъ что въ будущемъ году послѣ канікулъ, будетъ ихъ часто звать. И попросилъ меня составить ему списокъ какія они пѣсни поютъ. Я составилъ.

Потомъ встрѣтилъ 2-хъ слѣпцовъ на вокзалѣ (уѣзжая изъ Харькова): одинъ лирикъ Петрыкъ, а другой тотъ, что пѣлъ въ Университетскомъ саду, который былъ тогда безъ кобзы, а теперь, къ моему удивленію, съ кобзою. Я попросилъ ихъ записать. (Еще билетовъ не выдавали). Лирикъ записалъ Алексѣя Поповича по моей просьбѣ. Вариантъ такой въ Историческихъ пѣсняхъ малорусскаго народа, гдѣ упоминается Грыцько Коломпыченко кошовый. (Но только, кажется, поляне, чѣмъ въ книгѣ Историческихъ пѣсень малорусскаго народа. Такъ что я теперь жалѣю почему не записалъ. Я спросилъ ихъ: чего они на вокзалѣ? Пѣть ли пришли? Они сказали, что билеты будутъ брать. Спрашиваю: куда? «Въ Люботынъ на дачи». Тогда, когда я былъ въ Харьковѣ (жителемъ),—тогда дачничество мало было развито въ Харьковѣ, а теперь по желѣзной дорогѣ около Люботина дачъ много. Распланирована по дачному землѣ. Огорожены рѣшетками пространства земли, посажены деревья, выстроены домики дачной архитектуры... Въ иныхъ мѣстахъ совсѣмъ какъ около Петербурга. Около платформы множество дачной публики дожидаетъ поѣзда изъ Харькова. Туда для заработка ѣхали слѣпцы. Взяли билеты. Съли въ вагонъ вмѣстѣ. Тогда я того, у кого кобза, попросилъ записать про Вдову. Кондукторъ хотѣлъ было запретить имъ пѣть, но улыбнулся и пошелъ дальше. Видно такія пѣнія ихъ (слѣпцовъ) желѣзнодорожныхъ не удивляютъ. Потомъ пѣли другія пѣсень. Я сказалъ имъ (слѣпцамъ), что ѣду въ Полтаву. Они мнѣ сказали, что они давно собираются поѣхать въ Полтаву для заработковъ. Сейчасъ я вспомнилъ: еще прежде этого лирикъ Петрыкъ говорилъ, что онъ и другія слѣпцы хотятъ поѣхать въ Москву для заработковъ. Вѣроятно московскіе купцы ихъ поощряютъ хорошо, что у нихъ есть такое желаніе.

Когда я съ Петрыкомъ заговорилъ о думахъ, и говорилъ, что кобзарь тотъ, котораго я видѣлъ (в Университетскомъ саду) хочетъ купить себѣ книгу съ думами, то Петрыкъ началъ говорить, что хочетъ одну думу выучиться. Я спросилъ: какую? онъ отвѣтилъ: «Про сыроту Степана молодого». Студентъ ему пѣлъ по Лысенковскимъ нотамъ сыроту Степана молодого изъ Шевченка, но Петрыкъ ее считаетъ настоящею кобзарскою думою. Этотъ разговоръ съ Петрыкомъ про сыроту Степана молодого я Вамъ напишу въ слѣдующемъ письмѣ.

Потомъ, когда я сказалъ, что ѣду на Полтаву, Петрыкъ говорилъ, что туда тоже давно собираются многіе (слѣпцы) поѣхать. Я говорю, что въ Полтавѣ нѣтъ въ обычаѣ, чтобы и и щ е пѣли по дворамъ. Онъ сказалъ: «ничого, мы заведемъ».

Харковскіе лирики нѣкоторые заказываютъ (и уже давненько, какъ я слышалъ объ этомъ) себѣ лиры въ музыкальныхъ магазинахъ, даже въ лучшихъ, но у слѣпцовъ такихъ лиръ мнѣ не приходилось видѣть, хотя видѣлъ очень хорошей столярной работы лиры. Но однажды я видѣлъ у одного слѣпца, и, кажется (не припомню только хорошенько) и не въ малороссійскій костюмъ онъ былъ одѣтъ, молодого музыканта ходящего по дворамъ очень искусно сдѣланную малороссійскую лиру. Тогда я убѣдился, что то, что я слышалъ справедливо. И кромѣ того я отъ многихъ слышалъ объ этомъ.

Остаюсь уважающій Васъ

Порфірій Мартиновичъ.

Я думаю, что эти свѣдѣнія о Харьковскихъ нищихъ могутъ быть интересны для Вашихъ соображеній.

IV ²⁾.

С. Ярошова
5 іюня 85 г.

Многоуважаемый
Порфірій Денисовичъ!

Изъ письма Вашего полученнаго сегодня я вижу что Вы интересуетесь также кобзарями какъ и я. Душевно радъ этому обстоятельству и очень благодаренъ Вамъ за сообщенныя свѣдѣнія. Съ своей стороны передамъ Вамъ кое какія свои замѣчанія на этотъ счетъ.

¹⁾ Значитъ, для слѣпцовъ Сковородинскія времена не совсѣмъ прошли.

²⁾ На конвертѣ: Въ г. Константиноградъ полтавской губ. Его Высокоблагородію Порфірію Денисовичу Мартиновичу. Поштовый штемпель Дмитровка П. О. Черниговской губ. 6 іюн.

Я непременно навѣщу этимъ лѣтомъ Крюковскаго (если онъ еще живъ) и запишу отъ него три незаписанныя еще думы (козакъ Голота, Самарск. бр. и козакъ Мыхій). Если мнѣ доведется ихъ напечатать, то я не премину сообщить что онѣ добыты по Вашему указанію. Кто бы не отыскалъ и не спасъ эти сокровища, каждый годъ исчезающіе,—лишь бы онѣ были спасены! Равнымъ образомъ я провѣрю со словъ Крюковскаго тексты думъ, записанныхъ раньше. Навѣрное вкрались и у меня пропуски. Это всегда бываетъ съ кобзарями, когда записываешь отъ них. По полученіи Вами тетрадей конечно самое лучшее напечатать всѣ пропуски сдѣланные у меня.

Не далѣе какъ на прошлой недѣлѣ я былъ съ тою же цѣлью—исканья кобзарей—въ Черниговской губерніи—въ Сосницѣ, гдѣ была ярмарка (Десята пятница). Я нашелъ, точно, одного молодого кобзаря и другого стараго, уже безъ бандуры, но который по моимъ разпросамъ припомнилъ и продиктовалъ мнѣ думу о Козакѣ Летягѣ (или Голотѣ, это все равно) и Олексія Поповича. Первая оказалась копией варианта Шута, записанного Кулишомъ. Объясняется это просто т. к. мой кобзарь учился у Шута и у Бешка, изъ Мены Сосницк. уѣзд. Его зовутъ Алексій Ракъ и Бѣлозерскій въ своемъ спискѣ кобзарей (въ сборникѣ пѣсень Метлинскаго) упоминаетъ о немъ. Другой, молодой кобзарь знаетъ только одну шуточную пѣсню, котор. впрочемъ очень хорошо поетъ. У него я купилъ бандуру, очень оригинальную, не такую какія бываютъ въ Полтавск. губ. а некрашенную и съ рѣзьбой. Въ уѣздѣ мнѣ назвали еще двухъ кобзарей. Одинъ поетъ о Хмельницкомъ¹⁾. Но онъ тоже ученикъ Шута и потому я не особенно тосковалъ что не могъ къ нему поѣхать (онъ живетъ далеко). Я убѣдился теперь положительно, что въ извѣстныхъ мѣстностяхъ извѣстныхъ опредѣленныхъ, такія то думы и что въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ думы уже собирали и гдѣ были извѣстные въ старину кобзари, найти чтонибудь новое невозможно. Того кобзаря что Вы видѣли въ Полтавѣ я знаю. Это должно быть Иванъ Городницкій изъ Ольховой Говтвы. Я былъ у него эту осень на хуторѣ и записалъ и Азвскихъ Братевъ и Вдову. Оба гаянта не стоятъ ничего! Такихъ ничтожныхъ вариантовъ (гдѣ разница въ нѣсколькихъ словахъ или выраженіяхъ) у меня записано много изъ разныхъ мѣстностей. Что о Хмельницкомъ записать чтонибудь новое нельзя—въ этомъ я почти не сомнѣваюсь. А что о немъ (кажется только въ одной Черниговской губ.) поютъ еще уже извѣстныя думы—свидѣтельствомъ того служить тотъ кобзарь, о которомъ мнѣ сообщили въ Сосницѣ.

Выводъ изъ всего этого тотъ—что надо искать кобзарей въ такихъ мѣстахъ, гдѣ ихъ еще не искали. У меня давно намѣченъ Зеньковскій уѣздъ и прилегающія мѣстности Харьковской губерніи. Но здѣсь вѣрно встрѣтятся повторенія вариантовъ Крюковскаго, который именно тутъ учился. Тѣмъ не менѣе я непременно буду тамъ. Въ Прилуцкомъ, Пирятинскомъ, Переяславскомъ и Роменскомъ уѣздахъ найти ничего уже нельзя. Это мнѣ извѣстно положительно потому, что тутъ я всю слѣпую братію знаю лично. Можетъ быть еще чтонибудь можетъ быть найдено въ сѣверо-восточныхъ уѣздахъ Черниговской губерніи (Кролевецкомъ, Стародубскомъ, Глуховскомъ). Пѣсни о Гайдамачинѣ надо искать въ Кіевской губ. О Запорожѣ—преданья и пѣсни найти можно въ Екатеринославск. губ. ближе къ Сѣчи, на югѣ Полтавской и Кіевской и на Черноморьѣ.

Есть нѣсколько думъ о существованіи которыхъ положительно извѣстно. Изъ однихъ—сохранились отрывки, другія были записаны. Таковы думы²⁾ объ Ив. Богунѣ (сподвижникѣ Хмельницкаго) начало ея записано отъ Шута Кулишомъ, 2) О Тетерѣ (отрывокъ въ двѣ строки напечатанъ въ сборникѣ Лукашевича) 3) О Сиренкахъ (сыновьяхъ Сирка). Отрывки ея напечатаны у Костомарова в его статьѣ о думахъ (в журн. Русская Мысль). Покойный Костомаровъ говорилъ мнѣ, что онъ в молодости записалъ двѣ думы: Объ атаманѣ Гречѣ и о Кошевомъ Зализнякѣ³⁾. (не героѣ Гайдамачины, а другомъ). Обѣ онѣ утратились в его бумагахъ, также какъ у Васъ Ваши запорожскія преданія. Какая жалость!! Если бы можно еще ихъ какъ нибудь розыскать. Того текста думы о Самойлѣ Кишкѣ, которымъ пользовался Костомаровъ (онъ записанъ проф. Зайкевичемъ в Лубнахъ) нѣтъ всего в печати. Изъ него Костомаровъ напечаталъ только отрывки. Едва-ли поможетъ что нибудь если я прочитаю Крюковскому эти отрывки. Изъ псалмъ я записалъ отъ него слѣдующ. «Ой горе, горе на сімъ свѣтѣ жити»⁴⁾—«Смотрися къ намъ, смерти!»⁵⁾, «Правду»⁶⁾, «Ой ушли

¹⁾ Се очевидно Лука Дума, або Думченко, про котрого див. нижче. К. Г.

²⁾ Див. двѣ повѣдки съ Н. И. Костомаровымъ «Кіевская Старина» 1886 кн. I. К. Г.

³⁾ Див. двѣ повѣдки съ Н. И. Костомаровымъ «К. С.» 1886 кн. I. К. Г.

⁴⁾ Надруковано в «К. С.» 1883, кн. 3. К. Г.

⁵⁾ Можливо що се той текст що був надрукований в К. С. 1883 кн. 8, від якогось роменско-го лірника. Там сказано, що єдиний просторий варіант цієї пісні записано від Вересая, може се слід розуміти так, що Горленковий запис від Крюковскаго був уривковий. К. Г.

мої літа яко вихорь в круги світа» (это стихи Сквороды)—и только. Еще написал С а в у Ч а л о г о, не представившого впрочем ничего нового. При свиданіи теперь конечно запишу всѣ псалмы. Непремѣнно передамъ ему Вашъ поклонъ, если удастся видѣть его.

В то время когда я был в Лохвицѣ там фотографіи не было и я не могъ снять портрета Крюковскаго. Если окажется фотографія теперь, то я сниму и конечно не в такой казенной позѣ как снятъ Вересай. Но все таки я просил бы Вас, если портрет Крюковск. писанный Вами сохранился у Васъ снять съ него копію для Кіевской Старины (въ форматѣ книжки журнала). Фотографія никогда не замѣнитъ живописи, притом же я слышалъ что Вы прекрасно владѣете рисункомъ. Когда то мелкомъ, у Сластена я видалъ что то вродѣ портрета кобзаря (тогда я еще не зналъ Крюковскаго) не есть ли это портретъ рисованный Вами и если это онъ—то нельзя ли его добыть от Сластена? Я употреблю всѣ старанія чтобы напечатать Ваши сказки, переданныя Бернштаму. С ним я хорошо знаком. Он теперь еще в Петербургѣ, но лѣтом вѣроятно пріѣдет в Кіевъ. Если можно будет помѣстить в «Кіевск. Стар.» то их напечатают там, если нѣтъ (если Вы позволите) то их можно передать Рудченку, котор. пригтовляетъ теперь к печати новое собраніе сказокъ. Напишите как лучше сдѣлать. Если у Васъ есть свободное время, то прошу Васъ написать мнѣ по тому же адресу. На Либаво-Роменск. жел. дорогѣ. станція Дмитровка. Василию Петровичу Горленко.

Истинно уважающій Вас
В. Горленко.

V.

Константиноградъ.
7 Юня 1885 г.

Многоуважаемый
Василій Петрович!

Послѣ полученія отъ Васъ двухъ тетрадей «Кобзари и лирники» и «Бандуристъ Иванъ Крюковскій» я дней пять тому назадъ написалъ Вамъ и отнёсъ на почту, но сейчасъ вспомнилъ, что на конвертѣ я написалъ адресъ неправильно. Написалъ на станцію Дмитровку, а въ село Ярошовку не написалъ. Дойдѣтъ ли оно по такому адресу? Поэтому я пишу новое:

Вы напечатали 9 пѣсень Крюковскаго (думъ) Крюковскій мнѣ тогда въ 1876 продиктоваль 11.

1. Про трѣхъ братьевъ Озовськихъ.
2. Про Олексія Поповича.
3. Про Кишку Самійла.
4. Про Хведора безриднаго.
5. Про трѣхъ братьевъ Самарськихъ.
6. Писня про Ивася Коновченка прекраснаго лыцаря.
7. Про сокола.
8. Про вдову.
9. Про сестру та брата.
10. Витчимъ.
11. Про Мыхія (сатирическая).

Ой на славній Украины

У славному лиси Лебедіни

То тамъ то жывъ проживавъ дидокъ старенькый
Мыхійко маненькый.

Въ вариантахъ записанныхъ Вами пропуски и въ иныхъ мѣстахъ значительные. Строчокъ 10 пропушено въ Коновченкѣ и во многихъ есть пропуски. Самійло Кишка мною записаль почти весь. Средину и начало съ большимъ трудомъ привели въ порядокъ; такъ, что онъ тогда говорилъ что такъ. А конца я не могъ добыться. Если мнѣ прійдѣтся достать тѣ пѣсни, которыя я записываль, и въ нихъ не окажется въ иныхъ мѣстахъ тѣхъ выраженій, какія есть въ Вашихъ, а въ Вашихъ какія были у меня, то тогда слѣдовало бы взаимно пополнить. Изъ псалемъ я записаль.

1. Исусе мой прелюбезный.
2. Исусе Пане мылый.
3. Про Лазаря.
4. Про Почаивську Божу Матирь (на подобіе Лысенковой).
5. Про правду.

Ш у т о ч н ы я.

1. Чечитка.
2. Про Хому та Ярему.
3. Гарбузь.

4. Вербунка. (Не вся).

5. Мищанка.

Остальныхъ изъ веселыхъ не вспомню сейчасъ записывалъ ли еще что. Я записывалъ цѣлую недѣлю эти пѣсни. И онъ мнѣ ихъ очень хорошо продиктовалъ. Я жалѣю, что Вы въ вариантѣ Вакуленка и Крюковского записали много словъ великорусскихъ и такихъ выражений, которыя составляютъ анахронизмъ, который когда то будетъ затруднять читателя или вводить въ заблужденіе. Напр.

«А Ивась Коновченко слова не слушае,

Бере чайный стаканъ да наливаетъ»...

«Ахъ не желаю я, маты

Своихъ н и м е ц ь к и х ъ закаблукоевъ ламаты».

«Ивась Коновченко се слово услышае».

Нимецки закаблуки лѣтъ десять какъ вошли въ моду у мужиковъ. А вѣроятно

«Не хотилося мини, маты,

Жовтыхъ чобитъ сапьянчивъ по борознахъ выкрыляти».

Я всегда въ такихъ случаяхъ совѣтовался съ ними: а якъ вашъ майстеръ събивавъ? Чы не отакъ? Як це сказати по старинному? и т. д. Я слышалъ что одинъ лирникъ (во время русско-турецкой войны) пѣлъ на базарѣ Коновченка и таковы были выраженія:

«То вдова усѣхъ салдаатовъ у свой дворъ закликае».

Если бы я отъ него записывалъ, то я съ согласія его: А не треба казать «усихъ козакивъ» записалъ

Усѣхъ козакивъ у свій двиръ закликае.

8-го Іюля въ Лохвицѣ ярмарка «на Прокіпья». Въ 1876 году я заѣхалъ вторично къ Крюковскому просто побывать. Въ то время (у Крюковского) было нищихъ слѣпцовъ около 20 душъ. Былъ Афанасій Миргородскій. Я спрашивалъ его какія пѣсни онъ знаетъ. Озовскихъ братьевъ, Олексія Поповича Коновченка, Сестры и брата, про вдову. Учился онъ у того мастера, который учился вмѣстѣ съ майстромъ Крюковского, не помню у какого говорилъ Крюковскій кобзаря. Майстеръ Крюковского при мнѣ былъ живъ, и не далеко въ 12 верстахъ (отъ Лохвицы). Очень теперь жалѣю, что не былъ у него. Одинъ изъ нищихъ мнѣ говорилъ: давно въ окрестности такого кобзаря (нѣту) какъ Крюковскій по знанію многихъ пѣсень. Была мною записана и біографія съ его словъ безъ прибавленія примѣчаній съ моей стороны, но она въ Петербургѣ послѣ моей болѣзни затерялась. Я написалъ въ Петербургѣ, чтобы мнѣ выслали мои записки, какія были. Получилъ отвѣтъ, что ничего не отыскали.

О Кишкѣ Самійлѣ могутъ знать въ Гадяцкомъ уѣздѣ. Тамъ недавно умеръ Даныло Морозъ болѣе 104 лѣтъ. Я видѣлъ въ альбомѣ одной художницы, ѣздившей въ Розбышевку, рисунокъ кобзаря лѣтъ около 50, тамъ можно кому нибудь узнать. Отъ Трыхона изъ Бубновъ Лохвицкаго, а не Роменскаго уѣзда, Русовъ по ошибкѣ назвалъ Роменскаго уѣзда, я записалъ 5 (думъ).

1. Озовскіи братья.

2. Про Черноморську бурю.

3. Про Коновченка.

4. Про вдову.

5. Витчимъ.

Про биду прекраснѣйшій вариантъ. Потомъ записалъ порядокъ «Одклинщины» т. е. когда ученикъ выучившись у кобзаря пѣтъ и играть, по своей просьбѣ и съ согласія мастера и попрошеной для этого братіи на это, получаетъ отъ мастера и братіи позволеніе, отпущеніе отъ мастера и принятіе братією въ товарищи. Другой есть обычай «вызвольтяться». Черезъ нѣсколько лѣтъ тотъ же бывшій ученикъ проситъ товарищей позволить ему принимать учениковъ для науки и для своей потомъ поддержки. Это я Вамъ пишу для того, что не запишите ли Вы что нибудь въ этомъ родѣ. Одклинщины справляются разнo: т. е. больше или меньше говорятъ законныхъ речей. Я помню начало такъ я записалъ отъ Трифона:

«Молитвами святыхъ отецъ нашихъ, Господы Іисусе Христе сыне Божій, помылуй насъ».—«Аминь».

«Спасеть Богъ, господа майстрѣ, якъ старшій такъ и младшій, за святой Аминь, за Іисусову молитву, за Евангельське слово, за прывить Божій, за майстерьську науку».

Вотъ это одно только выраженіе помню. Потомъ идетъ порядокъ угощенія: «Господá майстрѣ якъ старшій, такъ и младшій! Благословить ученику одъ майстра стаканъ вина прынятъ». Есть такое мѣсто въ этомъ обрядѣ, что ученикъ, благословясь, угощаетъ учителя. Но самое главное мѣсто въ этомъ об-

рядъ когда майстеръ даётъ цѣлый хлѣбъ въ руки ученику и братія садить его рядомъ возлѣ майстра. Всё это сопровождается законными речами, отъ которыхъ они не отсужаютъ. Это, по моему мнѣнью важно такъ же какъ и Думы, какъ и биографіи кобзарей, которые мы не приспособились хорошо записывать.

Относительно слова Думы я говорилъ съ Крюковскимъ. Онъ сказалъ мнѣ, что «паны ци письменіи называютъ думы».—«А якъ же ихъ называть по прѣстому?» «Козацьки письменіи ихъ слидъ называть».—«Якъ называются ци письменіи, шо вы събиваете на цей голосъ? То псалмы, а то весели письменіи, а ци якъ называются?». Не могъ отыскать названія. Трифону, было, забыть сколько лѣтъ онъ говорилъ. Типичный кобзарь, какого только я видѣлъ. (Рисунокъ съ него при пѣсняхъ у Драгоманова). Когда записалъ я 5 пѣсень, спросилъ я: «ищѣ не знаете?»—«Не знаю. И майстеръ мій билыше не знавъ».

Интересно составить болѣе полный словарь того языка, которыми говорятъ слѣпые и шаповалы изъ Смоленскаго уѣзда. Въ Роменскомъ уѣздѣ въ Глинскѣ этотъ языкъ преимущественно въ ходу и въ значительной полнотѣ.

Нѣкоторыя слова я помню изъ того словаря записанного мною, который тоже у Драгоманова

Виль Акгузъ.
Пѣво Церклѣ.
Горилка Ардеманъ.
Вѣвна Параха.
Чоловикъ Живобѣ.
Баба Збахъ.
Дѣвка Письтѣ.
Хлибъ Охрилъ.
Тютюнъ Матланъ.
Грѣши Башлаи.
Идтѣ Хылять.

Иихать на волах хылять на акгузахъ.

Зробы Змаксаи.
Велькій Мыкрыи.
Старый Шмарый.
Жыдъ Йопсъ.
Курить Таскѣлыты.
Йисты Трѣбиты.
Спѣты Хыматы.
Домъ Отвѣсъ.
Пѣты Кырыты.
Штаны Ногавыци. якъ у Галычанъ.

Ходимъ у шинокъ горилку пить: «похыляймо до шындѣру ардеманъ кырыты». «Грѣшей нема».—«Башлайи не мамѣютъ». «Побыймо жыда». «Почеканемо Йопса». (Значить если побѣемъ, такъ дастъ водки). «Зробы мини папырѣску». «Змаксаи маньцькому клысну».

Красывый Кіивый.

Въ Харьковѣ кобзарей и лирниковъ такое множество, и такъ часто они перемѣщаются (т. е. на слѣдующій годъ приходятъ другіе), что, кажется, въ Полтавской губерніи третья часть только будетъ сравнительно съ тѣмъ, сколько можно ихъ видѣть въ Харьковѣ. Они ходятъ тамъ по дворамъ; базаръ не единственный и не лучший ихъ заработокъ, а по дворамъ—ихъ Харьковцы любятъ. Одинъ говорилъ мнѣ слѣпецъ: «чоловикъ двадцѣть кажне лито ходить нась». Кобзарей не меньше чѣмъ лирниковъ. Ходятъ они по два и по три. Или одинъ кобзарь или лирникъ, или кобзарь и лирникъ. Кобзарь и скрипникъ. А иногда и третій безъ инструмента, только поѣтъ. Сквородыну псалмы всё знаютъ. Изъ козацкихъ пѣсень Озѣвски браты почти такъ какъ у Срезневскаго и Олексій Поповичъ такъ какъ въ Историческихъ пѣсняхъ малорусскаго народа. Я спрашивалъ ихъ какого они уѣзда. Харьковского и Валковскаго наибольше. Потомъ Богодуховскаго и Ахтырскаго. Но Валковскихъ, Богодуховскихъ, Харьковскихъ не выходятъ значительно изъ рамокъ вариантовъ Срезневскаго. Значить можно предполагать, что этотъ районъ нѣсколько извѣстенъ. Но только Харьковцы всё [знаютъ], что есть пѣсня о Кишкѣ Самійлѣ, о Коновченкѣ всё почти до одного знаютъ, но не умѣютъ пѣть. А кобзари большею частію молодые; они у своихъ мастеровъ дома въ своихъ уѣздахъ не выучились всѣхъ пѣсень. А тамъ есть должно быть старые кобзари. Такъ, что этотъ районъ извѣстенъ по Озовскимъ братьямъ и Алексѣю Поповичу, а не по Самійлу Кишкѣ, Коновченку и другимъ.

Трифонъ Магадынь тотъ, о которомъ я Вамъ писалъ—его пѣсни наиболѣе похожи на Вересая и Крячковскаго. Село Бубны не очень далеко отъ мѣстечка Варвы Прилуцкаго уѣзда, тоестъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ Пирятинскій, Прилуцкій и Хорольскій сходятся вмѣстѣ. Въ Хорольскомъ уѣздѣ кобзаря три живы были лѣтъ пять назадъ; старые они или молодые не пришлось разспросить. Въ Золотоношскомъ уѣздѣ я жилъ три года. Тамъ, кажись, нѣту. Я жилъ тамъ недавно. Въ южной части, которую я лучше знаю сѣверной, лирники приходятъ изъ Хорольскаго уѣзда. Въ Кременчугскомъ, Кобылякскомъ и Константиноградскомъ и Полтавскомъ тоже, кажется, нѣту.

О Зѣньковскомъ уѣздѣ я слышилъ отъ того же слѣпца, который говорилъ, что Крюковскій лучший извѣстный ему кобзарь, [онъ] говорилъ: «у Зиньков-

ському вьизди и тамъ кобзарькы добри». Прошлое лѣто я въ Полтавѣ обошолъ всѣхъ лирниковъ на базарѣ человекъ около восьми—ни одинъ ни одной думы не знаетъ. Однажды прохожу черезъ базаръ въ полдень,—сидитъ кобзарь старый и кобзы я еще такой не видѣлъ, а только отъ Крюковскаго слышилъ объ такой формѣ и пообіе такой: подробности не помню. [малюнок]. Спросилъ его я что онъ знаетъ. Озовськихъ братьевъ.

Олексія Поповича.

Сестры брата.

Удовы.

Я спрашивалъ по порядку; не знаетъ ли онъ Коновченка? «Не знаю». Кишку Самійла? «И того не знаю». Хведора безридного? «Не знаю». Ивана Богуславця? Молчалъ молчалъ, морщился морщился: «можетъ Ивана Богослова? Ивана Богослова я знаю». Но я подумалъ: можетъ быть это псалма. И теперь жалѣю, что не заставилъ пѣть Ивана Богослова. Заставилъ его пѣть Азовскихъ братьевъ. Вариантъ интересный. Я спросилъ откуда онъ, назвалъ село. Забылъ теперь название. Дня черезъ два потомъ я на базаръ съ тѣмъ чтобы отыскать его и записать, но лирники сказали что онъ ушолъ домой. Куда? «У Говтву Хорольскаго вьизда». Это лѣто я распрошу о нѣмъ и если онъ живъ,—постараюсь записать отъ него.

Не будете ли Вы это лѣто въ Полтавѣ? Если думаете быть, то напишите мне. Можетъ быть увидимся.

Относительно пѣсенъ о Хмельницкомъ—Крюковскій говорилъ, что «булы пѣсни про Хмельницкаго въ Полтавскій губерніи». Слышилъ онъ не мало по части думъ. Кобзаря Шута зналъ; не знаетъ что знаетъ Шутъ.

Кобзарь Павло Братыця и тотъ молодой лирникъ отъ котораго Линдфорсъ записалъ Васылія Молдавскаго (изъ пѣсенъ о Хмельницкомъ¹⁾). Не записалъ Линдфорсъ: отъ кого тотъ лирникъ выучился? Нѣ были ли кто нибудь вродѣ Братыци или его Нѣжинскаго учителя учителемъ того молодого лирника? В Харьковѣ я около десяти душъ спросилъ о Хмельницкомъ? Отвѣтъ: «такого не чуль».

Остаюсь уважающій Васъ Порфирій Мартиновичъ.

Адресъ: Порфирію Денисовичу Мартиновичу. Въ Константиноградѣ.

Возвращаюсь къ тому съ чего началъ: если Вы имѣете охоту записать тѣ Крюковскаго пѣсни и напечатать пока, быть можетъ, я достану отъ Драгоманова, если не пропадутъ у него мои рукописи, то записывайте и печатайте. Но если я достану и если мои пѣсни будутъ полнѣе, то тогда я напечаталъ бы ихъ не трогаючи того, что Вы напечатали «Когда бъ я знавъ свой посылдній день» и тѣхъ духовныхъ пѣсенъ, которыя Вы записали, но не печатали, о которыхъ Вы мнѣ напишите. Достаньте мнѣ вариантъ Кишки Самійла только полностью тотъ, который помѣщенъ у Костомарова въ Историческихъ пѣсняхъ²⁾ въ извлеченіи, а что я съ нимъ намѣренъ дѣлать,—напишу въ слѣдующемъ письмѣ.

VI.

С. Ярошовка.
12 іюня 85.

Сегодня я получилъ Ваше второе письмо многоуважаемый Порфирій Денисовичъ, написанное Вами в предположеніи что я не получилъ перваго. Очень радъ этому обстоятельству (хотя первое письмо я получилъ, уже отвѣтилъ Вам на него) так как в новом письмѣ вы сообщаете много нового о предметѣ столь интересующемъ насъ обоихъ. Можетъ быть общимъ усиліями намъ и удастся отыскать еще кое что в этой области, куда никто уже не рѣшается проникать, думая что все погибло. Могу сказать только одно: что старые собиратели были очень ленивы и относились замечательно халатно к своему дѣлу. Еслибъ мы съ вами жили лѣтъ 30—40 назадъ, то мы собрали бы столько думъ сколько и не снилось ни Максимовичу ни Средневакому! Я писалъ уже Вамъ что у Крюковскаго буду это лѣто непрѣменно. Какая однако жалость что пѣсни записанныя вами лежатъ без всякой цѣли и без употребленія у Драг. Вѣроятно предполагалось ихъ помѣстить в слѣдующія выпуски «Историческихъ пѣсенъ малор. нар.» в приложенію к первымъ. Но изданіе как вы знаете приостановилось и Бог знает на сколько времени. Мнѣ кажется что лучше поступать так как я—печатать по мѣрѣ собиранія, хотя и не съ вполнѣ научной, можетъ быть, обработкой (по специальности я не филолог и не историкъ) но лишь бы дать ихъ въ руки историкамъ, словесникамъ и вообще людям науки, также как и простымъ любителямъ народности и поэзіи, которыхъ эти пѣсни и думы натолкнут и самих, можетъ быть на собираніе.

¹⁾ Се запис Софіі Хведоровни Ліндфорс (пізніше Русової) в Историческихъ Пѣсняхъ т. II. с. 14. К. Г.

²⁾ Помилка, в «Исторія Казачества»: К. Г.

О Трифонѣ изъ Бубновѣ (Великіе Бубны,—мѣстечко Роменскаго уѣзда, а не Лохвицкаго. Вы в этомъ случаѣ ошибаетесь. Я знаю, такъ какъ это 25 верстѣ отъ меня. Развѣ есть другіе Бубны в Лохвицк. но я не слышал, ¹⁾ я зналъ по біографіи Вересая и по сборнику Меглинскаго (тамъ есть списокъ кобзарей) я считалъ что его думы погибли, также какъ и думы множества другихъ кобзарей. Чрезвычайно радъ что онѣ записаны и спасены вами! Какъ хотѣлось бы знать что портретъ его, рисованный вами не пропалъ также. Портретовъ хорошихъ, старинныхъ кобзарей счетомъ всего существуетъ нѣсколько. Въ слѣдующій разъ я, надевъ справки у знакомыхъ, напишу вамъ какимъ образомъ можно достать ваши тетради отъ Драгом. Что касается кобзарскихъ обрядовъ—то это величайшая находка. Это никогда еще не было записано никѣмъ. В какихъ изъ вашихъ тетрадѣй сохранились эти записки? Нѣтъ сомнѣнія что съ своей стороны употреблю усилія чтобы записать эти обряды и в другихъ мѣстностяхъ.

О думкахъ про Хмельницкаго я уже писалъ вамъ. Я убѣжденъ в томъ что онѣ существовали и пѣлись еще не такъ давно, но я по странному стеченію условій, которое мы не можемъ еще объяснить, не зная хорошо судьбы историческихъ пѣсенъ, онѣ держались только на сѣверѣ, в Черниговск. губ. Я писалъ уже вамъ что и теперь есть кобзарь Лука, ученикъ Шута, котор. поетъ какую-то думу о Хмельницкомъ. Былъ такой же кобзарь в с. Бобѣ, Сосницкаго уѣзда. Шуть и Бешко пѣли оба о Хмельницкомъ. Пять думъ о Хмельницкомъ записаны Кулишомъ отъ Шута (раньше одна изъ нихъ—О Бѣлоцерковскомъ мирѣ—записана и напечатана была священникомъ Базилевичемъ). Поддѣлки тутъ поддѣлывать невозможно, т. к. я встрѣчалъ самъ много лирниковъ, говорившихъ мнѣ о Шутѣ и о томъ что онъ зналъ думы о Хмельницкомъ. Только шестая дума изъ эпохи Хмельницкаго—О Корсунской битвѣ, были записаны Нѣговскимъ, кажется в Харьковской губерніи отъ слѣпца-запорожца Ригоренка. Я не вижу разницы в формахъ и складѣ этихъ думъ противъ остальныхъ. Самійла Кішки полное Костомаровскаго вариантъ достать не могу. Послѣ смерти Никол. Ив., с которымъ я былъ хорошо знакомъ, бумаги всѣ его остались у жены, безъ сомнѣнія теперь ничего изъ нихъ получить невозможно ²⁾. Если бы вамъ была возможность записать отъ Харьковскихъ кобзарей Самійла Кішку, то тогда и видно было бы каковы его особенности. Если вы читали статью Костомарова «Малорусск. историческая поэзія и новые матерьялы» (по поводу сборника Антоновича и Драгом.) то могли найти тамъ извѣстія о томъ что существуетъ сборникъ дум, составленный в началѣ этого вѣка Ив. Петров. Котляревскимъ. ³⁾ Этотъ сборникъ былъ данъ Костомарову покойн. профессоромъ Кіевск. Университ. Котляревскимъ и теперь находится у сына его в Москвѣ. Я уже дѣлалъ попытки черезъ знакомыхъ получить этотъ сборникъ для печати, но еще ничего не добился. Костомаровъ взялъ свой вариантъ К и ш к и отсюда. Оттуда же бралъ онъ отрывки и другія думы, котор. к сожалѣнію печаталъ не цѣликомъ. Тамъ есть дума О С и р ч е н к а хъ никому болѣе не извѣстная.

Какъ фамилія той художницы, которая рисовала кобзаря в Гадячскомъ уѣздѣ? Нельзя ли черезъ нея узнать имя этого кобзаря?

Не знаю удастся ли мнѣ въ это лѣто добраться до Полтавы. К несчастью я занятъ обязательными разными дѣлами и не могу выѣхать изъ дому когда вздумается. Если я буду имѣть возможность быть в Полтавѣ то я сообщу Вамъ и можетъ быть намъ удастся встрѣтиться.

Пока остаюсь истинно Вамъ преданнымъ

В. Горленко.

Пожалуйста пишите. Адресъ совершенно точен. Ст. Дмитровка. Либаво-Роменской жел. дор. В. П. Горленку, в с. Ярошовку.

VII.

Константиноградъ.
1885 года 11 Іюня.

Многоуважаемый
Василій Петровичъ!

По поводу кобзарей я знаю еще слѣдующее: въ Лохвицкомъ уѣздѣ въ 1876 году ходилъ по сѣламъ и заходилъ въ мѣстечко Воронькѣ, гдѣ я жилъ недоучившійся ученикъ Трифона Магадына; онъ просилъ милостыню такъ: говорили мнѣ жители того мѣстечка, гдѣ я жилъ: «идѣтъ тихо вдоль улицы и громко поѣтъ Коновченка». Когда я читалъ мужикамъ Коновченка по вари-

¹⁾ Сю саму дискусію про В. Бубны маемо і у Драгоманова в «Життю і Слові» 1995 кн. IV. Але се не помилка: Бубни е і в Лохвицькому пов. К. Г.

²⁾ Перекреслено: Онъ записалъ свой вариантъ в Харьковской губерніи въ 40-х годах, какъ говорилъ мнѣ самъ. Се була помилка і тому Горленко й зачеркнув сі слова: вариантъ сей в дійсності був записав проф. Змікевич. К. Г.

³⁾ Се збірникъ т. з. Ломиковського, що був у О. Котляревського. К. Г.

анту Трифона, то они говорили: «намъ это извѣстно. Мартынъ» (такъ, кажется его зовуть, но положительно не могу сказать) «намъ пѣль это, а мы слышали». Я его не писалъ, такъ какъ онъ ученикъ Трифона. Года черезъ два, какъ я предполагаю, этого самого Мартына видѣлъ Сластѣнъ въ селѣ Билоцерквѣцяхъ Лохвицкаго уѣзда. Этотъ ему пѣль.

«У святую недиленьку тó не сызи орлы заклекоталы,
Якъ бидни невольныкы у тяжкй неволи заплакалы».

Гдѣ онъ ее выучилъ? Не былъ ли онъ между Ахтырскими кобзарями или, быть можетъ, Зиньковскими? Сластѣнъ весь вариантъ заучилъ наизусть: онъ почти похожъ на тотъ, который помѣщено въ Историческихъ пѣсняхъ малорусскаго народа. ¹⁾ (Разница въ нѣсколькихъ словахъ). Въ Харьковѣ кобзари мнѣ, когда допрашивалъ не знаютъ ли они еще Козацкихъ пѣсень, говорили: «це якъ бы Ахтырськихъ попытати». (О Хведорѣ безродномъ хотъ и не напоминать Харьковцамъ;—совершенно не знаютъ, а о Самійлѣ Кишкѣ всѣ знаютъ. Въ 1875 году по желѣзной дорогѣ ѣхалъ я изъ Харькова на Полтаву. Заговорилъ о кобзаряхъ съ публикою вродѣ мѣщанъ или сельской интеллигенціи; (которая весьма своеобразна въ Харьковской губерніи). Одинъ изъ нихъ мнѣ сказалъ и другой его въ этомъ подтвердилъ, что въ Ковьягахъ (станція отъ Полтавы до Харькова) онъ видѣлъ на ярмаркѣ 7 кобзарей съ бандурами. Такъ какъ было это въ Харьковской губерніи, то я повѣрилъ. Но Ковяги я хорошо не знаю:—Харьковской ли или Полтавской губерніи. (Кажется Полтавской) по границѣ Ахтырскаго и Зиньковскаго уѣзда.

Въ Сосницкомъ уѣздѣ Черниговской губерніи въ селѣ Шабалыновомъ я имѣлъ знакомыхъ трѣхъ козаковъ, если кто не умеръ изъ нихъ. Они мнѣ говорили, что у нихъ—только не знаю въ ихъ ли селѣ жителемъ былъ или только приходилъ въ ихъ село, но только они его называли своимъ, старый кобзарь. Козакъ тотъ говорилъ, что Азовскихъ братьевъ тотъ кобзарь знаетъ. Не тотъ ли это, котораго Вы видѣли въ Сосницѣ?

Въ мѣстечкѣ Веремевкѣ Золотоношскаго уѣзда на базарѣ увидѣлъ я лирника. Прислушиваюсь—поѣтъ Лазаря. Увидѣлъ его опять черезъ нѣсколько времени на ярмаркѣ въ томъ же мѣстечкѣ; слушаю—поѣтъ Коновченка да какой же вариантъ! Изъ его варианта я запомнилъ только разницу въ слѣдующемъ: (всегó не помню потому что не пришлось записать) когда Ивасъ Коновченко пришолъ къ Кóрсунському Полковнику пану Хвѣлону проситъся позволить ему воевать, то Кóрсунскій Полковникъ его угонявалъ такъ, какъ и въ прочихъ думахъ на подобіе того, но только было такое выраженіе: «ты не бачывъ, якъ козацька кровъ» (на сраженіи) или проливается или алъветъ; или рѣвка ее блестятъ на солнцѣ. Послѣдняго слова никакъ не припомню. Но только не въ одной думѣ такого выраженія нѣту. Замѣчательно своеобразное и сильное было выраженіе. Потомъ совсѣмъ было непохожее ни на одну думу выраженіе, которое должно состоятъ тѣмъ многихъ словъ, а, можетъ быть и строчокъ о томъ, какъ Ивасъ Коновченко (въ томъ мѣстѣ думы, гдѣ онъ хочетъ напиться вина) не могъ преодолѣть желанія напиться вина. Такого я не читалъ выраженія и не слышалъ. Потомъ въ третьемъ мѣстѣ замѣтилъ слѣдующую разницу: когда Ивасъ Коновченко началъ пить обыкновенно или

Въ свій кубокъ нальвѣ,
Якъ серце козацьке молодецьке звеселивѣ,

или иначе, а такъ лирникъ пѣль: «та до сороковой бочки якъ прыхылився», но про чопъ хорошо не помню, но буду и утверждать. Послѣ дальше весьма характерныхъ выраженій, слѣдующихъ послѣ выраженія до сороковой бочки якъ прыхылився, о томъ какъ онъ пилъ водку съ чопа не помню. Публика и вздыхала за этою пѣсней и плакала. А одинъ старый козакъ хлопотливо и торопливо объяснялъ публикѣ, преимущественно состоящей изъ женщинъ, каждый поступокъ Коновченка, стараясь и самъ не пропустить слушать лирника и объяснять публикѣ. Дальше слѣдовало сожалѣніе характерное и смѣшное и грустное о томъ, что Козакъ не можетъ иногда удержаться отъ проклятого вина. Не помню какое было слово: именно ли отъ проклятого вина или другое, но только смыслъ тотъ помню, что лирникъ чуть ли его не въ кубической степени проклиналъ. Послѣдующихъ выраженій не помню. Это тотъ лирникъ, о которомъ я говорилъ Вамъ, что пѣль «усѣхъ салдатовъ (удова) у свой вдоръ закълькае». Лирникъ здорово русилъ. Я спросилъ: откудава онъ? Онъ отвѣтилъ, что Хорольскаго уѣзда. Я заставилъ его пройтъ Азовскихъ братьевъ. Вариантъ у него былъ такой: братья за тó, что не взяли меньшаго на возврагномъ пути терпѣли крушеніе на Чорномъ морѣ. Потонули или живы остались,—

¹⁾ Див. Ф. Колесса, Мелодіи до українськихъ народнихъ дум, серія II с. 41. К. Г.

не помню, но только конецъ придѣланъ какъ бы изъ Алексѣя Поповича. Вариантъ все таки весьма интересный. Вѣдь и въ Самарскихъ братьяхъ придѣлано (какъ будто) изъ Алексѣя Поповича или Черноморской бури, хотя въ этомъ случаѣ такое сравнение мало подходитъ. Про Вдову и, кажется, про Сестру и брата зналъ тотъ лирникъ. Дѣло только въ томъ, что вариантъ о Коновченкѣ нельзя оставить безъ вниманія. Я попросилъ этого лирника прійти ко мнѣ на квартиру. Онъ сказалъ, что хорошо; прійдѣтъ. Я пошолъ домой, приготовилъ бумагу, застружилъ карандаши,—жду—жду,—нѣту. Такъ и не пришолъ. Оказалось послѣ что? по моѣмъ уходѣ, онъ спрашивалъ у публики кто я такой. Тогда я въ томъ мѣстечке былъ новичокъ. Время было трудноватое. Меня тамъ сочили социалистомъ и отчасти потому мужики тѣ, что рисовалъ ихъ нѣкоторыхъ съ натуры, считали тоже дѣломъ подозрительнымъ. Но мужики въ этомъ случаѣ иногда добрѣе мѣстечковой интеллигенціи. Можетъ быть они просто простодушно, съ свойственною имъ иногда веселостью, сказали, что винъ тебе зрысуе. (Они не знали о томъ, что я записываю пѣсни). Лирникъ услышалъ [какъ мнѣ уже послѣ говорили] и потомъ скрылся подъ политикою. Я его поводыря спрашивалъ гдѣ онъ?.. тогда когда былъ въ мѣстечкѣ. Поводарь отчасти перепуганно сказалъ «не знаю».

Послѣ того черезъ мѣсяцъ пришолъ другой лирникъ въ Вереміевку тоже изъ Хорольскаго уѣзда, знавшій одну только пѣсню про Вдову. (Я съ нимъ говорилъ о кобзаряхъ. Спрашивалъ: почему не учатся на кобзахъ играть? Такъ онъ мнѣ отвѣтилъ въ томъ смыслѣ, что страшно. Чортъ является тѣмъ, которые начинали учиться играть на кобзѣ. (Крюковский знаетъ разсказъ о томъ, что кобзу выдумалъ Богъ, а лиру чортъ). Кравченко (Крюковский) самый большій извѣстный въ литературѣ кобзарь. Андрій Шутъ меньше его знаетъ. Лирникъ тотъ приглашалъ меня, если хочу учиться играть на кобзѣ, въ Хорольскій уѣздъ. Говорилъ, что «у насъ ише чоловика тры живыхъ тыхъ, що грають на полутѣрбанъ» (кобзу такъ называлъ). Это было около 1878 года. Вдовы я отъ лирника не записывалъ потому что, такая есть.

Потомъ въ прошломъ году въ Полтавѣ я разспрашивалъ лирниковъ куда пошолъ тотъ кобзарь, о которомъ я Вамъ писалъ ¹⁾. (Кстати какъ бы не ошибиться: изъ пѣсни того кобзаря я помню такое одно слово на концѣ пѣсни: умеръ меньшій братъ вмѣсто «на Озѣвському поли».—кобзарь пѣлъ: «на Озимському поли»). Если у Васъ такъ записано, такъ это онъ тотъ самый. Почему же Вы не записали отъ него Алексѣя Поповича? Или не интересно? Въ такомъ случаѣ и я его не буду трогать. Я писалъ Вамъ, хвалилъ тотъ варіантъ. Можетъ быть онъ мнѣ показался такимъ хорошимъ потому, что я въ пѣннн кобзарей не слышалъ варианта похожаго на первый въ Истор. пѣсняхъ малор. нар. Если же это не тотъ кобзарь, то я запишу отъ него.

Въ поискахъ за тѣмъ кобзаремъ нахожу:—стоить одинъ молодой нищій слѣпной съ перебитымъ носомъ, съ поднявшимися вверхъ съ тѣмными волосами, въ кружокъ волосы. Не попалался ли онъ Вамъ? Спрашиваю его о томъ кобзарѣ. Онъ спрашиваетъ меня: «зачѣмъ?» Я говорю: старинныя пѣсни записать. Онъ говоритъ: про Коновченка и я знаю и про Азовскихъ братьевъ. Я удивился что молодой вѣроятно лирникъ (онъ былъ безъ инструмента) знаетъ эти пѣсни (голосомъ). Вотъ бы кого спросить о Зѣньковскихъ кобзаряхъ. Но тутъ подошолъ другой, а первый уже началъ было прозую разсказывать объ Азовскихъ братьяхъ. Другой подходитъ спрашиваетъ меня: откудава? Я говорю: изъ Константинограда. «Знаю; я тамъ бувъ». Приглашаетъ перваго нищого слѣдовать за собою, а мнѣ тоже нужно было ити въ другое мѣсто, а поводитарь зоветъ меня «на Воздыженьську ярмарку прыбувайте къ намъ». Я сперва спрашивалъ: когда будетъ въ Полтавѣ тотъ кобзарь, о которомъ пишу, такъ сказали «на Воздыженя въ ярмарокъ прійде». Если Вы отъ того молодого нищаго не записывали то, пожалуй я запишу.

Въ Константиноградѣ на ярмаркѣ однажды слушаю: лирникъ молодой послѣ Лазаря началъ пѣть Азовскихъ братьевъ. Только это былъ не вариантъ, а меньше даже чѣмъ остовъ Азовскихъ братьевъ пѣсни: всего словъ сто не больше И если и въ этомъ случаѣ меня память не обманываетъ, то тоже и здѣсь братья потопали на Черномъ морѣ въ концѣ пѣсни. Такъ какъ жители Константиноградскаго уѣзда большею частью выселенцы изъ другихъ уѣздовъ Полтавской губерніи преимущественно ближайшихъ, то, вѣроятно прежнимъ учителемъ, можетъ быть, учителевого учителя этого лирника былъ изъ Хорольскаго уѣзда.

Значить приставка о Черноморской бурѣ къ Азовскимъ братьямъ все таки относительно давняя, такъ какъ Хорольскій уѣздъ одинъ изъ давнихъ.

Относительно того, что кобзы мережанныя издади, такъ въ Харьковѣ очень часто встрѣчаются такіе, съ мережанными кобзами видѣлъ кобзарей въ

¹⁾ Див. лист III.

дѣтствѣ, но, говорятъ, что и теперь есть. Въ послѣднее время не встрѣчалъ. Это, какъ я предполагаю, кобзари изъ сѣверной части харьковскаго уѣзда потому, что въ южной части харьковскаго уѣзда ихъ нѣтъ. Тамъ издавна все изъ Деркачѣй—первая станція желѣзной дороги отъ Харькова, кобзари. Иногда они красятъ эти кобзы порошокомъ желтой или красной краски разведенной въ водѣ, вслѣдствіе чего когда высохнутъ то остается меньшая часть окраски на инструментѣ, а остальная стирается.

Въ Харьковѣ я видѣлъ лирника: Пѣтрыкъ фамилія его, который зналъ Кравченка (Крюковскаго), ходилъ съ нимъ вмѣстѣ по Харькову. Тотъ знаетъ его хорошо. Говоритъ, что Крюковскій «багато зна писень, веселыхъ выгадокъ». Тамъ якъ зашне, такъ дѣ воно въ ёго береться?!». Въ такомъ духѣ отзывался Пѣтрыкъ о Кравченкѣ. Кравченко вотъ въ какомъ отношеніи рѣдкій нищій: онъ обошолъ всю Лѣвобережную Украину отъ Черниговской губерніи до Керчи, если не ошибаюсь, гдѣ (т. е. на югѣ) удивлялъ любителей пѣнія нищихъ знаніемъ старинныхъ пѣсень. Говорили ему, что у васъ еще сохранилось старинныя пѣсни а у насъ уже нѣтъ. О могиле Коновченка было много записано отъ Кравченка, что онъ слышалъ—ему одинъ гусаръ на югѣ Новороссіи разсказывалъ, что его могила есть гдѣ то въ Херсонской кажется губерніи; такъ ее и называютъ Коновченкову могилою.

Долго Кравченко былъ въ Харьковѣ: «иной нищій сядетъ да начнѣтъ нѣтъ Лазаря, а я сяду на ступенькахъ гостинницы или въ корридорѣ, да какъ зайраю Чечоточки, такъ купцы слушаютъ, такъ мнѣ гривеннички или двугривеннички и сыплются. Такъ же было и въ Ромнахъ когда была тамъ Ильинская ярмарка».

Въ Харьковѣ кобзари впродолженіи цѣлого дня встрѣчаются. Они по дворахъ ходятъ. Иногда стоятъ двое: кобзарь и другой со скрипкой на ступенькахъ около какого нибудь магазина на хорошей улицѣ и играютъ Чечоточки сотый разъ на день если вечеромъ, а если утромъ такъ нѣтъ. А въ иномъ дворѣ поютъ, поютъ играютъ, играютъ!... Потомъ стоятъ безъ шапокъ пониклись около дверей—никто ничего имъ не выносить. Неохотно идутъ назадъ со двора.

Этотъ Пѣтрыкъ говорилъ, что въ Константиноградскомъ уѣздѣ есть кобзарь. Не будь онъ лирникъ, такъ я бъ ему не повѣрилъ, но онъ утвердительно сказалъ что есть потому, что онъ тамъ былъ въ томъ уѣздѣ и въ городѣ на ярмаркѣ.

Я спрашивалъ есть ли теперь обычай справлять «Одклиныны»? Говорятъ—былъ, но вывелся; старики знаютъ еще т. е. могутъ передать его словесно. Я, было, началъ его записывать отъ Крюковскаго. Кравченко совсѣмъ мнѣ не такъ его началъ передавать словами какъ Трифонъ Магадинъ, отъ котораго я, было, записалъ до словечка. Этотъ обычай такъ же вымираетъ, и такъ же, вѣроятно, имѣетъ свои районы какъ и кобзарскіе пѣсни. Харьковскіе кобзари говорятъ: «яки теперь Одклиныны? Якъ прочытавъ одну дви молитвы—отъ тоби и одклиныны. Тѣ въ старовину булы Одклиныны. Теперь и наука не така стала. Це въ старыкивъ треба пытатъ».

Не знаетъ ли Хорольскаго лирника Кравченко? такъ какъ онъ туда ѣздилъ верѣвки продавать на ярмарки. Относительно варіанта Кишки Самійла когда я допрашивалъ у Крюковскаго гдѣ бы могла быть эта пѣсня и не подучился ли бы онъ у кого нибудь знающаго. Онъ думаль-думаль: «хиба въ Гадяцькому вьязди». О Гадяцкихъ нищихъ онъ много знает. Гадяцкихъ и я видѣлъ у него, но неловко было разспрашивать. Такія были обстоятельства: они гулять к нему пришли и сеячас же, почти, начали справлять вызывлокъ подъ предсѣдательствомъ Кравченка, при чомъ принесенное ведро водки вылили въ миску, сѣли во кругъ же и ложками наливали въ рюмки для того, чтобы не пролить. Видущему было некстати подходить и мѣшаться въ ихъ дѣло. Слышалъ часто такое выраженіе: «господъ майстрій якъ старшій, такъ и младшій! Благословить вызволквойи напыться.» Значить кто то вызволялся то есть получили позволеніе принимать учениковъ. Когда обрядъ кончился,—уже всѣ были порядочно выпивши.

Афанасій Миргородскій кобзарь или иначе Афанасій Черѣвківський очень симпатичная личность подошолъ ко мнѣ, друженно бесѣдовалъ и между прочимъ сказалъ: «нищя братія имѣетъ свой общественный капиталъ, который они ежегодно дѣлятъ на три части. На одну часть денегъ они или колодязъ выкопають въ такомъ мѣстѣ гдѣ нѣтъ его близко кругомъ, или икону закажутъ въ какую нибудь церковь. На вторую часть поддерживаютъ немощныхъ больныхъ, немогущихъ никакъ заработать себѣ пропитанія. А третью часть, собравшись въ удобное время вмѣстѣ, пропиваютъ. Балъ у Кравченка справлялся ночью, поздно съ вечера и до свѣта».

О Кременчугскихъ нищихъ кое что можетъ сообщить Крюковскій. Мнѣ онъ говорилъ, что тамъ ничего нѣтъ интереснаго. Тамъ онъ одному любителю

продать свою бандуру. Кстати, если будете у Крюковского, — пришлите мнѣ чертежъ теперешней его бандуры. Тогда у него была плоховатая. Но послѣ я слышалъ, что онъ новую приобрѣлъ. О Кременчугскихъ нищихъ его свѣдѣнія могутъ быть тѣмъ интересны, если скажете, что тамъ ничего нѣтъ.

Харьковскіе кобзари, пришедши изъ своихъ селъ въ Харьковъ, съ весны походятъ мѣсяцъ или другой и потомъ, когда станетъ очень жарко въ городѣ, то одинъ другому: «Ходимъ, братъ, ище на Черноморію; — Харьковъ уже уторохтися». По ихъ словамъ Черноморцы не худо ихъ поощряютъ. О Черноморцахъ что то и говорилъ и Кравченко, но не припомню. Онъ о Харьковской брати многое знаетъ.

Кравченка не слѣдуетъ называть Крюковскимъ подобно тому какъ и Вересаю Лабзю. Нищие не умѣютъ называть его Вересаёмъ а Лабзю, а Кравченко (Крюковский). Кравченко говоря о талантливомъ кобзарѣ Антонѣ Вечирскомъ, говорилъ, что онъ только Азовскихъ братьевъ умѣлъ: Антинъ пре красно, трогательно ихъ игралъ.

Кобзари Черниговской губерніи: ихъ уѣзды прилегаютъ къ сѣверной части Харьковской. Не помню хорошо, а подъ рукой нѣтъ карты. Тамъ гдѣ то Полтавская, Черниговская и Харьковская сходятся вмѣстѣ, только не около Ромна, Люботина, Суммъ и Корбчанскаго уѣзда Курской губерніи. А въ южной части Харьковской губерніи и хохлы не похожи на такихъ, чтобъ у нихъ были кобзари.

Относительно Лубѣнскаго варианта Зайкевича Вы меня не поняли. Мнѣ нужно не напечатанный Костомаровымъ въ его статьѣ въ извлеченіи этотъ вариантъ, по которому, хотя и не полному, я было, добилъ полного Кишки Самійла только безъ конца потому, что не было конца напечатано въ его статьѣ, И я не латалъ вариантомъ Зайкевича вариантъ Кравченка, но если прочитаю ему два три слова изъ Зайкевича, то Кравченко говорилъ: «Э-э, не такъ; а оттакъ». Такъ продолжаетъ дальше. Мнѣ нуженъ полный вариантъ. Я просилъ его у покойнаго Николая Ивановича. Онъ мнѣ сказалъ, что рукопись онъ передалъ вмѣстѣ съ другими бумагами въ Кіевъ, но не помню кому: или Антоновичу или кому. Мнѣ нужно не извлеченія, а весь вариантъ. Достаньте Вы полный вариантъ и поѣдьте съ нимъ къ Кравченку. Прочитайте ему конецъ: не вспомнить ли онъ конца въ своемъ вариантѣ? Если сомнѣваетесь въ цѣлесообразности этого средства, то тогда я попробую записывать отъ него. Лишь бы только вариантъ былъ въ рукахъ, а безъ него ничего нельзя сдѣлать. Вотъ у чомъ я прошу Васъ. Попросите у Антоновича полной копій съ полнаго варианта Зайкевича. Самарскихъ братьевъ Кравченко выучился не отъ Зиньковскихъ, а поближе къ тому мѣсту, гдѣ и тотъ записанъ, который въ Историческихъ пѣсняхъ малорусскаго народа, и значительно похожъ.

Относительно сказокъ поступите какъ удобнѣе. Я желалъ бы болѣе помѣстить ихъ въ Кіевскоій старинѣ потому, что тамъ есть цѣлыя странички весьма замѣчательныя. Въ одной сказкѣ говорится о старомъ Запоржцѣ жившем на хуторѣ на степи, и сказачного въ томъ мѣстѣ гдѣ говорится о немъ ничего нѣтъ. А въ другой сказкѣ о бытѣ малороссіянъ бѣглыхъ и не бѣглыхъ на рыбныхъ заводахъ или забрѣдахъ. Кстати обратите вниманіе на тѣ сказки. Забрѣдчики самыя лучшіе сказочники въ Украинѣ. Вторая сказка — въ ней есть одно мѣсто, гдѣ изображается бытъ забрѣдниковъ въ ихъ куреняхъ, гдѣ въ каждомъ куренѣ живутъ шестнадцать челоѣкъ (тахвѣ) съ куренными отамами. Совершенно такъ какъ въ Запорожской Сѣчи, — такіе нравы у забрѣдчиковъ. Такое же пьянство, а юмору сколько въ этомъ мѣстѣ сказки, такъ удивительно. И самыя Забрѣдчики хранители запорожскихъ преданій самыя наибольшіе въ Украинѣ сознаютъ себя въ томъ, что они прямые наслѣдники Запоржцовъ по образу жизни. И Забрѣды уже уничтожаются потому вопервыхъ, что рыбы меньше ловится, а во вторыхъ, что въ другихъ мѣстахъ много заводовъ выстроили, чѣмъ подорвали прежніе Забрѣды очень много по устройству и быту напоминающіе Запорожскіе гарды.

Вотъ тѣ выраженія, которыя я помню какъ диктовалъ мнѣ Кравченко:

Письня про Йвася Коновченка прекраснаго лицаря.

Ой на славній Украиніи
У славному городи Корсуни
То тамъ то живъ проживавъ
Корсунський полковныче
Пане Хвылоне.

Даже повторилъ, хотя я его и не спрашивалъ что нужно говорить.

То винъ живъ проживавъ,
По городахъ лысты засылавъ.

.....

.....
 «Не благословлю я тобі на Черкению долину иты гуляты
 А благословлю я тобі на червоній кытайци за столомъ сидати».
 Перомъ на папери пысати,
 Та козакамъ Гетьманьськымъ Запорозьськымъ порядокъ
 даватъ».

Слѣдующія строчки:

Ты ще дытя молодее.
 На поли, на мори не бувало,
 Смерти коло себе не выдало».

Не помню: это стихъ его или Трифона.

Симсотъ душъ порубавъ,
 А симсотъ душъ жывьемъ на арканѣ забравъ,
 Предъ Корсуньського полковныка
 Пана Хвылоне
 Уси знамена приставлявъ.

Послѣ перваго сраженія Коновченка Корсунський полковникъ

За билу руку хватае,
 У наметъ увожае,
 За дубову скамью сажаетъ,
 Дорогого напытка метае,
 До Ивася Коновченка словами промовляе,
 Прекраснымъ лыцаремъ ёго называе:
 «Эй то ты то, Ивасю Коновченку!
 Ты жъ изъ дому одъйижджавъ
 Чы ты молебни наймавъ?
 Чы ты Мылосердного Творца на помичъ прохавъ?
 Чы ты зъ матирью ридненькою
 Удовою старенькою
 Прощеніе прыймавъ?»
 —«Эй ні жъ бо то ні, Корсуньскій полковныче
 Пана Хвылоне!
 Я сього и въ голови не покладавъ.
 А моя матуся ридненька
 Удова старенька
 До Божого дому на моленіе исхожала,
 Може вона молебни й наймала».

.....
 Пропуски громаднѣйшіе.

.....
 Де взявся съ пидъ соньця съ пидъ правойи стороны
 Сидобородый татаринъ,
 Та такъ ёго сердешного спиткавъ,
 Шо мало въ пиль не перетявъ.

Потомъ онъ былъ изсѣченъ на маленькіе кусочки набѣжавшими ли свѣ-
 жими татарами или сидобородымъ татариномъ. Потомъ тѣло Ивася козаки

Ажъ три дни собиралы,
 На червону кытайку влалы.

Пропущено:

Лыцарство козацьке всякому росскаже,
 Сонъ Коновчыкы.
 Выдытьця,—мій Ивасъ Коновченку
 На Черкени долини одружився...
 Узявъ соби дружыну
 Высоку могылу,
 Вирненьку дружыну,

Остальныхъ пропусковъ не могу показать потому, что не помню стиховъ.
 Много переставокъ.

Ой вы сотныкы,
 Полковныкы,

И вси козаки Гетьманьци
И Запорозьци.

.....

Въ Коновченкѣ эти слова пропущены.

Изъ Олексія Поповича.

«Отымъ то, каже, «братыця!
Шо то годытьця отцева пани матчына молитва:
Козакови въ козацтви,
Чумакови въ чумацтви,
Багачеви въ багатстви
И на Чорному мори.
И на суходоли».

Въ нѣкоторыхъ думахъ у него припѣвъ вродѣ

Даруй ,Боже, мылосты вашій
И всѣму війську Запорозьському
На многи лита
До киньця вика.

Запишите отъ него всё прозою, потомъ по напѣву раздѣлите на стихи, и это будетъ правильное дѣленіе. У Васъ записаны нѣкоторыя думы не по напѣву. Обратите на это особенное вниманіе, Василій Петровичъ. По записаніи въ строчку пѣсни, заставьте ее въ другой разъ его пропѣть. И во время пѣнія дѣлите на вышеуказаннымъ манѣромъ: III стихъ изъ четырехъ строчокъ у псалѣмъ бываетъ, а такое дѣленіе на стихъ какъ у псалѣмъ для Азовскихъ братьевъ не годится. Относительно кобзаря Андрія Шута я въ прошломъ письмѣ Вамъ гиль сказалъ по болѣзни. Относительно Хорольскаго лирника я скажу, что Вы не всё достали, если его пропустите.

Въ Константиноградскомъ Полицейскомъ Управленіи, будетъ продаваться, какъ я слышилъ съ торговъ архивъ: дѣла объ Украинской линіи. Дѣла, вѣроятно, которая велись въ гарнизонахъ великорусскихъ солдатъ такъ какъ стража была великорусская. Но, можетъ быть тамъ есть о постройкѣ этой линіи малороссійскими козаками. Константиноградъ бывший прежде Бѣлѣвъ, бывшая прежде Бѣлѣвская крѣпость Украинской линіи. Говорилъ мнѣ сегодня Земскій врачъ и при томъ опасался какъ бы его (архива) евреи не купили для обвѣрки мыла на пуды. Лѣтъ двадцать тому назадъ пріѣзжалъ, говорять, какой то господинъ и взялъ сорокъ томовъ этого архива и повѣзъ въ Петербургъ въ Военную Академію, а значительная часть и теперь есть здѣсь, быть можетъ, интересная. Я плохо читаю старинныя рукописи. Сообщите объ этомъ въ Кіевъ. Не пожелаютъ ли его купить. Его, вѣроятно, за безцѣнокъ будутъ продовать. Впрочемъ, объ этомъ узнавши подробнѣе, я напишу Вамъ особо.

Уважающій Васъ

Порфирій Мартиновичъ.

Адресъ: Порфирію Денисовичу Мартиновичу.

Въ Константиноградѣ.

Если Вамъ трудно будетъ отыскать того Хорольскаго лирника, о которомъ я Вамъ говорилъ, то я Вамъ скажу вѣрнѣйшій способъ: мнѣ извѣстенъ его поводитарь, который родомъ изъ мѣстечка Вереміевки Золотоношскаго уѣзда.

Ложась спать Кравченко (Крюковскій) когда молится Богу, то, по окончаніи молитвъ, читаетъ прекраснѣйшую нищенскую молитву за Православныхъ Христіанъ, которые за всё время подавали ему милостыню.

Передъ тѣмъ, когда уже собралась нищяя братія, въ хатѣ Кравченка и дожидала его «запоздавагоса» на ярмаркѣ на Прокипья явился онъ. Я отрекомендовалъ ему своего товарища Афанасія Георгіевича Слатьсона. Крюковскій между прочимъ, говоря о себѣ, называлъ себя Гетьманомъ братіи собравшейся и отсутствовавшей. Вѣроятно его власть простирается относительно далеко. Я его когда въ первый разъ увидѣлъ, то онъ былъ съ длинными волосами какъ у священника, побывшаго въ санѣ два года, разсочсанными на бокъ и длинной сѣдой бородой. По записаніи пѣсень, приступая рисовать съ него портретъ, я остригъ его въ кружокъ и обрилъ бороду, за что Лохвицкій одинъ довольно интеллигентный и художникъ содержатель лучшаго постоялаго двора былъ на меня недоволенъ за то, что я лишилъ Кравченка его прежняго оригинальнаго вида, и сдѣлалъ его похожемъ на солдата. Замѣчательно, что старинную прическу волосъ замѣнилъ длинными волосами, салившими спину и бока жилета.

Относительно пѣсень о Хмельницкомъ Кравчѣнко говорилъ, что «вони були колысь у Полтавській губерніи». Интересно отъ кого и въ какихъ уѣздахъ онѣ слышитъ ихъ. Про КГанджу Андыбѣра—онѣ изъ этой пѣсни зналъ и диктовалъ нѣсколько начальныхъ строчекъ, но совсѣмъ безсвязно; такъ что нельзя было это назвать стихами. Про Марусю Богуславку онѣ очень слышалъ, но не знаетъ ее такъ же. Про Ивана Богуславця чуть чуть, что называется, не запѣлъ. Вотъ какое было кобзарство! Ивана Богуславця такъ же какъ КГанджу нѣсколько словъ пытался соединить, но рассказывалъ только сюжетъ.

Записывали ли Вы псалмы отъ Полтавскаго кобзаря? Я замѣчаю, что пѣсни о Хомѣ и Яремѣ, Мѣщанка, Дворянка, Чечиточка и прочія имѣютъ строго опредѣленные районы. Не знаю есть ли весьма интересный вариантъ Сосныцкой Чечитки? Тамъ, мнѣ помнится такъ города:

«Изъ Кракова панъ Иванъ,
Съ Чернигова пан Романъ».

А Крюквскій:

Изъ Сосонки панъ Иванъ,
Изъ Лытовки панъ Демьянъ».

Въ Харьковѣ Чечитака, Мищанка, Хома и Ярема совсѣмъ не такъ поютъ, но не знаю были ли онѣ записаны. Относительно псалмъ нѣкоторыхъ, не всѣхъ: кажется нѣтъ вариантовъ, а впрочемъ не знаю.

Относительно того, что Хома и Ярема великорусская пѣсня: но и варианты малороссійскіе показываютъ древность ихъ.

Въ Константиноградскомъ уѣздѣ есть великорусскія поселенія основанныя во время постройки Украинской линіи. Нищіе великоруссы поютъ Лазаря совершенно тѣмъ же оборотомъ какъ и малороссійскій (Лазарь). Такъ, что вѣроятно они переняли Лазаря ота малороссовъ, и вѣроятно, очень давно. Такъ какъ малороссы были первые просвѣтители великороссовъ. Великорусскій вариантъ Лазаря такъ и видно, что взятъ отъ малороссовъ.

VIII.

Константиноградъ
27 Іюня 1885 г.

Многоуважаемый
Василій Петровичъ!

Послѣднее письмо Ваше 12-го Іюня я получилъ. Фамилія—той художницы, у которой я видѣлъ въ альбомѣ рисунокъ кобзаря, Михальцева Елизавета Петровна. Адресъ ея: Петербургъ, Петербургская сторона, Пушкарская улица, домъ Глазуновыхъ, квартира № 3. Она сама великороссіянка любящая Малороссію, но исторіи и ничего вообще о Малороссіи не знаетъ. Рисунокъ, кажется, снятъ въ Розбѣшевкѣ. Ей нужно написать, что рисунокъ интересенъ. Можно будетъ узнать отъ того о Гадацкихъ кобзаряхъ.

На дняхъ я узналъ, что въ Константиноградскомъ уѣздѣ въ мѣстечкѣ Малой Перещепинѣ, то есть въ томъ мѣстѣ, гдѣ Полтавскій, Кобылякскій и Константиноградскій уѣзды сходятся, жилъ кобзарь, но недавно умеръ. Кобзарь зналъ козацкія пѣсни. Значитъ Харьковскій лирникъ Пётрыкъ сказалъ мнѣ правду. Узналъ въ полугорныхъ верстахъ отъ Константинограда есть лирникъ изъ лучшихъ въ уѣздѣ. На дняхъ запишу отъ него. Я былъ у него, но не засталъ дома.

Относительно тѣхъ тетрадей, которыя у Драгоманова если бы Вы мнѣ поспособствовали ихъ достать я былъ бы Вамъ благодаренъ. Тамъ 16 думъ; 11 Кравченка и 5 Т. Магадына. Потомъ обрядъ «Одклинщины». Маленькій словарь Шоповальской мовы. Разсказъ о страшномъ судѣ. Про Ивана Мылостыого. Преданіе о запорожцѣ Гайдацѣ (Лохвицкаго уѣзда). И маленькіе разсказы. Вотъ всё, что въ тѣхъ тетрадяхъ. 2 портрета, псалмы и веселыя пѣсни. Я здорово скучилъ за тѣми тетрадями. Мнѣ очень трудно ихъ достать. Я имѣю знакомыхъ художниковъ за границую, но пока я напишу въ Петербургъ, да получу оттуда отвѣтъ гдѣ они живутъ, да за границу написать и просить, чтобъ они отыскали Драгоманова, котораго я не знаю гдѣ живѣтъ, такъ, мнѣ кажется, пройде́тъ не меньше года времени. Тамъ находится, если оно цѣло, лучшее изъ моихъ трудовъ по запискамъ. Если поспособствуете отыскать, то буду Вамъ благодаренъ. Мои записки отыскались! Но только не всё. Не отыскалось то, что пропало еще раньше не въ Петербургѣ, а въ Золотоношскомъ уѣздѣ, а отчасти въ Петербургѣ пропало. Въ Золотоношскомъ уѣздѣ пропало преданіе о побѣгѣ кошового Гладкого (родомъ изъ Дѣнюкъ Золотоношскаго уѣзда) въ Турецкое Запорожье и бытъ у Запорожцовъ въ Турціи. Въ

печати ничего подобнаго не было. Если живъ тотъ старикъ, котораго другой рассказъ не менѣе цѣлный и связный я здѣсь при письмѣ прилагаю, то я запишу опять (про Гладкого). При этомъ письмѣ я прилагаю рассказъ козака Грыцька Ганчаря одного его земляка из Вереміевки изъ родины ушедшаго потомъ послѣ на Запорожье. Упоминается о разореніи Сѣчи и дальнійшей судьбѣ Запорожцевъ. Потомъ осколокъ одной пѣсни о разореніи Сѣчи Петромъ I Галаганомъ полковникомъ. Потомъ тоже осколокъ о войнѣ подъ Измайлывымъ. Тѣхъ сказокъ, о которыхъ я писалъ, если нѣтъ у Бернштама, то нужно спросить у Цвѣтковскаго. Кромѣ того имѣю еще сказки. Потомъ отыскавшаяся часть біографіи Кравчѣнка. Кромѣ этого осколка у меня въ Запискахъ которыя у Драгоманова часть свѣдѣнія о кобзаряхъ. Анекдотъ о кобзарѣ и лирникѣ. И нѣсколько рассказовъ или лучше фразъ Кравчѣнка (Крюковскаго). Желательно бы въ такомъ родѣ и дальше бы записать: т.е. его кобзарское поприще. Если возможно то всё прилагаемое мною при этомъ письмѣ передайте въ Редакцію Киевской старины для напечатанія. Я самъ не посылаю этого потому, что я въ прошломъ году послалъ туда Воспоминаніе о панщинѣ, записанное дословно отъ одной женщины. Но редакція, кажется, его не напечатала и не отвѣтила мнѣ. Можетъ быть сюжетъ не былъ подходящій, а можетъ быть и неряшливое заглавіе (съ помарками) была причиною, что не напечатано. У меня есть 136 свадебныхъ пѣсень, записанныхъ отъ одной женщины; подобраны (пѣсни) довольно по порядку, въ какомъ онѣ должны слѣдовать одна за другою. 15 Веснянокъ, 3 Купальныхъ пѣсни, 10 Колядокъ кромѣ Христіанскихъ, 2 Щедривки. Всего 153 Обрядовыхъ пѣсни, записанныхъ отъ одной и той же женщины. И около 30 или больше простыхъ пѣсень отъ нея же. Свадебныхъ пѣсень въ Константиноградскомъ уѣздѣ больше, чѣмъ напр. въ Золотоношскомъ. Я не знаю какъ съ ними поступить.

Кіевская Старина печатаетъ только тѣ пѣсни, которыя не печатались совсѣмъ. А, быть можетъ, найдутся интересные варианты, то съ ними какъ? А потомъ важенъ порядокъ, въ какомъ онѣ идутъ одна за другою. Вотъ жалко, что не издаются Свадебныя пѣсни такъ какъ Чумацкія Рудченка. Изъ изданій Чубинскаго я только хорошо разсмотрѣлъ тотъ томъ, гдѣ помѣщены пѣсни (самый большой томъ). А тотъ томъ, гдѣ пѣсни Свадебныя я только видѣлъ мелькомъ. И потому не знаю ничего объ этомъ отдѣлѣ. Слышiltъ только, что ихъ много тетрадей представлено въ Кіевъ и больше ничего не слышалъ.

Тѣ, которые говорятъ, что Кобзарскія пѣсни вывелись, ошибаются. Напротивъ: ихъ трудно собрать потому, что ихъ не мало; не такъ не мало, какъ то, что онѣ вездѣ есть. Если онѣ есть въ Константиноградскомъ уѣздѣ, то онѣ безъ сомнѣнія есть въ Кобыляцкомъ болѣе Украинскомъ уѣздѣ чѣмъ Полтавскій. А сосѣдніе съ Гадяцкимъ уѣздомъ Лебединскій уѣздъ и другіе! Въ Глуховскомъ уѣздѣ, о которомъ Вы писали, тоже что нибудь должно быть и въ другихъ уѣздахъ. Относительно Кобзарскихъ пѣсень въ Кобыляцкомъ уѣздѣ я наведу справки. (это сосѣдній уѣздъ). И если что окажется, то запишу не раньше осени.

Если будете у Кравчѣнка, то, пожалуйста, раздѣлите строчки по напѣву. Интересно:—что оно выйдет? Я варианты пѣсень почти всѣхъ позаучивалъ почти наизусть. Вы мнѣ доставите удовольствіе тѣмъ, что если правильно раздѣлено на строчки, то правильно ихъ можна читать. Правильная тогда интонація. Я это давненько ощущалъ, и потому, когда записывалъ отъ Кравчѣнка, то не стихами, а все въ строчку, собираясь послѣ сдѣлать разкладку стиховъ. Но разкладку стиховъ нужно не самому выдумать, а отмѣчать её по напѣву. У Кравчѣнка самый благодарный для этого напѣвъ. Послѣ каждого напѣва...¹⁾ значить, четырехстишія должны быть или трѣхстишія. Но у Кравчѣнка четырехстишія. Припѣвъ «До конца вика» повторяется дважды, что для четырехстишія пропустить невозможно, а это пропускается записывателями.

Относительно тетрадей Котляревскаго, если Вы ихъ достанете, то Вы сдѣлаете прекраснѣйшее дѣло. Вы ихъ навѣрно спасете отъ пропажи. Развѣ у Костомарова не пропали пѣсни О Кошовомъ Иванѣ Зализнякѣ и Грѣчѣ? Развѣ не могутъ эти также пропасть? Спасайте ихъ. Такія прекраснѣйшія пѣсни. Это, что называется, не видѣть въ печати начала дѣла. Такъ какъ Котляревскаго тетради первыя. Это, Василій Петровичъ, такъ же важно, какъ и собираніе пѣсень.

Если пожелаете узнать о кобзарѣ въ селѣ Шабалыновомъ сосницкаго уѣзда, то напишите Козаку Михайлу Захаровичу Довгому. Онъ Вамъ отвѣтитъ. Скажите, что живъ ли и гдѣ живѣтъ тотъ старый кобзарь, о которомъ вы говорили Мартыновичу, когда вы были въ Петербургѣ. (Они пріѣзжали

¹⁾ Не розібрано.

въ Петербургъ въ 1875 году, по дѣламъ три козака, въ числѣ которыхъ былъ Михайло Захаровичъ Довгый).

Желаю Вамъ всего лучшаго. Остаюсь уважающій Васъ
Порфирій Мартиновичъ.

Адресъ тотъ же: Въ Константиноградъ. Порфирію Денисовичу Мартиновичу.

Тамъ въ концѣ моего письма къ Вамъ я написалъ, можетъ быть, неразборчиво. Сказки, которыя у Бернштама, если получите, то пришлите мнѣ. Я выкину нѣкоторыя нецензурныя выраженія, которыя тамъ есть. И нѣкоторыя слова я вставилъ, замѣняя ими слова рассказчика. Я перемѣню тѣ слова на такія, какія я слышилъ отъ рассказчика. Тамъ слова два три на всю тетрадь, а всё таки не тѣ, которыя употреблялъ рассказчикъ. Потомъ напишите если тамъ всё написано на восьмиричное и десятиричное И,—не нужно ли ихъ перемѣнить на Ы и И для того, чтобы наборщики не ошибались? Или можно и безъ этого?

У Владиміра Бонифацьевича есть моя тетрадь: тамъ одна сказка и два разсказа. И ту тетрадь если бы мнѣ получить.

Порфирій Мартиновичъ.

Если Вы не будете въ Кіевѣ, то Антоновичу я самъ напишу.

Это письмо къ Михайлу Петровичу Драгоманову предлагаю на Ваше усмотреніе. Если знаете способъ, которымъ вѣрнѣе и скорѣе ихъ можно получить, то сдѣлайте такъ какъ лучше. Я отвѣкъ или, лучше сказать, живя долго вдали отъ Петербурга и Кіева, совсѣмъ въ настоящее время не знаю способа получить ихъ. Если этимъ способомъ нельзя достичь, то сдѣлайте какъ сами знаете. Это письмо, мнѣ кажется, можно передать на другое лицо живущее въ одномъ съ нимъ городѣ, знакомое Михайлу Петровичу и кому нибудь изъ Кіевлянъ. Адресовать на имя того лица и попросить его (написать к нему записочку) передать это мое письмо Михайлу Петровичу. А Михайлъ Петровичъ можетъ тогда отъ себя выслать мнѣ или отъ имени другого, если на посылкѣ изъ за границы обязательно приписать имя лица, отъ котораго посылается вещь, а если нѣтъ, то тѣмъ лучше.

Порфирій Мартиновичъ.

Можетъ быть заѣду къ Кравченку, если живъ онъ. Хотѣлось бы нарисовать портретъ съ него въ свиткѣ. Тотъ портретъ, который я нарисовалъ съ него безъ свитки въ жилетѣ—это всё равно, что по нашему безъ скюртука. Я тогда не зналъ этого.

IX.

18 іюля 85 г.

с. Ярошовка.

Многоуважаемый

Порфирій Денисовичъ!

Извините что долго не отвѣчал на послѣднее письмо Ваше, мною давно полученное. Хотѣлось написать Вамъ по пріѣздѣ изъ Лохвицы, куда я собрался ѣхать к 8-му іюля и ѣздилъ дѣйствительно. Никакъ не думалъ я только что моя поѣздка будетъ такъ печальна и что мнѣ придется передать Вамъ такую тяжелую новость. Крюковскій умеръ 1-го или 2го іюля. В тот же вечеръ какъ я пріѣхалъ в Лохвицу (7го) я пошелъ на Прилипку к его хатѣ. Засталъ тамъ только какого то уральскаго козака (они расквартированы по всему городу) который и сообщилъ мнѣ что «слѣпого старика что жилъ здѣсь четыре дня какъ зарыли». Всѣ сыновья (кромѣ маленькаго) ушли в Новороссію на заработки. Жена Крюковскаго оказалась в сосѣднемъ шинку. Она страшно пьянствуетъ. Я отправился в шинокъ чтобы разспросить ее подробнѣе. Она была такъ пьяна что ничего не могла разсказать мнѣ. Я просилъ ее обождать меня на другой день рано утромъ и неосторожно далъ ей денегъ. Она верно пропила ихъ, потому что когда я пришелъ на другое утро к нимъ в хату она еще была в безчувственномъ состояніи, спала и незахотѣла встать. От сосѣдей я узналъ что Крюковскій болѣлъ шесть недѣль и страшно высохъ. Въ послѣднее время ему вдругъ сдѣлалось легче и лучше. Онъ могъ сидѣть и ѣсть. Но черезъ нѣсколько дней умеръ. У него осталась бандура с 24мя струнами. Я хотѣлъ хоть ее посмотрѣть, но от жены нельзя было добиться. Такъ и уѣхалъ. На ярмаркѣ я видѣлъ только двухъ лирниковъ: хоть много искалъ ихъ. Одинъ пѣлъ мнѣ Азовскихъ братьевъ, но это были какіе то

нелѣпыя клочки. В слѣдующей книжкѣ «Кіевск. Старины» я помѣщу некролог Крюковскаго и включу в него ту часть его біографіи, которую Вы прислали ¹⁾. Теперь болѣе чѣм когда нибудь слѣдует позаботиться о том чтобы добыли ваши тетради. Наднях я буду писать вам и надѣюсь тогда отвѣтить на вопросъ: какимъ образом это сдѣлать.

Присланный вами, крайне интересный рассказ, чумака я отослал в редакцію Кіевской Старины также и запоржскія пѣсни. Вѣроятно все это будет напечатано ²⁾, Свадебныхъ обрядовъ въ IV томѣ Чубинскаго записано болѣе 30-ти (т. е. цѣлыхъ описаній 30 свадьб) а свадебныхъ пѣсень—1950. Кромѣ того масса в сборникахъ Метлинскаго и Головацкаго. Поэтому записанныя вами надо бы сравнить съ тѣми. Безъ сомнѣнія очень возможно что у вас попадутся такія котор. тамъ не встрѣтятся или интересныя варианты. Колядокъ тоже есть в печати не мало. Но это очень важная отрасль народной поэзіи и тутъ иногда дорого одно какое нибудь выраженіе или слово. Не можете ли вы написать той барышнѣ художницѣ насчетъ кобзаря из Розбышевки Гадячск. уѣзда? Будьте добры напишите—чтобы узнать у нее имя или по крайней мѣрѣ какъ его можно найти, а также, если можно достать у нее портретъ. Если надо купить (если порядочный рисунок) то я готов выслать деньги.

Пишу вамъ этотъ разъ немного т. к. сегодня ужасно некогда. Пожалуйста напишите мнѣ по полученіи этого письма что вы записали отъ того лирика котораго собирались розыскивать? Скоро буду писать вамъ больше. Еще имѣю сдѣлать кое какіе вопросы, пока остаюсь искренно васъ уважающій

В. Горленко.

Не нашлись ли ваши рассказы забродчиков?

X.

27 Іюля 1885 г.
Константиноградъ.

Многоуважаемый
Василій Петровичъ!

Письмо Ваше отъ 18-го Іюля я получилъ, въ которомъ Вы написали о томъ, что Кравченко умеръ. Я это лѣто предполагалъ заѣхать къ нему для того, чтобы нарисовать съ него возможно лучшій портретъ. У меня есть его портретъ рисованный карандашомъ съ этюда масляными красками, котораго я тогда не кончилъ. Лицо приблизительно кончено, но я нарисовалъ его безъ свитки, а въ жилетѣ сверхъ сорочки т. е. какъ онъ ходилъ дома. Этотъ промахъ сдѣлалъ и Клевляне, когда Вересаю снимали, Снимали его безъ свитки. Это все равно что безъ сюртука. Хотя есть снимки и въ свиткѣ, такъ въ шапкѣ опять не правильно. Кобзарь поѣтъ пѣсни, снявши шапку. Все таки рисунокъ съ Кравченка есть отгосительно довольно полный. Если бы редакція пожелала съ него сдѣлать снимокъ, то можно бы прислать. Это я говорю про то, что можно узнать кто его видѣлъ по моему рисунку, но жалеть, что не въ свиткѣ, а въ жилетѣ. Теперь это непоправимо. Если поѣдете въ Зыньковский уѣздъ, и найдете такого кобзаря, съ котораго слѣдовало бы нарисовать портретъ то дайте мнѣ знать. Я поѣду и нарисую. Я въ началѣ августа думаю поѣхать въ Хорольскій уѣздъ, который никогда не посѣщался записывателями думъ. Я слышалъ отъ лирика того, о которомъ я Вамъ писалъ такой вариантъ Коновченка и Азовскихъ братьевъ, какого я нигдѣ не встрѣчалъ въ печати. Прекрасные варианты совершенно самостоятельныя, не похожіе ни на Прилуцкіе ни на Лубенскіе, ни на какіе извѣстные въ печати. Если бы мнѣ застать того лирика живымъ. Я знаю положительно того мальчика въ Золотоношскомъ уѣздѣ, который зналъ его мѣсто жительства. Но поѣхать къ нему въ то село въ Золотоношскомъ уѣздѣ не хочется потому, что, быть можетъ, онъ теперь пошолъ на заработки на югъ. И такъ я поѣду прямо на Хороль и тамъ надѣюсь разспросить отъ нищихъ. Пѣсни кобзаря Городницкаго, если мы оба видѣли одного и того же, похожи на тѣ, которыя слышалъ. Да и Городницкаго дума объ Азовскихъ братьяхъ произвела на меня хорошее впечатлѣніе, хотя я слушаю ее, находилъ сходство съ помѣщонною въ 1-мъ томѣ Историческихъ пѣсень. Но то, что я слышалъ, совсѣмъ не такъ какъ у Городницкаго и всѣхъ извѣстныхъ кобзарей.

Прошу Васъ, Василій Петровичъ, разбирайте какъ угодно почеркъ мой. Иногда я такъ пишу, что и самъ постѣ не прочитаю что написалъ. Другой лирикъ изъ Хорольскаго уѣзда лѣтъ 7 тому назадъ говорилъ мнѣ, что въ Хорольскомъ уѣздѣ есть человѣка три кобзарей; вѣроятно, Городницкій третій.

¹⁾ Надруков. в «К. С.» 1885 кн. 8, з урывкомъ біографіи кобзаря що записавъ П. Мартиневичъ; се першій його запис що потрапив до друку. Він з'явився безъ згадки про записувача. К. Г.

²⁾ Було надруковано в «К. С.» 1885 кн. XI. К. Г.

7 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. Я въ Хорольскій уѣздъ ѣдѣю и не предполагаю встрѣтити кобзарей, а записать отъ лирниковъ оставшіеся варианты думъ. Постараюсь обшарить на сколько возможно.

Въ Константиноградъ приходилъ лирникъ изъ Зѣньковскаго уѣзда Хведоръ Холодный и восхищалъ слѣпцовъ малоросовъ и великороссовъ пѣснями о Коновченкѣ и другими. Если я ѣдѣю въ Хорольскій уѣздъ, не встрѣчу ли его въ Полтавѣ (потому, что я въ Полтавѣ видѣлъ лирника, знающаго 4 думы: Коновченка, Азовскихъ братьевъ Вдову и сестру и брата. Не были ли это онъ?) Если же онъ мнѣ не встрѣтится, то пріймите его въ соображеніе. Можетъ быть еще живъ его мастеръ. Когда будете въ Зѣньковскомъ уѣздѣ, то не забудьте записывать отъ нищихъ, по записаніи думъ, того обряда, о которомъ я Вамъ писалъ. Названіе перваго обряда **О д к л и н щ ы н ы**, когда ученикъ отходить, отклоняется одъ Майстра. Названіе втораго обряда **Вызвілокъ**. Когда былъ я на Прокипья въ 1876 году въ Лохвицѣ у покойнаго Кравчѣнка, то слышалъ отъ нищихъ слѣпыхъ слово «вызволѣться» и выраженіе во время обряда: «господа майстри, якъ старшіи, такъ и младшіи благословить вызвилковойи напытыся». Отъ покойнаго Трифона я записалъ Отклинщыны только, а относительно втораго обряда т. е. когда мастеръ **получаетъ право брать себѣ для науки учениковъ** что встарину соблюдалось строго разспросить слѣдуетъ лучше отъ нищихъ слѣпыхъ. Вопросъ нуженъ въ такой формѣ: запрещалось ли не получившимъ отъ братіи позволенія брать себѣ учениковъ для помощи? Были ли такіе случаи, когда нѣкоторые избѣгали этого? И если были, то какъ нищие поступали съ такими? Трифонъ Магадынь говорилъ, что форма втораго обряда такая же какъ и перваго: тѣ же молитвы, только во второмъ случаѣ просить бывшій ученикъ: «благословить мини помощь принять».

Какъ жалко, что нѣтъ тѣхъ тетрадей! Онѣ могли бы быть въ этомъ случаѣ и Вамъ годными для разспросовъ. Я предполагаю, что этотъ обычай подобно и другимъ обычаямъ малороссійскимъ имѣетъ свои въ разныхъ мѣстностяхъ особенности. Потому при разспросахъ напр. въ Зѣньковскомъ или Хорольскомъ уѣздахъ не нужно придерживатся того, что уже записано, а спрашивать такъ, чтобы рассказчику дать побольше свободы рассказать до конца всё, что онъ знаетъ. И, главное, во время рассказа какъ можно меньше перерывать его разспросами, а записывать то, что онъ говоритъ, тогда получится рассказъ хорошій. Хведоръ Кондратьевичъ Волковъ много помѣшалъ Запорожцу Коломыйцу рассказать то, что онъ зналъ такъ, какъ ему хотѣлось. Трифонъ Магадынь жилъ въ Бубнахъ не Ромѣнскаго уѣзда, о которыхъ я тоже знаю, а въ Бубнахъ Лохвицкаго уѣзда неподалеку отъ селъ Яцынъ и Билоцерквѣнь. Я въ тѣхъ Бубнахъ Лохвицкаго уѣзда былъ. Это вѣрно. Я не смѣшиваю. Тамъ есть лирникъ Оверко въ Билоцерквѣнцяхъ. Живъ ли онъ теперь — не знаю. Въ селѣ Билоцерквѣнцяхъ не задолго до моего пріѣзда умеръ кобзарь **Иванъ Зоря** или **Зирѣ**, какъ его называютъ нищие. Но выучился ли отъ него Оверко чего нибудь? Этого Зорю знали Вересай и Кравченко. Кравченко говорилъ, что Зоря зналъ очень мало ¹⁾. Потомъ кобзарь Мартынъ бывшій ученикъ Трифона: интересно знать у кого онъ выучился

«То не сызи орлы заклекоталы,

Якъ бидны невольныкы у тяжкій неволи заплакалы».

Можетъ быть и отъ нищаго, а можетъ быть, подобно Братыци изъ книги. О Мартынѣ Слѣстѣнъ можетъ Вамъ сообщить свѣдѣнія и о другихъ нищихъ изъ окрестностей сѣверо западной и западной части Лохвицкаго уѣзда. Онъ тамъ жилъ.

Въ тѣхъ тетрадяхъ, которыя отданы Драгоманову, записано мною отъ Кравчѣнка имя умершаго кобзаря въ Миргородскомъ уѣздѣ. Кравчѣнко говорилъ, что это былъ такой кобзарь, которому подобнаго онъ не встрѣчалъ по знанію пѣсень и по способности пѣть. Сообщилъ свѣдѣнія и объ ученикахъ его, но я не припомню ничего изъ того рассказа. Тотъ кобзарь пошолъ на переселеніе на Чорноморію и тамъ умеръ, а ученикъ его остался или ученикъ умеръ, а того ученика ученики есть? Словомъ не помню я объ этомъ, а только то скажу Вамъ, Василій Петровичъ, что пріймите во вниманіе, что Афанасій Миргородскій тоже Зиньковскій науки. (Объ Иванѣ свѣдѣнія были записаны у меня отъ Кравчѣнка въ той тетради, что у Драгоманова). Изъ Миргородскаго уѣзда нѣтъ ни одного варианта думы, а онъ, какъ кажется, должны быть у лирниковъ. Кобзарь Афанасій — бнъ же и лирникъ; «Я, говорить, и на лиру всегда граю, а кобзу я тилько про панивъ держу». Говорилъ, что теперъ только паны цѣнятъ кобзарство. (Самъ Афанасій слѣпой и жена слѣпая) онъ

¹⁾ Относительно Зори Кравченко говорилъ, что тотъ очень мало зналъ, но все тѣк можетъ быть, что нибудь передалъ, хотя говорить, что характера Зоря былъ неуживчиваго

можетъ быть Вамъ полезенъ. Отъ него Вы можете записать Одклінщыны и со слов его списать тó, что я Вамъ говорю.

Относительно того, что у нищихъ слѣпыхъ есть своя касса—теперь доходить пора къ этому рода разспросамъ, а тó кобзари кобзари, а о нихъ никакихъ свѣдѣній. Вѣроятно у нихъ есть свои преданія и рассказы о бытїи ихней артели или «Бурсы», какъ они называютъ свою кучу. И непременно что то должно быть. Всѣ это о кобзарствѣ я говорю къ тому, что если мы будемъ вмѣстѣ искать, то запись думъ въ Полтавской губерніи скоро должна прїидти къ концу. Я этого желалъ бы. Я этому дѣлу, хотѣлъ бы помочь. Если я поѣду въ Хорольскій уѣздъ, а Вы въ Зѣньковский, то дѣло кончится въ главныхъ чертахъ. И М и р г о р о д с к і й у ѣ з д ѣ требуетъ внимательнаго изслѣдованія. Относительно Константинограда въ селѣ Петровкѣ есть кобзарь Васылъ Пересóчка, который учился въ Харьковской губерніи у кобзара. Побылъ всего годъ, вѣроятно не твёрдо выучился потому, что стѣснялся, когда я просилъ продиктовать мнѣ пѣсни. Онъ говорилъ, что на кобзу онъ давно не играетъ: «закынуть. Тамъ десь валяется дóма на горїища», а играетъ теперь на лиру. Одного лирника онъ выучилъ Озовскихъ братьевъ. Кромѣ этихъ двухъ учителя и ученика я знаю двухъ лирниковъ знающихъ Азовскихъ братьевъ и Про Вдову. А кобзарь Васылъ Пересóчка знаетъ и Алексія Поповича. Пересочка говорилъ, что о Коновченкѣ въ Харьковской губерніи не знаютъ, а только въ Полтавской губерніи: «цѣ якъ бѣ Хведиръ Холодный зъ Зинкївського вїезда...»

Въ Харьковѣ мнѣ въ лицо извѣстны теперь пять кобзарей. Трѣхъ я самъ видѣлъ года полтора назадъ или два. Съ одного видѣлъ фотографическую картинку, а объ одномъ самомъ лучшимъ майстрѣ старомъ кобзарѣ слышилъ я отъ нищихъ слѣпыхъ и отъ одного студента, который слышилъ какъ тотъ кобзарь пѣлъ Крапивницкому Азовскихъ братьевъ. Говорилъ, что очень трогательно пѣлъ. Кромѣ этихъ пяти кобзарей я знаю четырехъ лирниковъ въ Харьковѣ: трѣхъ по портретамъ фотографическимъ, а одного лично знаю. И двухъ слѣпыхъ скрипачей (ихъ въ Харьковской губерніи очень много: поютъ Сквороднїнскыихъ и прочихъ) и одного цымбалиста видющаго. Всего 11 душъ мнѣ извѣстно въ Харьковѣ но ихъ тамъ больше (въ Харьковѣ). Около двадцати душъ слѣпцовъ въ самомъ Харьковѣ. Кобзари есть въ шести уѣздахъ Харьковской губерніи, какъ я предполагаю. Въ двухъ я знаю положительно, что есть въ Харьковскомъ и Валковскомъ, а относительно Ахтырскаго сосѣдняго съ Зѣньковскимъ уѣздомъ, когда будете въ Зѣньковскомъ уѣздѣ, то объ Ахтырскихъ [кобзаряхъ] Лебединскаго и Богодуховскаго уѣзда, сосѣдняго съ Валковскимъ уѣздомъ узнать можно. Одно изъ удобствъ для изслѣдованія, что чрезъ всѣ уѣзды кромѣ, кажется, Лебединскаго проходитъ желѣзная дорога. Длина всей линіи отъ Суммъ до Харькова 250 вѣрстъ.

Относительно Розбїшевскаго кобзара я напишу Михальцевой художницѣ. Относительно тѣхъ тетрадей, которыя у Драгоманова, у меня просто ноетъ на душѣ. Если бы Вы прочитали варианты отъ Трифона! Прекрасные и прекрасно сохранившіеся! Не дай Богъ они пропали! Если бы были дбстаны поскорѣе тетради отъ Драгоманова, то было бы много новыхъ изслѣдованій сдѣлано о нищихъ, собственно о кобзарствѣ. Запись отъ Трифона этому поспособствовала бы. Если отъ Васъ тутъ можетъ что нибудь зависѣть, то, будьте добры, поспособствуйте.

Адресъ тотъ же; Кон-градъ. Порфирію Денисовичу Мартиновичу.

О Кравченкѣ (Крюковскомъ) я знаю кое что, чего въ Вашей биографіи его нѣтъ. Послѣ я сообщу, пожалуй. Писать только я не брался. Поэтому всегда тó, что запишу отъ рассказчика—на то полагаюсь. Нѣкоторые эпизоды интересные я знаю. Напр. такой: Однажды шоль онъ домой откуда то: или изъ Ромнѣ изъ маслянской бывшей там ярмарки—не помню. Только съ той стороны шоль съ кобзюю. Дѣло было весною. По дорогѣ въ Лохвицу изъ Ромнѣ нужно перейти рѣку Пселъ. Тогда мостъ передѣлывали; доски сняли и периль не было (тоже были сняты) Кравчѣно кажется, шоль безъ поводыря. Не помню я какъ онъ говорилъ. Онъ надѣялся, что онъ съ помощью одной только палки перейдетъ черезъ мостъ. И началъ идти, ощупывая дорогу палкою. Гдѣ то и ступилъ (ступивъ «порѣнчатъ не було» Я спросилъ: «якѣхъ порѣнчатъ?» Онъ сказалъ: «по мужыцкыи кобылицы». т. е. периль (пóручни) порѣнчата ¹⁾. И началъ потопать. Его какимъ то образомъ спасли, а кобза его поплыла дальше по теченію рѣки. Гдѣто около какого то села её поймали

¹⁾ Значитъ «поренчата», по понятію простодюдина украинца слово больше образованное чѣмъ «кобылицы».

и возвратили ему. Этотъ его рассказъ поддерживала и его жена. Люди, гдѣ его кобза плыла, узнали чья она; «цѣ Крюковскаго кобза плыве». Въ окрестностяхъ знали его кобзу по ея особенной формѣ. (Его кобза большая).

Онъ много работъ дѣлалъ тѣхъ, которыя дѣлаютъ выдучи. Шилъ самъ. Штаны самъ кроилъ и шилъ. Поэтому то онъ и понадѣялся, вѣроятно, и черезъ мостъ полуразобраннй перейти безъ поводыря. (Доски поперечныя были сняты). Этотъ случай слѣдовало бы записать отъ Крюковской.

Тотъ калѣчка ученикъ Кравчѣнка знаетъ Ковчечка и еще нѣсколько думъ. Значить, для собирателя музыкантавъ мотивовъ думъ этотъ калѣчка имѣть долженъ значеніе. Сынъ Кравчѣнка Севастьянъ при мнѣ хорошо игралъ на кобзу. И тотъ можетъ, я думаю, сказать какіе были мотивы думъ. Кромѣ того калѣчка можетъ сообщить и псалмы тѣ, какія выучилъ отъ Кравчѣнка.

У Кравчечка въ 1876 году на Прокіпья между нищими я видѣлъ мальчика слѣпца лѣтъ 12-и игравшаго на кобзѣ «Вербунки». Онъ тогда не могъ быть извѣстенъ какъ кобзарь потому, что былъ маленькій и мало еще умѣющій. Теперь онъ долженъ уже быть настоящій кобзарь. Мы ему тогда съ Слостѣномъ говорили: чего онъ не выучится думъ? Онъ говорилъ «нікому вчѣтъ» Но не помню чей онъ былъ ученикъ Афанасія или Ивана только не Кравчечка.

И такъ, желаю Вамъ въ Зѣньковскомъ уѣздѣ собрать побольше. Не забывайте записывать отъ кобзарей псалѣмъ, чтобы послѣ не пришлось ихъ записывать отъ лирниковъ. Вы еще, спасибо Вамъ, въ Вашей статьѣ помѣтили заглавія псалѣмъ. Вотъ это хорошо слѣдали. Не отъ Савки ли Вы записали Озовскихъ братьевъ? Я Савку тоже видѣлъ.

«О Забродчихахъ» находится въ той тетради, которая у Бернштама Получили ли Вы ее. Если получите, то пришлите мнѣ. Тамъ нужно нѣсколько нецензурныхъ выраженій выкинуть и нѣсколько словъ мною не такъ записано, какъ говорилъ рассказчикъ. Какія слова—я помню. О Забродчихахъ говорится въ сказкѣ (длинной) про Правду. Страницъ нѣсколько мѣста рассказъ о жизни двухъ товарищей (изъ Украйны) у Забродчиковъ. Если нѣтъ этой тетради у Бернштама, такъ она у Цвѣтковскаго, который жилъ вмѣстѣ съ Бернштамомъ въ Петербургѣ. Тетрадь эту во время моей болѣзни далъ, кажется, Слостѣнъ Бернштаму. Если знаете его адресъ, то сообщите мнѣ; такъ же и имя и отчество его.

Если живъ Остапъ Вересай, то запишите отъ него обряды «Отхода ученика отъ учителя». Позволеніе отъ собранія нищихъ. (Тамъ есть предсѣдатель. Покойный Кравчѣнко былъ такимъ.) Хотя слова Вересая, какъ я думаю, должны быть близки къ словамъ Трифона Магадына. Но такъ какъ по этому предмету у одного только меня было записано, да и того нѣту въ рукахъ, то слѣдовало бы записать. А въ Зѣньковскомъ уѣздѣ непременно запишите это. Тамъ должна быть разница.

Слостѣнъ мнѣ говорилъ, что онъ слышалъ отъ кобзаря Мартына такую пѣсню, которая произвела на него сильное впечатлѣніе. Въ этой пѣснѣ говорилось о тяжелой жизни слѣпца нищаго. Но Слостѣнъ говорилъ, что онъ тогда подумалъ что, можетъ быть, эта пѣсня есть гдѣ нибудь записана потому не записалъ. Подобную пѣсню очень трогательно поютъ слѣпцы въ Харьковѣ, и если ее нѣтъ записано, такъ я запишу. Полтавскія нищенки тоже похожую пѣсню, если не такую же пѣли, я слышалъ; изъ нее я только замѣтилъ слѣдующій стихъ:

Ой у поли пташка тай та матку мае
А бидная сыротины слѣзамы рыдае.

Эта псалма, еѣ въ Харьковѣ слышалъ отъ кобзаря, принадлежитъ ближе всего къ пѣснѣ (по роду) къ «Нема въ свити правды».

И такъ я опять возвращаюсь къ Зѣньковскому уѣзду. Въ 1876 году у Кравчѣнка (на пирушкѣ нищихъ) одинъ изъ нищихъ говорилъ мнѣ, что въ Зѣньковскимъ уѣзди отамъ кобзарыкы добри! А-хъ, кобзарыкы тамъ». Я спрашивалъ и у Кравчѣнка, и онъ говорилъ, что тамъ есть кобзари. И Василь Пересѣбка кобзарь Константиноградскаго уѣзда (который немного зналъ Кравчѣнка), говорилъ, что тамъ есть кобзари.

Въ Харьковскихъ нищихъ кобза совсѣмъ иного устройства, и нашѣвъ думъ нигдѣ такъ не своеобразенъ какъ у Харьковскихъ. Совсѣмъ не похожъ на Полтавскіе! Вотъ область совсѣмъ не тронутая почти! Не знаете ли Вы консерваториста, который согласился бы записывать, если бы ему назвать такихъ нищихъ». Надо такого консерваториста искать.

Харьковскіе нище весѣлыхъ пѣсень играютъ два кобзаря на одной бандурѣ въ три руки. Тотъ который безъ бандуры становится или садится доли (чаще

всего вѣроятно) и играетъ правой рукой по струнамъ на гриффъ и по ближайшимъ отъ грифа пристрункамъ. А первый кобзарь играетъ обѣими руками.

Потомъ мотивъ думы Харьковскими кобзарями играетъ подробно во время пѣнія думы, а не аккомпанируется только нѣсколькими струнами. Въ Алексѣѣ Поповичѣ упоминается Кошовый Грыцько Коломыченко, а Азовскіе братья поются какъ записано у Нѣговскаго въ мѣстечкѣ Вильшанѣ Богодуховскаго уѣзда. Тоже самое выраженіе и теперь употребляется.

«До тернивъ до мелюсивъ (два братья) добигалы», но не пришлось мнѣ спросить значенія этого слова, о которомъ говорилъ Николай Ивановичъ Костомаровъ, что оно не понятно. Не очень давно мнѣ сказано въ Константиноградѣ, что слышено такое выраженіе: два мужика ѣхавшихъ возами, повстрѣчались одинъ на мѣшкахъ (вѣроятно съ хлѣбомъ) и спрашиваетъ другого сидяшаго на пустомъ возѣ: «ты вже свое замелюсивъ?».

Однажды, не помню гдѣ и когда я повстрѣчался съ жителемъ Конотопскаго уѣзда. Я спрашивалъ его есть ли кобзари нищіе въ уѣздѣ Конотопскомъ? Онъ сказалъ, что есть. Онъ сперва какъ будто не понималъ, когда я говорилъ о кобзѣ, но когда я рассказалъ о формѣ кобзы «а? Ті, що въ корякъ грають? Корякъ?» Кобзу корякомъ повсемѣстно дразнятъ, даже и Екатеринославскіе нищіе. Быть можетъ въ Конотопскомъ уѣздѣ эти кобзари заходіе изъ другихъ уѣздовъ, а, быть можетъ, и жители Конотопскаго уѣзда.

Я написалъ отъ лирника Екатеринославской губерніи Новомосковскаго уѣзда псалму про Остахвія. Но Константиноградскіе нищіе сказали: «ото сколько не есть лирниківъ, тамъ отъ самый найхужий; у його и лира найхужа». Дѣйствительно, самъ тотъ лирникъ не обладаетъ способностью запоминать отчетливо и твѣрдо псалмы, и насколько умѣлъ передалъ псалму про Остахвія. Ее въ Вашемъ спискѣ псалемъ нѣтъ. Константиноградскіе нищіе объ этой псалмѣ знаютъ. Но я пока еще отъ Константиноградскихъ ничего не записывалъ. Если найду лучший вариантъ, то сообщу. Ищите и Вы,—не найдется ли? ..

Про Остахвія.

Исъ пустыни старецъ въ царскій домъ прихѣде (2).

Онъ принёсъ исъ собою

Все любезное и прекрасное каминь драгоѣ ¹⁾.

Остахвій царевичъ просе у Варламя (2) ²⁾.

«Покажы сей каминь. Я увыжу и впознаю цѣну ему»

«А когдѣ жъ ты возможешъ сонце взять рукою, (2)

А цьогѣ ты не можешъ умыстытъ.

Противъ сего,

Нѣтъ ничѣго!»

«Охъ ты купецъ премудрый! ³⁾

Скажы мнѣ всю тайность:

Отчего сей каминь уродывся?»

«Родыла сей каминь Пречистая Дѣва,

Положыла въ ясли» (2).

«Оставлю я царство,

Пойду жыть у пустыню.

Тамъ зищу я старця,

Буду жыть и служыть ему какъ отцу.

Пустыня любезна доведе до старця.

Жыть я зъ нымъ желаю,

Де Хрыста обрящу, черезъ его?»

«Во мнѣ трудно жыты.

Нада всегда быты

У постахъ у мольтвахъ мольтвы творыты».

—«Какъ тебѣ завгѣдно,—такъ я буду жыты.

Затворюсь у вертепе.

Начну плакать во грисихъ своѣ.»

Значитъ приходилъ проповѣдывать Евангеліе.

(1885 г. Терентій Захаровычъ Юхыменко зъ Герцеванивки. Лирникъ Новомосковскаго уѣзда Екатеринославской губерніи).

Если Редакція Кіевской старины прийметъ напечатать псалму про Остахвія, то пусть напечатаетъ.

¹⁾ Алмазомъ въ Богословіи называется Исусъ Христосъ и ученіе его.

²⁾ Имя старца.

³⁾ Тотъ же самый старецъ называется купецъ.

-XI.

11 Августа 85 г.
С. Ярошовка.

Многоуважаемый
Порфирій Денисович!

Письмо Ваше, съ приложеніемъ розказовъ о запорожцахъ я получилъ. Всѣ сообщенныя Вами подробности о Крюковскомъ, о харьковскихъ кобзаряхъ и т. п. для меня крайне интересны и не пропадутъ напрасно. Присланный Вами прошлый разъ розказ чумака о запорожцахъ и обвѣ запорожскія пѣсни я отослалъ въ «Кіевскую Старину». Лебединцевъ еще не отвѣтилъ мнѣ на то письмо, но я увѣренъ что розказъ и отрывокъ пѣсни о запорожцахъ подѣ Измаиловымъ будутъ напечатаны. Первая пѣсня гдѣ говорится о Галаганѣ, хотя очень любопытная, навѣрное в печать не попадетъ. Иногда, въ трудныхъ случаяхъ нынѣшній Галаганъ заступаетъ за «Кіевск. Стар.» а потому редакция не рѣшится ссориться съ нимъ, напоминая о поганныхъ поступкахъ его поганого предка. Видите къ какимъ соображеніямъ принуждены, при нашихъ порядкахъ обращаться редакціи даже ученыхъ журналовъ. Какъ только я узнаю что Ваши посылки будутъ напечатаны я напишу Лебединцеву о высылкѣ Вамъ той книги.

Присланная Вами псалма мнѣ известна. Я записалъ ее отъ Братицы, у котораго она плоха и также искажена какъ и у Вашего лирника. Она великорусскаго происхожденія и въ нѣсколькихъ вариантахъ встрѣчается въ «Каликахъ Перехожихъ» Безсонова. Когда я составлялъ списки напечатанныхъ псалмовъ (тотъ что помѣщенъ въ моей статьѣ) у меня не было подѣ рукой сборника Безсонова (это огромное изданіе въ семи книгахъ, дорогое и уже рѣдко попадающее въ продажѣ) я могъ только отмѣтить по старымъ своимъ замѣткамъ тѣ выпуски Безсонова гдѣ помѣщены малороссійскія псалмы. Ихъ тамъ штукъ 20 не болѣе и всѣ болѣе или менѣе известныя. Сохраните ее у себя какъ вариантъ, въ журналѣ же она не можетъ быть помѣщена т. к. не имѣетъ отдѣльно интереса. Что касается розказовъ о запорожцахъ то напишите передать ли ихъ для печати? Вы ничего объ этомъ не написали въ своемъ письмѣ.

Выраженіе «стали до тернівъ до мелю сівъ доізжати»—встрѣчается въ нѣсколькихъ вариантахъ. Мелю сѣ, есть искаженное названіе рѣки Мѣ у сѣ—лежащей на пути бѣгства Азовскихъ братьевъ. Р. Мѣусь, носящая и теперь это названіе принимаетъ въ себя рѣку Крымку и впадаетъ въ Азовское море. Тотъ округъ гдѣ она течетъ называется Мѣускимъ округомъ. Можетъ быть въ старину эта область носила названіе во множественномъ числѣ—Мѣ у сѣ, или по народному произношенію Мелю сѣ. (Какъ напр. теперь встрѣчаются урочища съ назван. во множеств. числѣ:—Крути Горбы и т. д.) Во всякомъ случаѣ это имя собственное. Пишу это въ отвѣтъ на вашъ вопросъ.

Я непременно отправлюсь въ Гадячскій и Зеньковскій уѣзды, недѣли черезъ три. Такимъ образомъ я объѣзжу уѣзды Гадячскій, Зеньковский и Миргородскій, а вы—Хорольскій и если можно Кобелячскій и Константиноградскій. Случайно я узналъ недавно о существованіи кобзаря в с. Петровкѣ близъ Константинограда. Не тотъ ли это о которомъ вы пишете что встрѣтили его? ¹⁾ Во всякомъ случаѣ пожалуйста запишите отъ него что возможно. Если мы хорошо изслѣдуемъ эти шесть уѣздовъ относительно кобзарей, то действительно въ Полтавской губерніи извѣстно будетъ по этой части почти все. Уѣзды Прилудскій, Пирятинскій и Переяславскій я знаю. В Прилудкомъ кромѣ Вереса и нѣсколькихъ лирниковъ нѣтъ ничего. В Пирятинскомъ есть Баша и два три ученика его. В Переяславскомъ кобзарей нѣтъ, лирники есть на ярмаркахъ. Лохвицкій уѣздъ Вы знаете. Тамъ можетъ быть еще кое что и найдется. В Лубенскомъ и Роменскомъ—наврядъ ли. Пожалуйста сообщите мнѣ скорѣе что напишете Вамъ Михольцева относительно кобзаря изъ Розбишевки и относительно продажи копій съ ея рисунка. Мнѣ необходимо знать до выѣзда изъ дому. Я написалъ Трегубову о томъ чтобы взять у Бернштама ваши сказки. В первыхъ числахъ августа Бернштамъ былъ въ Кіевѣ и Трегубовъ долженъ былъ передать ему эту просьбу лично. Бернштама зовутъ Вильямъ Людвиговичъ. Петербурскаго адреса его я не знаю. Трегубовъ мнѣ еще не отвѣчалъ. Какъ только получу отвѣтъ сообщу Вамъ и тогда, если надо можно написать Бернштаму или Цвѣтковскому в Петербургъ. В томъ же письмѣ я написалъ о передачѣ черезъ вторыя руки Вашей просьбы Драгомъ. обвѣ обратной высылкѣ рукописей. Желая отъ души чтобы удалось ихъ добыть обратно. Неудобно то что о Драгомъ не совсемъ можно даже переписываться въ письмахъ, т. какъ письма иногда читаютъ на почтѣ. Поэтому въ этомъ отношеніи и Вамъ надо дѣйствовать осторожно, чтобы результатъ получился хорошій. Пишу Вамъ безсвязно потому что очень спѣшу. Сейчас ѣдутъ на почту и боюсь утерять случай, т. к. долго не отвѣчалъ вамъ, не бывъ дома. Пожалуйста напишите мнѣ

¹⁾ Степан Пересада, від якого Мартинович записував чимало—див. М. «Записи» с. 275. К. Г.

все то чего вы не успѣли написать в прошлый разъ и о чемъ хотѣли писать. Гдѣ портретъ Крюковскаго рисованный Вами? У Вас или нѣтъ. Мнѣ кажется что неоконченность в костюмѣ еще не такъ важна. Если лицо выписано совсѣмъ, то костюмъ можно писать с другого, одѣвъ его такъ какъ былъ тогда одѣтъ Крюковскій. Впрочемъ вы все это лучше меня знаете.

Пишите же мнѣ пожалуйста. Искренно уважающій Вас
В. Горленко.

XII.

Полтава.
14 Авг. 1885 г.

Многоуважаемый
Василій Петрович!

Около недѣли прожилъ я у слѣпца лирника Николая Дорошенка въ хуторѣ Шмыгляхъ подѣ Полтавою. Отъ него я собралъ многія свѣдѣнія, указанія кобзарей неизвѣстныхъ доселѣ въ Полтавской губерніи. Если Вы не выѣхали еще для поисковъ, то очень желательно, чтобы моѣ письмо Васъ застало.

Дѣло въ томъ, что страна кобзарей въ Полтавской губерніи Миргородскій уѣздъ. Лирникъ Николай Дорошенко назвалъ мнѣ адреса тѣхъ кобзарей, которыхъ онъ знаетъ въ Миргородскомъ, Зѣньковскомъ, Хорольскомъ, Кобыляцкомъ уѣздахъ, а въ Полтавскомъ уѣздѣ назвалъ имена и адреса всѣхъ совершенно лирниковъ. Его сообщенія о кобзаряхъ такъ интересны, что ихъ слѣдуетъ напечатать вмѣстѣ съ тѣмъ, что собрано отъ него. А собралъ я отъ него около 600 словъ С л и п ё ц ь к о г о я з ы к а. Записалъ съ полной подробностью обряды полученія отъ братіи права собирать въ пользу свою милостыню, играть на инструментѣ. Обряда этого строжайше держатся Полтавскіе и вообще, кажется, всѣ нищія въ Полтавской губерніи. (Если я писалъ о Харьковскихъ, что тамъ многое не такъ какъ въ старину, то оказывается, что это только не въ этомъ отношеніи). Какъ жалко, что я не имѣю теперь времени прислать Вамъ копіи съ него, а оригиналъ прислалъ бы, но онъ настолько неразборчиво писанъ и въ иныхъ мѣстахъ написано послѣ то, что нужно прежде. И прежде то, что нужно послѣ. Я Васъ увѣряю, что совершенно ничего не поймѣте. Дѣло только, скажу Вамъ, въ томъ, что есть «Одклинищныя» когда уходитъ ученикъ отъ Майстра и «Вызвилокъ» когда получаетъ позволеніе брать учениковъ».

Потомъ есть совершенно особый способъ здравствовать у ч а щ е м у с я и выучившемуся уже м а й с т р у. Такой же, но только болѣе краткій т о в а р и щ а к ъ т о в а р и щ у з д р а в с т в о в а н і е.

Дорошенко лирникъ сказалъ, что въ Миргородскомъ уѣздѣ въ его бытность тамъ встрѣчалъ онъ кобзарей больше чѣмъ лирниковъ. Изъ кобзарей онъ называлъ слѣдующихъ, о которыхъ онъ на Ильинской (ярмаркѣ) объ ихнихъ слышалъ что живы, а [о] другихъ недавно.

Кобзари:

- «у Миргородьському узиди лирниківъ мало, а самой кобзарь.
1. Самійло (старый) въ самімъ Миргороді живе. Живый и доси. Бачивъ виттила парня на Выльиньскій бувъ.
2. Михайло йогобъ учень у Сорочыняхъ ¹⁾.
3. Олексій (старый) у Хомутці за Миргородомъ.
4. Петрѣ у Мальцахъ. (и то старый.)
5. Охванасій у Черѣвахъ по той бикъ Сорочынець.» (то есть отъ Полтавы.)²⁾

Знаменитые лирники.

1. Бутовскій Юхымъ у Лыпнягахъ зна (Запоровьскихъ (пенсень) Литъ 50. Бутовскій Юхымъ съпивавъ Канивченка у Ярескахъ у ярмарку.» Потомъ говорилъ (Мыкола Дорошенко). что Бутовскій знаетъ такой вариантъ Азовскихъ братьевъ, что «серце якъ ножемъ пробывае.» Учился въ Кременчугскомъ, кажется, уѣздѣ. Въ Кременчугѣ его братъ, Бутовскаго, купецъ. Дорошенко учился въ Кобыляцкомъ уѣздѣ и поѣтъ Азовскихъ братьевъ (хотя всей пѣсни) не знаетъ, (такихъ, какихъ нигдѣ не записано). Говорилъ, что Бутовскій этотъ вариантъ знаетъ въ совершенствѣ. Если я найду пѣсни Бутовскаго въ Хорольскомъ уѣздѣ, то запишу отъ него.

¹⁾Відомий Михайло Кравченко, кобзар. К. Г.

2 лирника:

1. Семень у Яреськахъ.
2. Архыпъ у Шышаці.

.....¹⁾
 Въ Зѣньковскомъ уѣздѣ есть наилучшій, какъ оказывается, кобзарь Хведоръ Холодный (старый, но бездомный и бродяжничаеъ). Недавно его привели по етапу изъ Бахмутскаго уѣзда. Если я его не застаю въ Опошнѣ, то поѣду въ Ахтырскій уѣздъ, куда, какъ предполагаетъ Дорошенко, онъ, можетъ быть успѣла пойти. Въ Зѣньковскомъ уѣздѣ, по словамъ Дорошенка, ничего особеннаго нѣтъ кромѣ Хведора Холоднаго. Если бы его живымъ засталъ!

Р. С. Если успѣю за сегодня и завтра переписать то, что записалъ отъ Дорошенка, то пошлю Вамъ.

О Хведорѣ говорятъ, что очень хорошій кобзарь и...¹⁾ такъ видно, что знаетъ много.

...знавъ у Гадяцькимъ уезды Миколенко Хома (кобзарь) старый уже чоловікъ. Росторопный. Ше, кажысь, живый есть. Бувъ у Хухри въ ярмарку.» (Спросить у когонибудь изъ слѣпцовъ.)

Бѣдте въ Миргородскій уѣздъ. А я въ Зѣньковскій; мнѣ сручнѣе. А Миргородскій отъ меня дальше Зѣньковскаго. Хотя и Хорольскій дальше Зѣньковскаго? Лучше было бы, если бы поѣхали, прочитавши мои записи.

XIII.

Константиноградъ.
 1 Сентября 1885 г.

Многоуважаемый
 Василій Петрович!

Сегодня я пріѣхалъ съ своей поѣздки (за слѣпцкими пѣснями. Пишу Вамъ теперь покаместъ что главнѣе Я былъ проѣздомъ въ Зѣньковскомъ уѣздѣ и спрашивалъ одного лирника молодого въ селѣ Тарасовкѣ въ двухъ верстахъ отъ Зинькова: есть ли въ уѣздѣ кобзари? Онъ сказалъ: нѣтъ ни одного, кромѣ того, котораго вы ищете. Его слѣпцы называютъ Холоднымъ за его бездомною жизнью, а настоящая его фамилія Грыцѣнко Хведиръ Хведоровычъ. Ему 72-й годъ. Онъ ученикъ кобзаря Кочергы Мытра. Этого Кочерга Мытра ученикъ Хмельницкаго или какъ Хведиръ Хведоровычъ называетъ его Хмилъ или Хмель, не умѣя совершенно назвать его иначе и не зная, что его Хмельницкимъ называютъ. Дѣло въ томъ, что Кочерга Мытро живъ до сихъ поръ. Онъ годами тремя старше Хведора Хведоровыча, который ему ученикъ и кумъ. Крестилъ у майстра дитя. Живетъ Мытро Кочерга въ мѣстечкѣ Бильську верстахъ въ 17-и отъ Зѣнькова. Лѣтъ около сорока какъ оставилъ играть на бандуру. О немъ говорилъ Хведиръ Хведоровычъ, что онъ кромѣ Озовськихъ братьевъ, Алексѣя Поповича, Вдовы и другихъ знаетъ Марусю Богуславку, которую кобзарь Грыцѣнко забылъ вмѣстѣ съ Кишкою Самійломъ и Самарскими братьями. Изъ Маруси Богуславки онъ Грыцѣнко сказалъ нѣсколько десятковъ словъ, но не захотѣлъ мнѣ продиктовать ихъ для записи. Грыцѣнко знаетъ четыре думы. Озовськихъ братьевъ, Олексія Поповича и Вдову. (Эти варианты у него мало интересны потому, что такіе есть. Кобзарь Иванъ Городныцкій и Константиноградскій кобзарь Васылъ Парасючка или Пересочка его ученики. Потомъ выучилъ одного играть на кобзу в Барвинковой. въ изюмскомъ уѣздѣ харьковской губерніи. А Коновченка четвертая его дума; онъ выучился ее въ Ахтырскомъ уѣздѣ отъ Кобзаря. Это очень и очень прекрасный и самостоятельный вариантъ. Единственная у него интересная дума.

Возвращаюсь опять назадъ. Я кобзаря Грыценка или Холоднаго нашолъ въ Гадяцкомъ уѣздѣ въ мѣстечкѣ Лютенкѣ, ѣхавши за нимъ слѣдомъ. Сперва я пріѣхалъ въ Опошню, которую мнѣ указали какъ мѣсто его жительства. Въ Опошнѣ я его не засталъ. Ещѣ ѣдя изъ Полтавы въ Опошню, мнѣ одинъ слѣпецъ на дорогѣ сказалъ, что онъ живѣтъ въ мѣстечкѣ Котельвѣ Ахтырскаго уѣзда. Я изъ Опошни поѣхалъ въ Котельву. Въ Котельвѣ въ шпытали сказали, что онъ жилъ дѣйствительно, но пошолъ за нищими опять въ Зѣньковскій уѣздъ прямо на Зѣньковъ и живетъ подѣ Зѣньковымъ въ пяти верстахъ въ селѣ Ступкахъ. Я поѣхалъ въ Ступки. Тамъ сказали что онъ въ селѣ Тарасовкѣ. Я въ Тарасовку. Тамъ сказали, что онъ въ послѣднее время былъ въ Лютенкѣ, мѣстечкѣ Гадяцкаго уѣзда. Я поѣхалъ въ Лютенку, гдѣ и нашолъ его. Онъ такъ бѣденъ, что не въ состояніи имѣть своего поводиры,

¹⁾ Шматок листа загублено.

²⁾ Нерозібрано.

и потому гдѣ возьмутъ его прохожіе нищіе и куда они идутъ, имѣя своихъ поводырей,—туда и онъ идѣть за ними.

Я засталъ его въ Лютенкѣ, гдѣ записалъ все что было возможно отъ него и поѣхалъ въ Константиноградъ. Я за нимъ поѣхалъ потому, что зналъ о нёмъ многое, и зналъ способъ его искать. До Вашего свѣдѣнія довожу, что въ Зѣньковскомъ уѣздѣ кромѣ Грыценка, который по рожденію и по наукѣ Зѣньковскій кобзарь, а съ молодости еще не житель Зѣньковского уѣзда, есть еще два кобзаря: одинъ Мытро Кочерга въ Мѣстечкѣ Бильську, а другой тотъ, о которомъ я говорю. Хведиръ Хведоровичъ Грыценко Уроженецъ Груни Опошнѣнской волости.

А кромѣ того я отъ Грыценка записалъ имена и фамиліи всѣхъ лириковъ Зѣньковского уѣзда и ихъ адреса, и, по возможности ихъ возрастъ и знанія. Этотъ списокъ я приложу при этомъ письмѣ. У Кочерги я не былъ. Сообщаю Вамъ о нёмъ какъ объ очень интересномъ кобзарѣ, знаемемъ «Дивку Бранку» какъ говорилъ Грыценко. Я же въ Зѣньковскій уѣздъ не поѣду, а поѣду въ Хорольскій уѣздъ, но только черезъ нѣсколько времени. Потомъ сообщу Вамъ очень важное обстоятельство относительно Кочерги. У него произношеніе сдѣлалось очень труднымъ для пониманія. Говорилъ быстро и не разборчиво, и, если не ошибаюсь, сильно глухой. Но если есть посредникъ при разговорѣ, такъ дѣло поправимое. Кромѣ того у него жена, говорятъ, пьянствуетъ и распутствуетъ, и къ людямъ болѣе такая, что прогнать чужого человѣка. Это обстоятельство очень важное въ пользу того, что къ нему нужно ѣхать съ проводникомъ. Значитъ, для Васъ остаётся отыскать Хведора Грыценка. Но Вамъ нужно спрашивать не Хведора Грыценка а Хведора Холодного у нищихъ. Искать его слѣдуетъ начиная съ Лютенки, гдѣ я его оставилъ. Въ настоящее время, какъ я предполагаю, онъ и до сихъ поръ тамъ.

Когда приѣдете въ Лютенку, то спросите гдѣ живётъ слѣпецъ Романъ Гацько. Онъ живётъ на Западной сторонѣ мѣстечка. Вамъ лучше всего спросить:—гдѣ шынокъ жиды Борыса? Когда Вамъ укажутъ улицу и Вы дойдѣте до того шынка,—тамъ спросите гдѣ живётъ слѣпецъ Романъ Гацько? Въ мѣстечкѣ слѣпцовъ много даже и на той улицѣ, гдѣ шынокъ жиды Борыса, два слѣпца мнѣ извѣстны живутъ, а можетъ быть ихъ есть и больше въ томъ околоткѣ. Вы спросите Романа Гацька. Наружность опишете такъ: черныя крѣпкіе скажите. Потому, что тамъ вблизи живётъ блондинъ слѣпецъ. Я думаю, что такъ не ошибѣтесь, если такъ спросите. У этого Романа жилъ Хведоръ Холодный. Когда войдѣте въ хату, то спросите: это живётъ Романъ Ивановичъ Яременко? Гацько его уличное прозаніе и онъ обижается за это. Яременко очень честный человѣкъ. Замѣчательная въ нёмъ черта: некорыстолобивый. Когда я пришолъ къ нему въ хату, гдѣ сразу увидѣлъ Холоднаго и когда я сказалъ, что хочу записать отъ него пѣсни, то Романъ сказалъ, что до тѣхъ поръ пока я запишу т. е. недѣли двѣ онъ будетъ меня кормить и ему очень странно кажется, что за это нужно деньги платить (собственно за хлѣбъ). Я удивлёнъ былъ этимъ. Это я Вамъ говорю на тотъ случай, что можетъ быть, если Вы застанете Хведора Хведоровича Грыценка у него, то, можетъ быть, Вамъ придётся и пожить у него до поѣздки Вашей съ Грыценкомъ въ Бильське, которое, какъ я думаю, никакъ не далѣе 50-и вѣрстъ отъ Лютенки. Мнѣ сказалъ Грыценко, что Бильське 17 вѣрстъ отъ Зѣнькова, но я не спросилъ въ какую сторону. А Зѣньковъ отъ Лютенки верстахъ въ 30-и если не меньше.

Если Вы застанете у Романа Грыценка, то Вы дѣло, быть можетъ, сдѣлаете. Но если не застанете у Романа; то всё таки онъ Вамъ скажетъ куда пошолъ Хведоръ Хведоровичъ Грыценка. Тогда уже Вамъ придётся искать Грыценка и съ нимъ всмѣтъ ѣхать. Мнѣ кажется, что безъ Хведора немного рискованно ѣхать къ Кочергѣ ввиду его косноязычности. Хведоръ не косноязычный и то я по нѣсколько разъ спрашивалъ какъ онъ выговариваетъ какоенибудь слово. Потомъ—это моя личная и убѣдительная просьба: когда запишите какуюнибудь думу, то потомъ заставьте слѣпца повторить, а сами повѣряйте и приписывайте то, что онъ прежде диктовалъ. [Если] пропустилъ или разницу замѣтили, то есть другое употребленіе имъ выраженіе. Записавши думы записывайте псалмы. Для черезъ три заставьте его опять продиктовать думу; опять найдѣте разницу, потомъ еще весьма важное обстоятельство: когда дума записана и повѣрена за вторымъ разомъ,—заставьте его пропѣть. Тогда Вы прибавите къ записаному еще новыя слова и выраженія. Напримѣръ: слѣпецъ когда диктуетъ, то говорить: «Изь города изъ Азова». А если поетъ, то говорить: «Ой то то жъ изъ города жъ и изъ Азова». И вся дума въ пѣніи совсѣмъ можетъ быть не такая, если внимательно прослѣдить за выраженіями въ пѣніи, чѣмъ въ диктовкѣ. Въ рѣдкихъ случаяхъ то, что я сказалъ, бываетъ не примѣнимо.

Прошу Васъ, обратите на это вниманіе. Тогда увидите, что будетъ разница между записаннымъ прежде и послѣ.

Поспѣшите отыскать Холоднаго Хведора въ Лютенкѣ или пока, быть можетъ онъ не отошелъ отъ Лютенки, а то можетъ зайти далеко. Онъ говорилъ что хочетъ пойти въ Полтаву, а изъ Полтавы въ Константиноградъ къ своему ученику Пересѣчкѣ въ Петровку, но это, я думаю относительно, не такъ скоро будетъ.

Въ Миргородскомъ уѣздѣ, я узналъ отъ Романа Яременка, еще слѣдующихъ кобзарей. Пишу ихъ вмѣстѣ съ тѣми, о которыхъ я Вамъ послалъ письмо. Получили ли Вы моѣ письмо, писанное мною изъ Полтавы? Если получили, то отвѣтите.

Отъ Романа:

1. Въ Миргороди Самійло. (Лить сорокъ пять.)
2. У Хомутци Иванъ Сироштанъ. (нема ще сорока.)
3. У Хомутци Олексій. (сорокъ лить.)
4. У Хомутци Семень Лаврышъ (40—50 лить).
5. У Хомутци Якивъ.
6. У Зайвицяхъ Мусій. (лить тридцать.)
7. У Зайвицяхъ Петро, та

8. У Зайвицяхъ Ахванасій (тотъ, который жилъ у Черѣвкахъ.) но это не всѣ Миргородскіе кобзари. Тамъ еще есть. Мнѣ названы только тѣ, которые, извѣстны Яременку. Если я не ошибаюсь, то еще Юхымъ съ Попивки, если я не назвалъ Юхыма съ Попивки нечаянно кобзаремъ. Остальные всѣ записаны вѣрно. Миргородскій уѣздъ вѣроятно оазисъ кобзарей въ Полтавской губерніи. Впрочемъ можетъ быть, невѣрно потому, что неизвѣстно ничего о Хорольскихъ, кобзаряхъ. Трѣхъ кобзарей въ Хорольскомъ уѣздѣ мнѣ назвали. Въ Кобыляцкомъ одного (старого).

Хведоръ Холодный совершенно безпріютный и ему все равно гдѣ бы ни скитаться. Его одинъ дурило панычъ женилъ на слѣпой, когда ему было 40 лѣтъ. Хведоръ съ женою не живѣтъ, хотя ее очень уважаетъ. Этотъ панычъ держалъ у себя кобзарей за ихъ нецензурныя пѣсни. И послѣ «за качества» попалъ въ ссылку, гдѣ вскорѣ и умеръ. Но видно все таки, тотъ панычъ имѣлъ что то хорошее. Кобзарь рассказывалъ о немъ страшныя его юродства и вмѣстѣ съ тѣмъ не пропускалъ лучшихъ его сторонъ, и вспоминалъ о немъ съ уваженіемъ.

Лучшаго кобзара какъ музыканта я не слышалъ, какъ Хведоръ Грыценко. У него у бандуры три строя: «К о с ы й» с т р о й, «Скрьпошный» и «Б а н д у р ы с ь к ы й». Играетъ лѣвой рукой на пристрункахъ всѣми пальцами и правой не всѣми. Игра его напоминаетъ хорошую игру на скрипкѣ. У него были бандуры въ 45 струнъ съ полутонами и дѣззами. Но теперь у него старая бандура орѣховая, принадлежавшая кобзарю Гаврылу Вовку.

Ученикъ Гаврыла Вовка кобзарь Савка Лѣтышъ. (фамилія Лѣтышъ по вулышному.) Живѣтъ въ Лютенкѣ. Я отъ него не записывалъ пѣсень, но мнѣ извѣстно, что онъ знаетъ Озовскихъ братьевъ, Вдову и Сестру и брата. Можетъ быть и еще что нибудь онъ знаетъ—мнѣ неизвѣстно. Псаломъ онъ немного знаетъ.

Отъ Холоднаго я записалъ около сорока псаломъ которыя онъ твѣрдо знаетъ. А такихъ, которыя онъ не твѣрдо знаетъ, то же немного. Пріимите въ соображеніе Савку Лѣтыша или Лотащя.

Въ Вашихъ письмахъ Вы пишете: что Вамъ сдѣлать съ преданіями, которыя я послалъ Вамъ? Я, значить, забылъ въ томъ письмѣ попросить Васъ передать ихъ въ редакцію. Будьте столь добры, передайте. Я бы Васъ и не затруднялъ этимъ, но я это дѣлаю потому, что пославши одинъ разъ записъ, не получилъ отвѣта. По этому я совершенно не знаю какъ мнѣ поступить въ такихъ случаяхъ. Будьте добры передайте въ редакцію.

Главнаго забылъ написать.

Въ Розбышовкѣ этимъ лѣтомъ около Петра и Павла умеръ хорошій кобзарь Лыходидъ. Говорили, что «старый и майстеръ добрый». Это вѣроятно тотъ что нарисованъ въ альбомѣ у Михальцовой. Михальцовой я не писалъ до сихъ поръ. На дняхъ напишу непременно.

Обратите особое вниманіе на лирника Бутѣвскаго Юхыма. Его въ Миргородскомъ уѣздѣ должны всѣ слѣпцы знать. Онъ между слѣпцами аристократъ. Хорошо одѣвается и держитъ себя по барски. Его братъ купецъ въ Кременчугѣ, но онъ пожелалъ быть лирникомъ и, говорятъ, знаетъ много и поѣтъ хорошо. Дорошенко лирникъ говориль, что онъ «струменщикъ безъ числа». Науку онъ или Кобыляцкой или Кременчугской. Я слышалъ отъ Дорошенка Озовскихъ братьевъ Кобыляцкой науки; это совершенно неизвѣстный вариантъ имѣющій свои красоты, но Дорошенко его всего (варианта) не знаетъ. Бутѣвскій Юхымъ знаетъ «подходяще къ тому» по словамъ Доро-

шенка. Говорить что такія слова, что кажды́мъ словомъ «якъ ножемъ сердце пробывае.»

Потомъ назвали мнѣ въ Красномъ Кутѣ Богодуховскаго уѣзда, Харьковской губерніи кобзаря знающаго много Козацкихъ пѣсень. Я спрашивалъ Хведора Грыценка какъ эти пѣсни называются? Озѳовскіи братья, Олексій Поповычъ, Удовá. Онъ сказалъ: «Козацкіи пѣсни»¹⁾. Я спросилъ его не слышалъ ли онъ отъ старыхъ майстрівъ, что эти пѣсни назывались «думами». Онъ сказалъ, что нигдѣ никогда не слышалъ. И однажды, совѣтуя мнѣ какъ спрашивать у кобзарей пѣснь, сказалъ: «скажить Козацкихъ пѣсень; потому, що всї кобзарї знають, що вони такъ называютьця.» Обратите вниманіе какъ Вамъ будутъ называть другіе кобзари эти пѣсни.

Въ томъ вариантѣ Дорошенка должно быть такъ: братья проѣзжали дубовыми лѣсами. Средній братъ рубилъ дубовыя вѣтви. Костюмъ на братьяхъ красивый: золотыя кисти на жупанахъ.

Обратите особое вниманіе на Бутовскаго Юхыма. Жилъ онъ въ Лыпнягахъ, но теперь Дорошенку положительно не извѣстно гдѣ онъ живѣтъ. Лѣтъ Бутовскому около 50.

Если Вы письма моего изъ Полтавы не получили, то напишите мнѣ, я Вамъ повторю о кобзаряхъ Миргородскихъ. Повторю Вамъ теперь слова лирника Дорошенка:

«У Миргородьскому вьязди лирныкивь мало а самый кобзарь.

1. Самійло у самимъ Миргороди живе. Живый и доси. Бачывъ виттила парня оце на Выльиньскій бувъ.

2. Мыхайло его учень. (Самійла) у Сорѳчыньця хъ.

3. Олексій старый у Хомутци за Миргородомъ.

4. Петро у Мальця хъ. И то старый.

5. Охванасій Черѣвкѣвскій.

Но искусныхъ кобзарей мало и въ Миргородскомъ уѣздѣ, а большею частью такіе, которыхъ слѣпцы и видющіе дразнятъ «коряка́ми неотѣсанными», Плохая форма бандуры напоминаетъ корякъ.

Въ Лебединскомъ уѣздѣ кобзарей нѣтъ. Но я это еще обстоятельно повторю. Въ Лебединѣ былъ кобзарь Чапля Семень. Умеръ давно, лѣтъ около тридцати. У него, по словамъ Кобзаря Грыценка была бандура въ 75 струнъ. Грыценко много очень интереснаго про объ этомъ покойномъ кобзарѣ рассказывалъ.

Повторяю Вамъ о Кочергѣ. Имѣйте его въ виду и къ кобзарю слѣдуетъ къ первому къ нему поѣхать. А Миргородскіе пусть потерпятъ. Въ Ахтырскомъ уѣздѣ тоже кобзарей нѣтъ.

Портрета (Крюковскаго) Кравченка того, который имѣю, рисованный карандашомъ, послать немогу во первыхъ потому, что не имѣю, такого состава, которымъ покрываютъ рисунокъ, чтобы онъ не растѣрся, а во вторыхъ: главнаго портрета, съ котораго нарисованъ этотъ у меня, здѣсь нѣтъ, а въ Петербургѣ. Когда получу его оттуда—тамъ не кончена совершенно бандура;—когда кончу, то пришлю.

Остаюсь уважающій Васъ

Порфирій Мартиновичъ.

Извините, что неразборчиво написано. Читайте какънибудь.

Кобзарь Грыценко умница замѣчательный. Онъ Вамъ окажетъ большую помощь у Кочерги.

Лирныки и кобзари зинькивського уизда.

Лирныки.

1. Кладцькѳ у Бірка хъ. Грачь добрый, сказавъ кобзарь Грыценко. Лютепына. Лить до 70-ы, мабутъ. Жывѣтъ и теперь у Бірка хъ, сказавъ Лирныкъ Мыхола Дорошенко. Хутирь Шмыгли пидъ Полтавою.

2. Сомпсонъ у Ковалівци. Ни гратъ ни сывивать. (т. е. плохой артистъ)

3. Быкъ Грыцькѳ. Кѳло Тахтаулова въ Груни на хуторахъ жывѣтъ винъ.

4. Захарько въ Груни.

5. Антонъ у Пірка хъ. Не ѳвсимъ дуже.

6. Пылыпъ Поклоньскій. у Груни. Не шѳ (т. е. порядочный артистъ.) Есть трохы та не ѳвсимъ дуже, шѳбъ такы ѳтъ дуже.

7. Сѳминъ Груньскій. Парубокъ. А може теперь и жонатый.

¹⁾ Я спросилъ: «И Вдова козацка пѣсня? Онъ сказалъ: «И Вдова козацка пѣсня» это совершенно сходно съ тѣмъ, что говорилъ покойный Крюковскій-Кравченко.

8. Кондратъ Лейбівський. Лейбинь хутирь. И той добренько гра, а псаломъ, то й не тотъ. Лить у сорока въ пяти.

9. Василь въ Тарасивци. (у этого я былъ въ Тарасовкѣ. Онъ молодой.) ¶¶

10. Ялысѣй у Баткѣхъ. Въ того, положимъ е, та не багато. Годивъ 45 можеть.

11. Ярѣсть у Груни. Та трѣхъ въ тогѣ.

12. Хведѣтъ у Будыщахъ у Лютенськихъ. Самъ Груньський. (Лютенськи Будыща, кажется, въ Гадяцькимъ уизьди.)

13. Сукѣра Иванъ у Груни. Сообщилъ Кобзарь Хведиръ Хведоровичъ Грыценка.

Кобзари.

1. Мытро Кочерга. У Бильську живе.

2. Хведиръ Хведоровичъ Грыценко. Ученикъ Кочерги. Родився у Глянську Зинькивського вьезда. Опишлянської волосты. Слова Грыценка.

Подробный списокъ лирниковъ Полтавскаго уѣзда тоже я сдѣлалъ. Когда будете въ Миргородскомъ уѣздѣ, то сдѣлайте списокъ кобзарей и лирниковъ, которые составляютъ, приблизительно третью часть изъ всѣхъ слѣпыхъ въ уѣздѣ.

Такъ же прошу, будьте добры, достаньте поскорѣе отъ Бернштама мои сказки. Напишите ему. Это тѣ сказки, которыя записалъ я отъ Забрѣдчика, и отъ него можно еще записать о запорожцахъ, если показать ему хоть одну сказку напечатанную. Что забылъ теперь написать,—напишу въ другомъ письмѣ.

Художницѣ Михальцевой напишу обстоятельно объ этомъ дѣлѣ. Если она не согласится продать рисунка, такъ какъ онъ у нея въ альбомѣ: рисунокъ на одномъ листѣ нѣсколько рисунковъ, то, по крайней мѣрѣ, копію, я думаю, что согласится сдѣлать.

При письмѣ я прилагаю нѣсколько рассказовъ о запорожцахъ и просто рассказовъ не о запорожцахъ. Обратите вниманіе на тотъ, около котораго стоитъ такой знакъ: X. Будьте добры, пошлите это въ редакцію. Мнѣ очень бы хотѣлось, чтобы они были поскорѣе напечатаны. Потому, что я могъ бы еще записать отъ того старика, если онъ живъ, представивши ему напечатанныя его рассказы. Я съ нимъ въ такихъ отношеніяхъ, что являться къ нему безъ напечатанныхъ неловко. Пять лѣтъ, почти тому назадъ, какъ онъ мнѣ говорилъ и я, молъ, съ ними ничего не сдѣлалъ. Значить, может подумать,—не стоить говорить, потому, что это переливаніе съ пустого въ порожнее,—въ этомъ родѣ.

Порфирій Мартиновичъ.

XIV.

Константиноградъ.
10 сентября 1885 г.

Многоуважаемый
Василій Петровичъ!

Въ прошломъ письмѣ я забылъ Вамъ написать еще о двухъ кобзаряхъ, писать о которыхъ я сперва не считалъ нужнымъ потому, что слышалъ, что они многое перезабыли. Оба эти кобзаря старики и лѣтъ по 30 или 40 какъ оставили играть на бандурѣ.

О нихъ сообщилъ мнѣ слѣпецъ Романъ Ивановичъ Яременко въ Лютенкѣ.
1. У Павливци Даныло Хомовичъ (фамилии не извѣстно) кобзарь. 18 верстъ до Зинькова.

2. У Лютенськихъ Будыщахъ Мусій Гордіецъ Кобзарь. Лютенськи Будыща, кажется, въ 7-и верстахъ отъ Павливки. А Павливка въ 18-и верстахъ отъ Зинькова. Оба эти кобзаря живутъ не далеко отъ Мытра Кочерги, который живѣтъ у Бильську. Лютенськія Будыща, я не знаю, кажется на границѣ Зѣньковскаго уѣзда. Будыща есть кедалеко отъ Полтавы называются Велики Будыща, а это Лютенськи Будыща. Они недалеко отъ Лютенки, гдѣ живѣтъ ученикъ Гаврыла Вѣвка кобзарь Савка Максимовичъ Лѣтшпѣ. Кацюба, кажется, настоящая его фамилія. Самъ же покойный Гаврыло Вѣвкъ жилъ тоже въ Павливци, гдѣ теперь живѣтъ кобзарь Даныло Хомовичъ. Кочерга живѣтъ постоянно дома. За подаянїемъ не ходитъ ни осенью ни зимою.

Къ этимъ кобзарямъ не худо бы было обратиться, такъ какъ дѣйствительно старымъ мастерамъ товарищамъ Гаврыла Вѣвка и другихъ. Какъ я о нихъ не спрашивалъ, но только узналъ, что одинъ изъ нихъ не помню кто или

Даныло Хомовичъ или Мусій Горцієць пѣлъ недавно на ярмаркѣ Сквородынську «Всякому городу»¹⁾. Знаютъ ли они козацкія пѣсни—не узналъ какія, навѣрно Озовськихъ братьевъ и пр. знаютъ. Безъ этихъ пѣсенъ не могли быть кобзари. Если Вы еще не ѣздили въ Зѣньковский уѣздъ, то всё таки прежде всего поѣдьте къ Мытру Кочергѣ въ Билъське. Этого кобзаря никакъ нельзя пропустить, чтобы не записать отъ него пѣсенъ. Кромѣ того, если будете у него, то не забудьте отъ него записать псалму «про Гліба й Борыса». Я слышалъ отъ кобзаря Грыценка, что Кочерга ее знаетъ.

Эти два кобзаря старики. Обь одномъ изъ нихъ я слышалъ что здорово забылъ то, что зналъ. Кажется, это говорилось о Будыщанскомъ (Лютеньскихъ Будыщъ) Мусіѣ Гордіицѣ. И такъ въ Зѣньковскомъ уѣздѣ три кобзаря:

1. Мытро Кочерга.
2. Хведирь Грыценко.
3. Даныло Хомовичъ.

Тотъ кобзарь въ селѣ Петровкѣ близъ Константинограда мнѣ извѣстенъ. Онъ ученикъ Хведора Грыценка. Значитъ по наукѣ онъ внукъ Кочерги и правнукъ Хмеля или Хмельницкаго. Кобзарь Иванъ Городнышній въ Готвѣ тоже правнукъ по наукѣ Хмеля потому, что ученикъ Грыценка Городниціи.

Въ Гадяцкомъ уѣздѣ кобзари.

1. Савка Лотышъ въ Лютенькѣ.
2. Мусій Гордієць у Лютеньскихъ Будышахъ (старій.)

Кочерга знаетъ думу про сестру и про брата, которую Грыценко не всю знаетъ. Если отъ Кочерги только есть возможность записать, судя по многимъ обстоятельствамъ, я думаю, что есть, такъ это должна быть хорошая находка.

Потомъ въ Лютенькѣ есть ешо Хома сляпець житель Лютеньки кое какъ умѣющий играть на бандуру. Озовскихъ братьевъ и онъ знаетъ. Обь остальныхъ пѣсняхъ не знаю. Знаю только, что онъ очень мало знаетъ и очень не твердо. Если онъ ученикъ Савки, то онъ не интересенъ.

Относительно Миргородскихъ кобзарей: тамъ не больше, вѣроятно, четырехъ человекъ хорошо обученныхъ и твердо знающихъ пѣсни. Юхима Бутковского исключать изъ числа лирниковъ нельзя потому, что Вы отъ него запишите такой вариантъ Озовскихъ братьевъ, какого нѣтъ во всѣмъ сборникѣ. (въ смыслѣ новинъ.) Онъ уроженецъ Кременчугскаго уѣзда. Если Бутовскій Кременчугской науки, то вариантъ его долженъ быть весьма интересенъ. Если бы Вамъ пришлось побывать у Бутовскаго, то свѣдѣнія отъ Бутовскаго о Кременчугскихъ и Кобыляцкихъ лирникахъ могли бы пополнить мои свѣдѣнія. Во всякомъ случаѣ Бутовскаго не миайте. Остальные же кобзари Миргородскіе кромѣ Саміила, Олексія и Петра²⁾, на котораго говорили, что хорошъ и ещо нѣсколькихъ говорятъ, что больше частью плохія кобзари. А чтобы въ Зѣньковскомъ уѣздѣ продолжалось кобзарство такъ какъ въ Миргородскомъ уѣздѣ, такъ я положительно говорю, что нѣтъ.

Въ Красномъ Кутѣ тамъ, гдѣ жилъ кобзарь, который учился у Рыгоренка думъ есть и теперь кобзарь знающій много козацкихъ пѣсенъ.

Остаюсь уважающій Васъ

Порфирій Мартиновичъ.

Адресъ. Константиноградъ. Порфирію Денисовичу Мартиновичу.

Получили ли Вы то моѣ письмо, которое я послалъ изъ Полтавы простымъ не заказнымъ въ началѣ Августа?

XV.

С. Ярошовка.
20 Сентября.

Многоуважаемый Порфирій Денисовичъ!

Оба Ваши письма я получил, одно в концѣ августа, другое в началѣ сентября. Я не писалъ вамъ съ тѣхъ поръ, какъ вы вѣроятно и догадались, потому что все это время провел в предположенной поѣздкѣ. О ней сейчасъ и сообщу вамъ. Для меня она была крайне неблагопріятна. Получивши ваши, так обрадовавшие меня свѣдѣнія о миргородскихъ кобзаряхъ, я двинулся к 8-му (выѣхал 5-го) в Миргород, зная что 8-го там ярмарка и что я большинство их там встрѣчу. На ярмаркѣ записывать что нибудь невозможно, но т. к. они там собираются, то это значительно облегчаетъ труды их поисков. Съ первого же

¹⁾ Мусій Гордієць співав.

²⁾ Очень можетъ быть, что изъ этихъ трѣхъ два одной науки.

дня я нашель их. Были почти всё означенные в вашем спискѣ, приче́мъ, впро́чемъ, съ струментомъ, было только двое,—остальные с веревочными издѣльями. Пристановище их было у Самійла, о котором вы тоже писали. Туда я и направился. Самійло этотъ оказался величайшій негодяй: вѣчно пьяный, едва воро́чающій языкомъ. У него живут слѣпые женщины—нищенки и кажется он их ужасно эксплуатируетъ. В хатѣ живет еще другой слѣпой—тесть или зять Самійла—не разберешь—но такое же безтолклое созданіе—Онисько. Вечером вся братія была в сборѣ. Встрѣтили меня нѣкоторые крайнѣ подозрительно (знакомство началось с однимъ на ярмаркѣ, потом я сказал что я приѣду к ним). Другія напротив не обнаружили боязни и были хороши со мной. Между ними попадались симпатичные личности как извѣстный вам Афанасій, еще молодой слѣпец из Хомутца (Хомутец оказывается средоточіемъ кобзарей, но все очень плохих) и один из Мальцев. Сам же хозяин чуть меня не выгнал, хотя он сам не представляет для меня не малѣйшаго интереса. Очевидно что сам он ни черта не знает, да из его пьяной глотки все бы вышло в обезображенном видѣ, и отъ него я не стал бы и записывать. Тѣм не менѣе и на другой день я был у них в вмѣстѣ с ними справлялъ балъ как кажется всегда кончающій у них них ярмарку¹⁾. Я угощал их водкой а они меня, все в надеждѣ все таки чего нибудь добиться. Тут, от нѣкоторых, наслушался много подробностей о их бытѣ. Оказывается напр. что одною из причин исчезновения старых думъ, то что старые кобзари, умышленно, не смотря на желаніе и на просьбы молодых не учили их хорошим думам, чтобы имѣть преимущество перед ними. В этом отношеніи и Крюковскій не дѣлал исключенія. Вообще я о нем услышал много дурного, и от таких, заслуживающих довѣрія лиц как Афанасій. Да, надо вам сказать, что къ миргородским кобзарям дошла уже какими то путями чутка о ваших поисках Федора Холоднаго. То обстоятельство, что вдруг за этим вслѣд являюсь я и тоже начинаю усиленные поиски кобзарей и дум—привело их в смущеніе. «Э! Шось буде! Десь мы опинимось!» Всѣ мои усилія разтолковать истинный смысл дѣла разбивались сначала и вопросы один безмысленнѣе и нелѣпнѣе другого—все повторялись. Потом я сговорился дружески с нѣкоторыми. Но эти молодые совсѣм не интересны. Они ничего не знают, т. е. один—может спѣть Озовских братьев, другой Олексія Поповича, третій Вдову—но все съ такими ничтожными разнищами, против извѣстных текстов что записывать не стоит. Единственнымъ хоть нѣсколько старосвѣтским, пѣвцомъ оказался лирник—Олександр Кузьменко (по прованію Сокуръ) изъ города Хорола, на него конечно я и обратилъ вниманіе. Это старик, довольно буйнаго нрава, циничный на словах, котор. перед другими пользовался каким то прстижемъ, не смотря на то что он лирник, а они кобзари. На него то я и налегъ. Но трудно было добиться. Он пил и послѣ ярмарки еще два дня и наконец только на третій я мог записать от него Азовских братьев (средственный вариант) и Коновченка—вариантъ котор. когда то был прекрасным, древним, но теперь мѣстами искаженный примѣсью какой то кабадккой грязи. Тѣм не менѣе в нем есть превосходныя строки и выраженія большой древности. Сокур изучил его давно, в Пирятинском уѣздѣ, не сказал от кого. Еще от него я записал одну пародію на думы. Онѣ есть уже в сборн. Чубинскаго. (т. 5-й) но у Сокура длиннѣе, хотя приправлена совсѣм уже безмысленной болтовней. При ваших поисках, добрѣйшій Порфир. Денисов. обратите ваше вниманіе и на этого рода произведенія Пародіи. Может быть отыщется еще двѣ три, не в этом ли родѣ Козак Михій? Онѣ очень характерны и составлены с большим юмором. Таким образом из Миргорода по селамъ я не поѣхал т. к. видѣл на лицо всѣх мѣстных кобзарей. Был еще один, который ушел от Самійла до начала пьянства домой а между тѣм, по рассказам, оказался самым интересным. Это—Петро Сидоровичъ Нестеренко из села [?] ¹⁾ Мелюшѣк, Хорольскаго уѣзда (на границѣ Миргородскаго (хотя это была уже ваша область, но зная как легко пропустить этих господъ, я рѣшился погнацца вслѣд за ним. В Мелюшкѣх его уже не оказалось—отправился у ходку. Я переночевал там в чѣй то коморѣ и вернулся в Миргородъ. Но на Петра Нестеренка вы обратите пожалуйста особенное вниманіе, когда будете в Хорольск. уѣздѣ. По словамъ наиболѣе достовѣрныхъ миргородскихъ кобзарей—он хорошихъ знаній. Ему около 50 лѣтъ. Вдобавок извѣстный вам Бутовскій его зять и от него выучился. Слѣдоват. тут можно убить двух зайцев однимъ выстрѣлом. Бутовскій живет тепер в Кременчуцкомъ уѣздѣ, возлѣ села Броварок в 1½ верст., в хуторѣ. Из Миргорода я отправился в Полтаву, гдѣ имѣл дѣло. На ярмаркѣ Полтавской (14 сент.) как и слѣдовало ожидать кобзарей не встрѣтил. Я имѣл намѣреніе от Полтавы двинуть на Зеньковскій уѣзд, чтобы отыскать Кочергу (кстати по словамъ слѣпцовъ Холодный уже ушел

¹⁾ Тут видрано шматокъ паперу.

из Лютеньки) и проѣхать в Гадячскій уѣзд. Но получил письмо из Дому вслѣдствіи котораго должен был немедленно уѣхать и обратно поѣхать уже по желѣзной дорогѣ.

Вот исторія моей поѣздки. Таким образом у меня остался Кочерга и гадячскій кобзарь (в Венсловоукѣ) до другаго раза, на эту же осень. Напишите пожалуста подробнѣе о ваших поисках. Вы гораздо энергичнѣе и безконечно самоотверженнѣе меня, а потому надо надѣяться что и удача у вас будет лучше. Откровенно признаюсь что перед вашим самоотверженіем я совершенно преклоняюсь. Я же сам часто начинаю терять вѣру в возможность спасти еще чтонибудь. Ваши запорожскіе рассказы и пѣсни из Вереміевки отдалъ в «Кіевскую Старину» Но Лебединцев кобениться почему то желая приспособить их для печати т. е. испортить. Я на это не дал согласія, а потому до сих пор они и не напечатаны. Но я сдѣлаю все возможное чтобы он напечатал их без перемѣн. Ради Бога не теряйте энергіи, которой так много нужно для собирателя. Пускай пока хоть все будет у вас. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что все это увидит свѣтъ и ваш безкорыстный труд и ваша рѣдкая любовь к родинѣ и народу встрѣтит справедливую оцѣнку! Я получил отвѣтъ от лица, котор. просил добыть ваши рукописи от Мих. Петр. Увы! Этѣм путем нѣтъ надежды. Попробуйте своим путем, соблюдая в письмах крайнюю осторожность (для пользы самого дѣла) Пишите мнѣ в Дмитровку. Искренно вас уважающій

В. Горленко.

XVI.

Константиноградъ.
25-го Сентября 1885 г.

Многоуважаемый
Василій Петрович!

Письмо Ваше 20 сентября я получилъ. Что могу вспомнить или придумать нужное для Вашей поѣздки къ Кочергѣ, постараюсь припомнить и сказать. Дѣло въ томъ, что Кочерга единственный, кажется въ Полтавской губерніи, а можетъ быть, и на свѣтѣ знающій пѣсню о Марусѣ Богуславкѣ кобзарь, но что у Кочерги Вамъ, быть можетъ, придется встрѣтить тоже, что у Саміила Миргородскаго. Я слышалъ, что у него жена пьяница, грубиянка. Значить тутъ нужно здорово такъ дѣйствовать, чтобы не испортить дѣла. Мнѣ кажется, нѣ было бы здѣсь умѣстнымъ купить какойнибудь подарочекъ, подарочекъ ввидѣ десятка тарани или поль десятка. Я этого не практиковалъ самъ, рыбы не покупалъ, но мнѣ кажется и даже въ слѣдующей поѣздкѣ я думаю такъ дѣлать т. е. купить чтонибудь съѣстное хорошее. Я покупалъ, когда нужно было узнать чтонибудь интересное. А тутъ кругомъ подозрѣніе, но и то почти ничего не успѣлъ этимъ. Иногда какъ то валить въ руку, а иногда изъ рукъ убѣгаеть. Мнѣ такъ же эта поѣздка не вполне была удачна, хотя не совсѣмъ и неудачна. Вамъ безъ Холоднаго нельзя туда ѣхать, а Холоднаго такой, что хоть куда, то не усумнится поѣхать. Он здорово умный. И тѣмъ болѣе, что онъ с а м ь н а п р а ш и в а л с я б ы т ь п р о в о д н и к о м ь к ь К о ч е р г ь. Вы только впередъ съ нимъ поговорите что можно ли навѣрно надѣяться, что Кочерга продиктуеть свои пѣсни? И старайтесь получить отъ него утвердительный отвѣтъ. До тѣхъ поръ, однимъ словомъ, говорите съ нимъ, пока онъ Вамъ скажетъ: «можно. Я берусь исполнить это дѣло».—Тогда Вы ѣдете съ нимъ. Теперь Вамъ нужно сказать о Холодномъ чтонибудь. Онъ нисколько не похожъ на своихъ собратьевъ кобзарей простаковъ. Онъ съ молодыхъ лѣтъ и палъ къ одному паньчу, который держалъ у себя кобзарей за ихъ похабныя пѣсни и поощрялъ ихъ здорово, прямо сорилъ деньгами. Дѣлалъ выѣзды въ степь съ бандуристами. Бандуристовъ оркестръ (не знаю только большой или маленькій) сопровождалъ его. Паньчъ былъ гуляка, скандалистъ, и попалъ послѣ «за качества», какъ говорилъ кобзарь въ Сибирь на поселеніе, гдѣ и умеръ скоро. Этотъ паньчъ его женилъ на слѣпой, что сдѣлалъ не къ благополучію Холоднаго, но былъ щедрый. Когда его уже отправляли въ дорогу, паньча, то онъ по 10 рублей бросалъ въ толпу. Такъ, что кобзарь, при рассказѣ о нѣмъ, прощаетъ ему всё его возмутительнѣйшія продѣлки за его щедрость. Там же онъ познакомился съ панскимъ бытомъ. Послѣ того былъ въ Полтавѣ и приходилось ему играть у Кочубея и у Абазы и у многихъ Полтавскихъ знатныхъ людей. Много хорошихъ личностей онъ вспоминаеть. Судя по его рассказамъ, можно догадаться кто былъ любитель поэзіи народной, а кто заѣзжій генералъ смѣялся над Чечоткою или какоюнибудь вродѣ того пѣсенкою. Ему давали рублей по 25 за вечеръ и онъ ходилъ въ плисовыхъ шароварахъ и блестящей чумаркѣ и бандура была искусно сдѣланная. Жилъ въ Полтавѣ, нанималъ хорошую квартиру и имѣлъ содержанокъ. Игралъ на бандарѣ по балаганахъ, «по кумедіяхъ» вмѣстѣ съ

зрячими музыкантами трубаками, флейтистами, барабанщиками и скрипачами. И поэтому игра у него не такая, как у кобзарей, а далеко совершеннѣе. У него три строя: скрипошный, кóсый и бандури́ський. «Дванадцять марши́въ», знаеть множество полѣкъ и прочей привелегированной музыки. Словомъ, въ Полтавѣ онъ жилъ богато. Постоянно чай пилъ, обѣдалъ хорошо, была прислуга. Такъ онъ жилъ, когда крѣпостное право было. Помѣщики любители кобзарей и «кумедій» баловали его, и каждый почти вечеръ его звали куда нибудь въ Полтавѣ. Когда уничтожена крѣпостная зависимость, Хведоръ Холодный чрезъ нѣсколько времени очутился въ бѣдственномъ положеніи. Тогда жилъ въ роскоши, а теперь не въ состояніи имѣть себѣ пріюта. 12 лѣтъ бродилъ по Новороссіи и Чорноморіи и въ Харьковской губерніи: оттуда пригнали его по етапу. Годы три послѣ того онъ такъ скитался то въ Полтаву пойдѣть за слѣпцами, у которыхъ есть поводырѣ, то въ Константиноградъ. (Его ученикъ въ селѣ Петровкѣ) то изъ Константинограда опять въ Полтаву. Изъ Полтавы въ Опoшню, изъ Опoшню въ Котельву, изъ Котельвы въ Зѣньковъ, изъ Зѣнькова въ Гадячъ и изъ Гадяча въ Люте́ньку, а изъ Люте́ньки не знаю куда. Словомъ, идѣть туда, гдѣ помноголюднѣе. Какъ только прекрашається подача,—онъ дальше идѣть. Въ Полтавѣ онъ ходилъ въ старыхъ резиновыхъ калошахъ и въ узенькихъ рваныхъ брюкахъ. Но какъ только сядеть съ кобзою на базарѣ, то отнималъ у всѣхъ положительно слѣпцовъ заработокъ. Бандура у него большая, многострунная, «та якъ зареве, такъ лучше якъ на скрипку! Такъ увесь народъ такъ и стоить коло його, такъ и стоить коло його! и пань й купци и жыды. Нашыхъ же псаломъ уже всихъ чысто знаютъ уже повучувались люде, тай не слушають, а въ його що дня та все й нови та все й нови. Та такъ якъ сыдышь коло його, то такъ гроши й скидають: тильки брязъ брязъ брязъ, у кучу! Той пятакъ, а той гривенникъ. Мы жъ за базаръ копейки по тры заробимо, а въ його гривенъ висимъ. Ну шо жъ? Винъ такый, шо оце сыдыть, а дали й пишовъ. (Ото вже выпить пишовъ восьмушку. Якъ не выпье восьмушки, такъ винъ и гратъ не буде. Выпьвъ восьмушку,—впять сивъ, впять гра.) И дома жъ якъ прыйде зъ базару якъ пье, одно пье, одно пье, одно пье, такъ я подывившысь», (это слѣпецъ о немъ говорилъ лирникъ Дорошенко Мыкола), «шо винъ у мене пивтора чы двы недили прожывъ, а вже въ мене пивтора карбованци нема;—винъ пье, то й ты пидешь зъ нымъ, то тоби не ловко не поставити; а дали бачу, шо дали то не лучше, та взявъ, та зъ його свою чумарку, шо дававъ йому» (и прочую кой какую одѣжу), «та тоди: зъ Богомъ! Такъ винъ—ото ёго й нема въ Полтави. Винъ до мене якъ прыйшовъ, такъ я звеливъ своій баби окропу нагрить, та вымывъ, ёго добре, росчесавъ, у баню водывъ, а то въ його якъ винъ прыйшовъ зъ степивъ, такъ на ёму чоботы булы стареньки оти, шо зъ пидковами зъ великымы такымы, якъ ото рогачъ зализный. Такъ я думавъ одъ ёго вывчыть псалемъ, колы винъ—усе пье, усѣ пье, такъ я: Э, годи жъ! Бандурищикъ винъ безъ чысла хороший. И вже гра вже гра, такъ, мабутъ, винъ не своимъ духомъ гра тай годи. Ото вже достоетельный кобзарь! Одна така, шо держала зайиздный двиръ (гдѣ то по Зѣньковской дорогѣ) такъ держала його у себе. Дала ёму отдѣлну комнату и крѣвать поставыла зъ высокымы бынцями и обидать ёму давала и чай, щобъ винъ тилько гравъ, якъ произжи е паны або купци. Такъ винъ и гра, було.» Словомъ если бы рассказать о немъ подробно, то надо много о немъ еще говорить того, что слышилъ. Это такой, что онъ, кажется, въ глухой деревнѣ не проживѣть долго. Ему непременно нужны привелегированные слушатели: писаря волостные, мѣщане, шинкари. Отъ нихъ онъ и имѣеть свой заработокъ, пока служатъ еще ему пальцы перебирать струны. Уже тѣ, кто его зналъ прежде, говорятъ, что начинаютъ, застывать. Не такая быстрая игра, и во время игры случаюся нежелательныя для него мѣста: какъ нибудь заиграеть въ иномъ мѣстѣ не такъ какъ бы ему хотѣлось. И это сразу видно. Онъ недоволенъ тогда становится, но иногда и теперь еще играетъ хорошо. Я лучшаго кобзаря не слышалъ и уже не услышу.

Отъ него разъ тридцать записывали пѣсни, но большею частью не всѣ. Или купцы записывали по нѣсколькы псалемъ, или паны, но опять таки не всѣ. У когѣ изъ слѣпцовъ онъ живѣтъ,—онъ тому помагаеть канаты дѣлать. До тѣхъ поръ живѣтъ, пока ему окажется возможность пробраться куда нибудь подальше. Замѣчательная у него черта: увидѣвши, что я быстро забираю отъ него пѣсни (а онъ бы [?] ¹⁾), бы почувствовалъ, что ему предстоитъ долго повозиться, то сей часъ бы на попятный, и тогда его никакимъ путемъ бы нельзя привлечь объяснять или диктовать. Онъ избѣгаетъ и слѣпцовъ, которые желали бы у него поучиться. Вообще онъ съ ними вѣжливъ, добръ, общаеть, что выучит; поживѣтъ у него и уйдѣтъ дальше: потому,

¹⁾ Нерозібрано.

что, думаетъ, не стоитъ возиться. Увидѣвши, что запись пѣсенъ идѣтъ скоро, сказаалъ, что онъ такихъ записывателей встрѣчалъ рѣдко; кромѣ меня еще двухъ встрѣчалъ въ такомъ родѣ, стали относиться съ большимъ уваженіемъ къ своей славѣ какъ кобзаря. Узнавши, что это будетъ напечатано въ книгахъ, онъ охотно объяснялъ всё, что нужно, и даже настаивалъ иногда, что бы было то не пропущено или другое, и чтобы его въ печати не называть Холодный, а Грыщенко. Значитъ, всё къ тому, что съ Грыщенкомъ нужно такъ о б х о д и т ь с я чтобы онъ съ перваго же разу принялъ Вася за этнографа, а не за когонибудь другого. А то онъ можетъ капризничать: я, молъ, по 25 рублей за одну пѣсню получалъ; но когда Вы ему скажете, что хорошо поблагодарите, то онъ согласится съ Вами поѣхать. Онъ говорилъ, что онъ хотѣлъ въ Константиноградскій уѣздъ на зиму въ Петровку къ кобзарю забраться, но говорилъ это неопредѣленно. Говорилъ, и въ Полтаву пойдти тоже, но неопредѣленно. Какой не случится заработокъ,—онъ сейчасъ пропѣетъ. Одежа самая печальная. А если Вы ему дообщиаете доставить его отъ Кочерги въ Полтаву (оттуда не далеко), то, быть можетъ то, что онъ обрадуется этому обстоятельству. Или повезти его обратно на то мѣсто, откуда его возьмете. Словомъ, обойдитесь съ нимъ поаккуратнѣе для того чтобы съ своей стороны тоже Вамъ не помѣшалъ. Онъ самъ по себѣ умнѣйшій и добрѣйшій человѣкъ, но только безхарактерный, но не гадкій характеръ. Передайте ему и отъ меня поклонъ и привѣтствіе и желаніе блага. Объясните ему, что то, что записано отъ него, послужитъ для него хорошимъ, но не худымъ. У него я записалъ замѣчательный вариантъ Коновченка, котораго онъ выучился у кобзаря Однороба въ Ахтырскомъ уѣздѣ. Не только между вариантами Коновченка, но и между всѣми козачьими пѣснями она должнѣ быть интересна, но только, кажется, не полная. Есть пропуски т. е. мѣста забытыя Грыщенкомъ или Одноробомъ. Въ своё время я пришлю его спискоъ Вамъ и попрошу Вася передать его въ редакцію. О Холодномъ такъ еще можно сказать, что это кутило; пока у него есть на что кутить, такъ онъ недоступенъ, а какъ только нѣту такъ онъ и за дешовую цѣну радъ послужить. Поклонъ отъ меня передайте не вдругъ; по тому, что я съ нимъ разстался не вполне хорошо. Когда я записалъ отъ него пѣсни, то потомъ записывалъ отъ другого слѣща отъ его хозяина и моего. Во время записи онъ хотѣлъ меня приостановить: «це вы жиноцьки пьсьни записуете, це чор зна щѣ». Женскія пѣсни у слѣщыхъ нищенокъ особыя: «Пустельникъ» и «Пьяница» напр. это женская. «Когда бъ я знавъ, когда бъ я выдавъ а свой послѣдній день»—это тоже женская. Но я продолжалъ записывать, а слѣпецъ (хозяинъ) продолжалъ диктовать. Онъ опять: «це жиноцька; це чорзна щѣ. Воно сюди не йде». Я, такъ какъ онъ мнѣ мѣшалъ, ругать его удержался, но не удержался что то такое промывать. Собственно слова я никакого не произнёсъ браннаго, но звукъ былъ действительно злой. И я самъ жалѣлъ, что такъ поступилъ; просто минута такая случилась. Какъ началъ же меня ругать Холодный, такъ ругалъ презрительно. Но когда дня черезъ два прѣхалъ подвоячикъ за мною чтобы ѣхать, я пошолъ съ нимъ прощаться. Онъ лежалъ на дворѣ подъ повиткою на соломѣ; такъ онъ былъ тогда очень нѣженъ, такъ, что какъ будто ничего и не было. Лучше всего останавливаться на квартирѣ у слѣпцовъ, въ томъ смыслѣ, что и записывать можно больше и лучше и больше Вы спрятаны отъ зѣвакъ разныхъ. Но можетъ случиться и слѣпецъ вродѣ Самійла. Теперь осень. Теперь эти господа кутятъ, а лѣтомъ они должны бы быть помирнѣе. Потому что осень и зима для слѣпцовъ прибыльны, а лѣто нѣтъ.

Въ Венславовку Гадяцкаго уѣзда не ѣдте потому, что тамъ ничего не найдѣте. Въ Розбышевкѣ умеръ хорошъ кобзарь это лѣто старинный кобзарь. Не тотъ ли это, когда я говорилъ Крюковскому, что если знаете гдѣ нибудь кобзаря, знающаго «Кишку Самійла», то подьучитесь. Онъ мнѣ сказаалъ подумавши немного: «хиба въ Гадяцкому выйзъди.» Можетъ быть это тотъ кобзарь и умеръ, но только сколько не вспоминали въ Лютенькѣ слѣщцы—нѣтъ ли въ Гадяцкомъ уѣздѣ кобзарей, назвали мнѣ въ Розбышевкѣ кобзаря Лыходидя, но потомъ дня черезъ два сказали, что когда стали разспрашивать о нёмъ, то узнали что онъ умеръ. «Цѣ мы вамъ на то кажемъ, щобъ и не забывались туды.» А тотъ, что игралъ въ Венславовкѣ, я, кажется, въ письмѣ немного смѣшалъ: Хомѣ пазывається: у него есть очень хорошая кобза какъ инструментъ;—живѣтъ въ Лютенькѣ и тоже ничего не знаетъ; изрѣдка побрѣнькиваетъ на бандурѣ, но неучился никогда серьёзно играть. Я его видѣлъ, говорилъ съ нимъ, и слышилъ о нёмъ. Вамъ въ Гадяцкомъ уѣздѣ нужно будетъ поѣхать въ Лютеньку. Тамъ мнѣ не пришлю записать отъ ученика Гаврыла Вовка кобзаря С а в к и Л о т о ш а Озовскихъ братьевъ, Алексѣя Поповича, Вдовы и Сестры и брата. Вотъ куда Вы поѣдете; быть можетъ это варианты замѣчательныя. Но только С а в к а тоже какъ

встать съ утра, такъ и отпрапляется съ товарищами по шинкамъ. Въ мѣстечкѣ много шинковъ. И наквасившись большую часть времени проводить. Но тамъ не смотришь еще на то, что и жена его пьяница и кромѣ того такіе они, что всё «поставъ имъ пивъ кварталы», а потомъ еще «пивъ кварталы», а потомъ еще «пивъ кварталы», говорятъ, что здорово вымогательные. Словомъ, говорятъ, что это такіе люди, что готовы послѣднее высосать съ человѣка. Такъ я о нихъ слышалъ; самого Савки я не видѣлъ. Погнавшись за Холоднымъ, я уже и не предполагалъ, что мнѣ придется такіе круги дѣлать, отыскивая его, и потому я и не обращался въ Лютенкѣ къ Савкѣ, зная, что туда нужно съ свѣжимъ, кошелькомъ ѣхать. Вы непременно должны добиться отъ Савки того, чтобы онъ Вамъ продиктовалъ. Мнѣ кажется, что это возможно потому, что сколько я о немъ слышалъ, такъ онъ миролюбиваго всё таки характера. Предупреждаю Вас чтобы Вамъ не было неприятности у Савки въ томъ что въ бытность мою въ Лютенкѣ меня арестовали, повели въ волость, разсматривали мои записки и портретъ срисованный съ кобзаря Грыщенка, но обошлись со мною хорошо. Спасибо, что не тормозили, то есть не давали знать о томъ станомому, а то бы много дней у меня тогда бы пропало. Очень можетъ быть, что послѣ моего ареста слѣпцы обо мнѣ возымѣли худое мнѣніе, а Вы тутъ явитесь, не зная какъ они на это смотреть. Но тутъ я Вамъ еще объясню: когда меня привели въ волость, то тамъ дождало меня маленькое собраніе. Тамъ есть Двухклассное училище. Какъ мнѣ показалось—это были учителя. Или они сами пришли посмотрѣть на эту исторію, или, быть можетъ, ихъ пригласили для мнѣнія. (Одинъ изъ нихъ, кажется, семинаристъ. Очень умный господинъ, и другой тоже не простакъ.) Они сразу поняли, что доносчикъ опростоволосился и не на того напалъ. Разсмотрѣли мои работы, поговорили. Писарь одинъ тоже очень симпатичный. Тамъ два писаря. Когда оказалось, что не подлежу аресту и я уже уходилъ изъ волости, то староста, который послалъ былъ за мною, чтобы арестовать, меня попросилъ у меня извиненія. Если бы вездѣ были такія волости то это бы хорошо для этнографовъ. Потому что не задерживаютъ. За это буду долго имъ благодаренъ. Идя домой, я думалъ, что мои хозяева слепцы Яременко и жена его (оба слѣпые) будутъ ко мнѣ теперь хуже чѣмъ прежде. Оказалось, что нѣтъ. Даже лучше чѣмъ прежде. Они здорово поняли въ чомъ заключается вся эта исторія и расторопность доносчика и распорядительность волостныхъ произвела на нихъ обратное впечатлѣніе надъ тѣми, кому впало въ мысль арестовать меня, какъ дѣлающаго что то противузаконное. Записывалъ псалмы. Въ это время тишина была въ хатѣ. Сами они говорили что эту недѣлю мы прожили хорошо. Холодный диктуетъ псалмы а слѣпцы слушаютъ. Они любители послушать. Холодный около 40 псалмѣвъ мнѣ продиктовалъ. Есть такія, которыхъ не было, кажется, въ печатіи. (Есть вродѣ Почаевской псалмы двѣ я записалъ отъ Холоднаго. Тѣ про Почаевскую Божію Матерь, а я записалъ про Лыпковскую Божію Матерь и про Хытынскую Божію Матерь лучше сказать вродѣ Ахтырской Божьей Матери или лучше сказать Каменецкую, псалмы. Потому, что въ обѣихъ про войну не говорится, но обѣ посвящены мѣстнымъ событіямъ, гдѣ Матерь Божія принимала участіе.) И по этому слѣпцы хозяева не подумали этого на худой конецъ. Не знаю какъ они теперь, когда будете въ Лютенкѣ, то остановитесь въ центрѣ мѣстечка на постояломъ дворѣ: тамъ три койки заплатите и хорошая будетъ Вамъ на первыхъ порахъ квартира.

Оттуда идите къ Савкѣ Лотышу. Скажите слѣпца бандурщика Савку Лотыша. Его Вамъ сразу покажутъ. Только Савку спрашивайте потому, что въ Лютенкѣ много слѣпцовъ. Когда запишите отъ Савки, тогда зайдите къ слѣпцу Роману, у котораго я жилъ, а то онъ можетъ обидѣться, что были у Лотыша, а къ нему не зашли. Потому, что я говорилъ, что Вы приѣдете въ Лютенку.

Потомъ Павлівскаго кобзаря и въ Лютенскихъ Будыщахъ, о которыхъ Вамъ писалъ; обѣ нихъ Вы у него пообстоятельнѣе расспросите. Онъ трезвый человѣкъ и на свою братію смотреть безпристрастно. Онъ мнѣ рассказывалъ о Миргородскихъ слѣпцахъ. И по его словамъ тамъ распущенность нравовъ и между самими слѣпцами самая гадкая другъ къ другу отношенія. Объ этомъ я Вамъ буду писать особо тогода, когда пришло Вамъ старинные обряды «Одклинщныи» и «Вызвѣлка», варианты котораго я записалъ теперь въ Полтавскомъ уѣздѣ. Кромѣ того я записалъ цѣлый словарь слѣпцакаго языка. (Записалъ около 600 словъ, но ихъ есть больше.) Теперь я почти понимаю слѣпцацкій языкъ. Это новая совсѣмъ вещь. Языкъ я въ первый разъ записалъ. Но всѣ слѣпцы говорятъ имъ и знаютъ его вездѣ. Я Вамъ со временемъ пришло этотъ словарь. Мнѣ слѣпецъ открывлъ этотъ языкъ, взявши съ меня слово, что я объ этомъ не скажу слѣпцамъ, а то они съ нимъ

за это могут худо поступить. Всё это я Вамъ пришлю, а теперь Вы объ этомъ не говорите пока слѣпцамъ ни слова, а то они сочтутъ Васъ за шпиона, потому, что они чистые слѣпецкіе обряды и языкъ держатъ въ секретѣ. Значить Савки никоимъ образомъ нельзя пропустить, и я надѣюсь исполнѣ, что Вы должны записать отъ него безъ препятствій. Нужно только къ нему зайти съ утра, пока онъ еще тверезъ, а днемъ онъ уже выпивши, тогда у него другой разговоръ будетъ. А какъ утромъ пораньше придѣте, такъ это будетъ другое дѣло. Обдумайте это лучше, т. е. такъ чтобы не выпустить его изъ рукъ.

Потомъ я еще Вамъ сообщу одну вещь: Въ Харьковской губерніи, недалеко отъ Кочерги, въ Богодуховскомъ сосѣднемъ съ Зиньковскимъ уѣздомъ въ мѣстечкѣ Красномъ Кутѣ есть кобзарь знающій много козацкихъ пѣсенъ. Быть можетъ, это что нибудь вродѣ Крюковского? Фамилія его была у меня записана на бумажкѣ, но я той бумажки теперь не найду. Я её найду со временемъ, но на этихъ дняхъ никакъ нельзя найти, но дѣло въ томъ, что въ Красномъ Кутѣ легко найти. Онъ тамъ единственный бандуристъ. Онъ на хѳдку не ходитъ, а сидитъ дома. Ему лѣтъ 50. Если Вамъ удобно будетъ отъ Кочерги къ нему заѣхать, то, будьте столь добры, заѣдьте, а то мнѣ трудно будетъ одному; тѣмъ болѣе мнѣ придѣтся много имѣть дѣла въ Хорольскомъ, Кобыляцкомъ и Полтавскомъ уѣздѣ. Я имѣю кое что сдѣлать и въ Константиноградскомъ. Но это только съ тѣмъ, что бы Вы всё таки дѣло дѣлали не торопливо потому, что это можетъ помѣшать. А остальные кобзари на послѣ т. е. Павливскій тотъ, что въ Лютењскихъ Будищахъ Городіецъ и даже Савка Лотышъ.

Однимъ словомъ первое дѣло Кочерга а второе кобзарь въ Красномъ Кутѣ.

Говорилъ Хведоръ Холодный, что Краснокутскій кобзарь псалѣмъ меньше противъ его знаетъ, а козацкихъ больше. Впрочемъ главнѣе всего то, чтобы это не помѣшало Вамъ изслѣдовать Кочергу. Вы когда придѣте въ мѣстечко,—кушите чаю зарядъ два и полъ фунта сахару, и когда придѣте къ Кочергѣ, то скажите: «я бы хотѣвъ бы чаю напиться, та якъ бы вы, може, вы знаете де достать самовару, та чаю напйтисъ бѣ, и васъ бы чайкомъ попоштувавъ бѣ». А если скажутъ, что нѣтъ самовара, то тогда «гличычокъ бы поставить у пичъ». Когда Вы его напоете чаемъ такъ, что онъ вдоволь напѣтся,—на другой день его расположеніе къ Вамъ совсѣмъ улучшится; и тогда Вы убѣдитесь забылъ ли онъ пѣсни или только притворяется, что забылъ. Запишите отъ него и Азовскихъ братьевъ и прочія думы. Объ этомъ я Васъ прошу убѣдительно, а такъ же и всѣ псалмы.

Къ Краснокутскому кобзарю лучше поѣдете послѣ и за другимъ разомъ для того, чтобы лучше дѣло сдѣлать. Навѣрн, по моему мнѣнію, такъ бы слѣдовало поступить. А впрочемъ можно и отъ Кочерги поѣхать къ нему. Но только я слышалъ отъ многихъ, что Краснокутскій кобзарь хорошъ, и по разсказамъ о немъ я составилъ о немъ такое мнѣніе, что онъ принадлежитъ къ первокласснымъ кобзарямъ вродѣ Вересаѣ, Трифона и Холоднаго. О Кравчѣнкѣ не говорю, потому, что изъ всѣхъ извѣстныхъ кобзарей составлялъ удивительное исключеніе. Кстати о Кравчѣнкѣ, и о томъ, что молодые кобзари жалуются на стариковъ, я прошу Васъ ничего не печатайте. Изъ тѣхъ свѣдѣній, которыя я добылъ отъ старого кобзаря Грыценка, и соображая при этомъ то, что слышалъ отъ старыхъ кобзарей, такъ молодѣжъ совсѣмъ не права, обвиняя ихъ. Потому, что прежде отъ него не ученика къ учителю были совсѣмъ не такія какъ теперь; потому, что у слѣпцовъ тогдашнихъ и у всего простого народа нравъ былъ другой, и то на что теперь не обращаютъ особеннаго вниманія въ отношеніи подчиненія младшихъ старшимъ, прежде могли бы строго взыскать. Вслѣдствіе этого у учителя было больше привязанности къ ученику. Однимъ словомъ это очень интересная вещь, но только объ этомъ я послѣ передамъ то, что записано отъ слѣпцовъ о ихъ обычаяхъ; скажу Вамъ только вотъ что: есть теперь обычай у слѣпцовъ, содержимый вслѣдствіе многихъ обстоятельствъ въ секретѣ отъ выдоющихъ а въ особенности отъ интеллигенціи. То, что слѣпцы Вамъ говорили «дѣсь мы опынность», если бы Вы узнали настоящій смыслъ этого почему они такъ боятся, то здорово бы удивились. У нихъ въ настоящее время произошла перемѣна нравовъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ происходитъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ едва только начинается происходить, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ все по старому.

Въ Миргородскомъ уѣздѣ наибольше произошло перемѣны, не смотря на то, что тамъ и кобзари удержались вѣроятно больше чѣмъ во всей Полтавской губерніи. То, что я Вамъ пишу можетъ показаться преувеличеннымъ и ненатуральнымъ, но я говорю,—мнѣ извѣстны въ значительной степени многіе печальные факты изъ слѣпецкаго быта. Въ послѣднее время изъ хорошаго

мира, гдѣ была идеальная чистота нравовъ, переходить, кажется, въ худшее, но только и а в ѣ р н о и з в ѣ с т н о м и ѣ, что на той точкѣ не держится.

Въ старину, когда общество кобзарей или майстривъ давало право ученику бывшему быть товарищемъ ихъ равнымъ имъ, безъ чего онъ не могъ ни ходить съ бандурою, ни принятымъ быть въ обществѣ слѣпцовъ. Обычай этотъ въ разныхъ мѣстностяхъ различенъ и въ последнее время здорово измѣняется, но сущестуетъ повсемѣстно. Онъ, по ихъ словамъ, на подобіе свадьбы, гдѣ говорятъ законныя рѣчи, а на меня произвелъ впечатлѣннѣе и такое какъ говорятъ они т. е. на подобіе свадьбы и на подобіе какого то монашескаго обряда съ тою только разницею, что пили водку. Я въ эту поѣздку записалъ варианты этого обряда въ Полтавскомъ уѣздѣ не такой древній какъ отъ Трифона, который въ тѣхъ тетрадахъ, которыхъ здѣсь нѣтъ. У Трифона древнѣе несравненно. Такъ я возвращаясь къ началу: въ то время, когда майстры совершали этотъ обрядъ, то если бы изъ молодыхъ закурилъ трубку, или лёгъ зъ дивчиною, то былъ бы жестоко наказанъ прямо такъ какъ въ Запоржской Сѣчи. Наказаніе у слѣпцовъ за [1)] вины бычѣмы. Вотъ дочего было строго! За то, что выучить ученика,—отъ ученика къ учителю въ настоящее время существуетъ большое вознагражденіе. Онъ купитъ учителю или на чумарку, а начальству во время принятія его въ товарищи сперва не въ полныя...

Существуетъ обычай выбирать 5 человекъ начальства: Майстеръ, Пидмайстерый, Ключыныкъ, Пидмоложый, и Счотчыкъ. Въ настоящее время въсѣмъ нужно ученику дать по подарку. Ученикъ всѣмъ имъ обязанъ купить подарки. А Миргородскіе слѣпцы выдумали съ ученика еще и стол ов е е т р е б у в а т ь. И ученикъ кромѣ подарковъ, которыхъ чѣмъ далѣе тѣмъ всё болѣе дорожихъ требуютъ, а еще и на всѣхъ собравшихся долженъ стол о в е на своей счетъ отбыть.

Въ старину не было никакихъ отъ ученика учителю подарковъ. А въ настоящее время на этихъ обрядахъ, кетати слова этого[?], сохранились далеко древнѣе и чище въ Лохвицкомъ уѣздѣ, и Вы ихъ можете записать съ любого лирника въ самомъ лучшемъ видѣ, но только ищите изъ нихъ, по ихъ же расскажемъ болѣе умнаго и честнаго. Въ этомъ случаѣ это здѣсь, кажется, нужно. Только не говорите имъ «честнаго», а говорите: «кто тутъ есть такый, шобъ и псаломъ хорошо много знавъ и шобъ хороший бувъ господынъ?»

Возвращаясь опять къ прежнему: многіе нищие здорово недовольны на новые порядки. Нѣкоторые совершенно прекращаютъ отношенія съ братією по части общественныхъ дѣлъ.

Въ Миргородскомъ уѣздѣ и въ Гадяцкомъ да и вообще въ ближайшихъ къ нимъ уѣздахъ большая сутолка; и по этому если, кто нибуть явится къ нимъ изъ панивъ, такъ они здорово боятся за свои новыя законопведенія и думаютъ, что это чиновники пріѣхали. Они «въ простотѣ» думаютъ что жалобы на нихъ обижаемыхъ ими дошли до начальства и начальство принимаетъ сторону обиженныхъ и пріѣхало для окончательнаго разбирательства дѣла.

Еще пропустилъ одно весьма и весьма важное обстоятельство. Обратите на мои слова особое вниманіе на то, что я буду сейчасъ говорить. Въ старину и даже еще не очень далѣкую слѣпцы не судились никогда совершенно по своимъ дѣламъ въ волостяхъ. У нихъ былъ свой судъ организованный. Онъ и теперь (не вполне) уцѣлѣлъ. Вотъ Вамъ слова кобзара Грыцѣнка (Холоднаго): «прежде, було, нашъ братъ якъ пидеть у волосость, такъ по зашыку даютъ: «ступайте, у васъ свій судъ есть», а теперь не такъ.» Эту фразу онъ сказалъ во время разговора съ слѣпцомъ о ихъ слѣпечкихъ дѣлахъ. Да вспомните: развѣ не замѣтно, что слѣпцы никогда не фигурируютъ на судахъ по своимъ дѣламъ, а всегда или въ качествѣ свидѣтелей по какому нибудь дѣлу, но по слѣпечкимъ дѣламъ никогда.

Потомъ слышилъ я еще фразу, которую неудобно было записать: «пидъ бычи положуть». Значитъ, у нихъ вопіюція дѣла рѣшаетъ судъ слѣпцовъ и наказываетъ за крупныя поступки бычами. Но жалуются на своихъ собратовъ и въ волость нѣкоторые смѣльчаки и то лишь въ такомъ случаѣ, если кто нибудь присвоилъ вещь и не отдаётъ. «Я пиду въ волость». Этимъ онъ показываетъ, что, значитъ, и вашего суда не побоюсь. Нѣкоторымъ, я думаю, онъ въ тягость теперь. Напримѣръ, прежде было если слѣпечъ «Одклонѣнный» и «Вызволѣнный» такъ онъ куда угодно идѣтъ за мылостынею, а теперь не такъ. Слѣпцы одного уѣзда берутъ дань съ слѣпцовъ другого уѣзда. Значитъ, «Отклоненный» и «Вызволѣнный» теперь не въ такой силѣ. Отклонен-

1) Нерозібрано.

ный значить отошедшій отъ учителя, а «Вызволненный»—имѣющій учениковъ. Но здѣсь это къ тому сказано, что на Одклинцѣ и на Вызвилку бываетъ братія пѣтъ могогорычъ отъ Отклоняемого и отъ Вызволюемого, а у слѣпцовъ если выпить отъ него могогорычъ, такъ если и въ другой уѣздъ придѣтъ, то другіе скажутъ, что этого не трогайте, онъ могогорычъ поставилъ, Мнѣ кажется, и я, со временемъ узнавши, лучше сообщу, что совершеніе обряда надъ ученикомъ извѣстно въ нѣсколькихъ уѣздахъ между слѣпцами. Теперь слѣпцы видѣшимъ и панамъ жалуются на притѣсненія ихъ властями, а на притѣсненія ихъ своею братією ни гугу! А я теперь немного знаю, что пришедшего изъ одного уѣзда въ другой они (слѣпцы) могутъ стѣснить порядочно. Всё это въ ихъ быту весьма серьезныя вещи, и потому я Вамъ чрезъ нѣсколько дней—дня черезъ два пришло для того, чтобы Вы познакомились нѣсколько съ обычаемъ, свою тетрадь, которую Вы прочитавши, мнѣ возвратите. Прочитавши то, что тамъ есть, Вамъ будетъ понятнѣе что я хотѣлъ Вамъ сказать этимъ письмомъ для того, чтобы Вамъ удобнѣе было отпарировать тѣ вопросы, которые будутъ дѣлать слѣпцы.

Крюковскому неудобно было учить учениковъ потому, что ученики не хотѣтъ быть къ своему учителю такъ, какъ онъ былъ къ своему. Это мнѣ такъ кажется. Потому, что теперь ученикъ выйдя изъ дому за подааніемъ, встрѣтятся съ молодежью, наберѣтъ такого, что, придя домой, Крюковскому онъ мало полезенъ. Опять таки потому, что если бы были прежнія понятія, то ученику за его новыя установленія дали бы нахлбучку посторонніе, чѣмъ бы его приблизили къ учителю. Мнѣ кажется, что въ настоящее время вулгарности у молодыхъ слѣпцовъ больше къ женщинамъ чѣмъ прежде. Казалось, что слѣпцы издавна были слабы относительно женщинъ, но оказывается, что нѣтъ. Это видно изъ того, что во время Одклинцѣнъ или Вызвилки поставлю здѣсь слова Грыценка: «такъ отамъ на Вызвилку якъ винъ тилько люльку закурьтъ, то дадутъ ему хлосту! Зъ дивчиною парубокъ, Боже сохрани, ляже, такъ и тожъ самъ.» Такъ вотъ какіе были обычаи у пѣвцовъ Запорожскихъ Козаковъ! А теперь тó ли Вы видѣли въ Миргородѣ? Теперь Вы догадаетесь почему они боятся.

Теперь скажу еще что нибудь о Холодномъ (Гриценкѣ) не смотря на то что съ молодости при папахъ былъ и набрался много кой чего, остался всё таки чистѣйшій и типичнѣйшій мужыкъ съ самого лучшаго понятія этого слова. Панивъ въ душѣ онъ идеализируетъ, не смотря на то, что онъ въ глаза выругаетъ всевозможнѣйшимъ манѣромъ. Натура замѣчательно славная. И козваръ этотъ принадлежитъ къ такимъ какъ Вересай, хотя по мастерству лучше всѣхъ ихъ. Если Вы найдѣте, что онъ Вамъ нуженъ, теперь покажѣтъ онъ еще далеко не могъ зайти. А если спустить много времени, такъ онъ далеко очутится. Но если Вы захотите съ нимъ поѣхать, то считаю долгомъ успокоить Васъ, что онъ далеко не зашолъ, и отыскать его не такъ трудно, какъ я предполагалъ, когда искалъ его, и когда еще раньше того писалъ Вамъ. Мнѣ кажется, что начать поиски его лучше всего изъ Лютенъки отъ слѣпца Романа Ивановича Яременка (по вульгарному Гацькó). У Гацька онъ жилъ. У Гацька и я записывалъ. Гацько скажетъ куда онъ пошолъ. На первыхъ порахъ что бы не удивитъ Гацька, скажите, что онъ Вамъ нуженъ не на тó, чтобы записывать, а на то, чтобы Холодный провелъ Васъ къ Кочергѣ. Гацько объ этомъ знаетъ, что Вы поѣдете къ Кочергѣ. Я ему говорилъ, что я поѣду съ Лютенъки на Полтаву, а къ Кочергѣ поѣдетъ другой. Говорилъ имъ о Васъ. Говорилъ, что поѣдетъ такой, что будетъ къ Вамъ хоршъ, а не худой. Кланяйтесь ему отъ меня. Онъ ко мнѣ былъ очень добръ. И не хотѣлъ брать платы за квартиру. По его понятію брать деньги за хлѣбъ, который онъ выпросилъ, а не купилъ, стыдно. Жалко только что онъ не совсѣмъ понятливъ, но добръ идеально. Скажите ему, что тó, что отъ него записано не послужитъ къ худу для него, а къ памяти о нёмъ. Если хотите,—запишите отъ него псалму про Василія. У Васъ она въ печати не полная. Онъ её полностію знаетъ. Я записалъ отъ Грыценка, а отъ него не записывалъ. Яременко скажетъ какъ Васъ его [Грыценка] искать; въ какую сторону онъ пошолъ и у какихъ слѣпцовъ его спрашивать. Если Вы поѣдете на Лютенъку, то изъ Лютенъки къ Кочергѣ не составите круга, а развѣ только тó, что до Лютенъки нужно ѣхать, такъ тó кругъ. То прямо можно было бы до Зенькова, а съ Зенькова въ Бильське. Но а если жъ Кочерга глухой, косноязычный, а въ добавокъ еще и баба тамъ, какъ Холодный говорилъ мнѣ что Вамъ трудно будетъ черезъ хозяку, то пожалуй, такъ, что нужно будетъ искать прежде Холоднаго.

Относительно того, что Вы пишете, что Вы не умѣете съ ними обращаться, такъ я тоже читавши Ваши записки, хотя они относительно и давно написаны, нахожу и себя, что я ни лучше нисколько умѣю обращаться съ ними. Иногда приходится такъ неловко и подъ часъ тяжело, что таки прямо очень. Я раз-

мышляль не разъ, сравнивая свой способъ въ этомъ дѣлѣ и Вашъ и самое правильное и честное мнѣніе было то, что я нисколько и ни въ чомъ лучше Васъ не обходился.

Поѣдъ я въ Миргородъ,—и сомною тоже было бѣ, со мною было въ Лютенкѣ тоже столкновеніе съ слѣпцами. Если Вамъ еще прійдется встрѣтить пару слѣпцовъ, которая бы непріятности Вамъ паносила, такъ Вы къ нимъ погрозитѣе. Разумѣется къ этому средству прибѣгать только тогда, когда ихъ нападки бываютъ черезчуръ обидны. Когда нужно отстоять свою личность, чтобы она не упала въ глазахъ прочихъ слѣпцовъ; что можетъ быть вредно для Вашего дѣла, вотъ тогда и нужно отстаивать себя.

Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ пошло то, что у меня есть начисто переписано, но это я еще для себя только переписывалъ начисто, а для редакціи нужно съ этого списка особый списокъ дѣлать. Теперь исторія съ тѣми тетрадами получила меня.

Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ посылаю Вамъ то, что записаль тогда подъ Полтавою. По прочтеніи, если не найдете для себя нужнымъ переписать слѣпцаго словаря... [верните?] Обратите на него вниманіе. Послѣ словаря тамъ маленькая біографія со словъ Дорошенка: И ту прочитайте. А дальше идутъ псалмы. Прочитавши такимъ же образомъ и отошлите, т. е. проживши въ эти же самыя палитурки. Только такъ, какъ это совершена я новость, то прочитайте внимательно. Какъ только не нужно Вамъ будетъ, такъ и пришлите мнѣ сейчасъ же. Мнѣ кажется, если бы Вы переписали словарь, то имѣя у себя, Вы могли бы прибавить къ нему еще отъ слѣпцовъ тѣхъ, какіе будутъ встрѣчаться. Но только съ первыхъ поръ не говорите съ ними объ этомъ, а то и думать не запишите.

Вы мнѣ пишете, что Вы получили отъ меня два письма. Я Вамъ три послалъ. Развѣ послѣднее еще въ то время не было получено Вами? Отвѣчайте мнѣ. Можетъ быть Вы не получили того письма, которое было послано изъ Полтавы не заказнымъ? Отвѣта жду отъ Васъ.

Остаюсь уважающій Васъ Порфирій Мартиновичъ.

Къ Петру Назарѣнку поѣду. Онъ у меня записанъ отъ лирника Дорошенка «Петро Мелюшківський». Но я думалъ, что Мелюшки Миргородскаго уѣзда. Лирникъ мнѣ такъ диктовалъ: «Петро у Мальцяхъ», а на другой день говорилъ «Мелюшківський Петро». Я записаль и это, но думалъ, что это одно и тоже. Какъ только во первыхъ перепису начисто то, что написано, а во вторыхъ мнѣ кажется, что теперь ѣхать чуть ли не такъ, что зимой лучше чѣмъ теперь потому, что теперь хѣдки: вѣрстъ за 70 отъ дома отходить.

Спрашивайте слѣдующихъ псаломъ у кобзарей.

1. Исусе мой прелюбезный.
2. Исусе мой пренаслащающій.
3. Царю Хрыстѣ Спасе мѣра.
4. Родъ жидовскій заснущенный.
5. Рождествяньська.
6. Хрещеньська.
7. Воскресеньська.
8. Мыронбсыцька.
9. Вознесеньська.
10. Иванъ Хрестытель.
11. Иванъ Богословъ.
12. Петра и Пávла.
13. Архидьяконъ Стеханъ.
14. Олексій Божый чоловикъ.
15. Варвара.
16. Мыколай. Мыколая чудотворца священная глава.
17. Мыколай. Ой хто хто Мыколая любить?
18. Иванъ Златовустъ.
19. Опѣхрій.
20. Блныій пророка.
21. Грышениця. (Самая большая изъ всѣхъ псаломъ.)
22. Дывна твоя тайна чудамы зъявися...
23. Егда прыйдетъ душа съ тиломъ розлучаться.
24. Когда бы видавъ чоловикъ жытя бытя конѣць вику соби.
25. Горе горе на симъ свѣити жыты.
26. Плаче душа и рыдае.
27. Смотрися къ намъ смѣрте.
28. Ушлы мой лита.
29. Превелькой мой жалю.
30. А хто въ мыри являетсяъ.

31. Ты хвальшывая жоно [?].
32. Древо древо пресвятое.
33. Жытныці.
34. Лазурь.
35. Адамъ.
36. Сонъ Богородыцкъ.
37. Охтырська Богомáтерь.
38. Почайвська Бóжа Маты.
39. Чуднáя Помощныце.
40. Радуйся, Маріе.
41. Правда.
42. Мыхаиль (Бильшій).
43. Мыхаиль (Мёншій).
44. Ягóрій.

Лыньковська Божá Маты

Камьянецька Божá Маты

эти псалмы я пришлю.

32 псалмы Грыценко (Холодный) знаетъ. Кромъ того ещо три записаны мною отъ него. А остальные, если прійдется Вамъ записать (напр. отъ Кочергы,) то было бы хорошо.

Всѣхъ кобзарскихъ пѣсень я записалъ болѣе 57-и отъ Хведора Грыценка (Холоднаго.)

Когда будете у Кочергы, то спросите его не знаетъ ли онъ К í ш к у С а м í й л а и С а м а р ь с ь к и х ь б р а т и в ь. Холодный эти думы зпаль, но забылъ. Холодный продиктовалъ строчокъ десять изъ Маруси Богуславки весьма интересныхъ, такихъ, какихъ нѣтъ въ печати, но не захотѣлъ мнѣ продиктовать ихъ для записи потому, что не знаетъ всей.

Относительно Краснокутскаго кобзаря я знаю утвездительно, что это настоящий старосвѣтскій бандуристъ въ Харьковской губерніи. По словамъ одного стараго и весьма умнаго поводыря, которому извѣстны всѣ Харьковскіе бандуристы.

Бандуристовъ въ Лебединскомъ уѣздѣ нѣту. Въ Ахтырскомъ нѣту. Былъ одинъ неумѣющий даже и настроить бандуры, но и того, кажется, такъ нѣтъ. (Объ этомъ по разысканіи своей записки сообщу Вамъ).

Въ Богодуховскомъ уѣздѣ въ Красномъ Кутѣ о д и н ь хорошій бандуристъ, знающий Козацкія пѣсни.

Относительно того что Вы слышали отъ Крюковского слово «думы», Вы на это нисколько не полагайтесь. Я нѣсколько разъ упорнѣйшимъ образомъ съ нимъ говорилъ. Это слово онъ заучилъ отъ п а н и в ь. Отъ бандуристовъ, у которыхъ онъ выучился 11 «думъ» онъ этого слова не слышалъ. Это его слова.

Кстати у каждаго кобзаря не забывайте спросить и записать какъ называются пѣсни про Озовскихъ братьевъ, Олексія Поповича, Вдову и т. д. Значить, остаётся, поѣхавши въ Харьковъ, записать и м е н á и ф а м и л і и бандуристовъ Вальковского и Харьковскаго уѣзда.

Въ Вальковскомъ уѣздѣ есть нѣсколько бандуристовъ, это тѣ, что въ Харьковъ на лѣто ходятъ. Такимъ образомъ ихъ тамъ и собирается к у ч к е, годъ съ годомъ рѣдѣющая.

Есть кобзарь въ Изюмскомъ уѣздѣ ученикъ Холоднаго въ селѣ у Барвинковимъ С е м е н ь С к ó р ы н ь. Но намъ интересно только его имя.

Краснокутскій кобзарь на ходку не ходитъ.

По полученіи моего письма, отвѣтите мнѣ, по возможности, не откладывая.

Значить, въ Полтавской губерніи относительно числа кобзарей, terra incognita одинъ только Х о р о л ь с к і й у ѣ з д ь. Въ Кобыляцкомъ уѣздѣ одинъ старый кобзарь у Ненайдыси Ахванасій. Но мнѣ кажется, что эта Ненайдыха не кобыляцкаго уѣзда. Лирникъ Дорошенко сказалъ, что она Кобыляцкаго уѣзда, но они уѣзды спутываютъ. А скорѣе или Кременчугскаго или Хорольскаго.

Если будете у Кочергы и Краснокутскаго кобзаря, то записывайте, пожалуйста, всѣ псалмы; вѣдь уже кобзарей не стаётъ.

Репертуаръ псалмъ у Вересая жалкій. И то большею частью жиноцки псалмы.

Мнѣ прежде чѣмъ ѣхать въ Хорольскій уѣздъ, нужно списаться относительно одного лирника изъ Хорольскаго уѣзда. По знанію множества думъ—это Баша Пирятинскій, а по вариантамъ такъ если онъ только живъ такъ это величайшая находка въ смыслѣ разныи и силы выраженія.

Пришлите, если только это не затруднительно для Васъ, копію Коновченка съ Вашего варианта, записаннаго отъ К у з м е н к а. Можетъ быть тотъ Хорольскаго уѣзда лирникъ у Кузьменка ее выучился, а такъ же и Азовскихъ братьевъ. Если только Ваши думы похожи на тѣ, что я слышалъ, а я ихъ узнаю, такъ это значительно облегчитъ мою поѣздку.

Если Вамъ извѣстенъ адресъ того Господина, у котораго находятся мои пѣсни, записанные отъ Кравченка и Трифона, то сообщите мнѣ для того чтобы я началъ доискиваться ихъ такъ какъ я знаю. Пожалуйста, не забудьте.

Съ Хведоромъ Холоднымъ Вы можете поѣхать и къ Красно Кутскому кобзарю потому, что онъ съ нимъ хорошо знакомъ, но это только тогда, если Холодный не будетъ Вамъ мѣшать и тормозить Вашего успѣха у Кочерги. Вамъ нужно съ Холоднымъ отъ всего чисто старанія обойтись хорошо. Отъ меня хвалите и благодарите. То, что пришлось написать о немъ дурное—по необходимости. У него хорошаго больше чѣмъ дурнаго.

До чего нищѣ другъ друга далеко знаютъ? мнѣ, напр. извѣстенъ Баша и Ефимъ Перепелица по рассказамъ нищихъ.

Если будете у Краснокутскаго кобзаря, и если онъ будетъ пѣть въ Азовскихъ братьяхъ.

«До тернивъ до мелюсивъ добигалы»

То спросите его: что значить «мелюсы»? Тому объясненію, которое Вы прислали не вѣрьте ни сколько. Оно здорово превратное. Если бы Міус рѣка выговаривалась по протонародному Мелюсь, то она и теперь, бы такъ выговаривалась, а то я сколько не слышу это названіе, то ее простолюдины здорово и теперь знаютъ тѣ, которые ѣздятъ въ ту сторону. Они еѣ называютъ М і ю с ь ч ѣ, а не Мелюсь.

Въ разспросахъ кобзарей о слѣпецкомъ языкѣ и объ Одклинынахъ и Вызилку соблюдайте найвозможнѣйшую осторожность. И дѣлайте это тогда, когда у Васъ думы будутъ уже записаны. Но непременно дѣлайте разспросы по этому поводу и записи. Холодный въ совершенствѣ знаетъ слѣпецкій языкъ такъ, какъ теперь рѣдко кто изъ слѣпцовъ. Онъ Вамъ съ охотою продиктуетъ его, но только не въ присутствіи нищихъ. У Холоднаго больше словъ найдѣте чѣмъ 600 потому, что онъ знаетъ нарѣчія этого языка.

Кстати если Вы будете печатать, если только еще не напечатали тотъ мой листокъ изъ біографіи Кравченка, то, прошу Васъ, зачеркните слово «Крюковскаго». Тамъ такъ написано: Изъ біографіи кобзаря Ивана Кравченка (Крюковскаго). Такъ Вы то слово, которое въ скобкахъ (Крюковскаго) зачеркните, а пусть будетъ: изъ біографіи кобзаря Ивана Кравченка.

Потомъ вотъ еще важное обстоятельство: бандуристъ молодой принятый обществомъ кобзарей, называется у нихъ не по имени просто а по имени и отчеству по этому слѣдуетъ подписать: «изъ біографіи кобзаря Ивана Григорьевича Кравченка». А если кто назоветъ по имени, такъ разыскивается. Если еще не напечатано, то, будьте добры, исполните мою просьбу.

XVII.

С. Ярошовка.
9. окт. 85 г.

Посылку вашу, дорогой Порфирій Денисовичъ я получилъ и письмо ваше, какъ всегда прочиталъ съ живѣйшимъ интересомъ. Простите меня если отвѣчаю на него нѣсколькими словами. Я нездоровъ кажется начало горячки и нѣтъ силъ писать, если же пишу теперь то только чтобы извѣстить васъ о полученіи цѣнной посылки. Только кой о чемъ, что припомню отвѣчу вамъ. Во 1-хъ я вышлю вамъ обратно вашу тетрадь такъ же посылкой, какъ только спешу словарь, чего не могу сдѣлать теперь. 2-е) Я совершенно согласенъ съ вами, что Кочерга и Краснокутскій кобзарь должны быть посвящены прежде всего. Если только поправлюсь скоро то и поѣду к нимъ. В Венславовкѣ же живетъ кобзарь о котор. мнѣ рассказывали миргородскіе нищѣ какъ о великомъ знатоцѣ пѣсенъ. Он учился у Щ у р а когда то знаменитого кобзаря (гдѣ он жил не знаю) потом жил в Ромнахъ или под Ромнами, а теперь в Венеславовкѣ. Может быть он и навралъ но какъ провѣрить это? То что вы сообщаете о Грищенкѣ крайне интересно, но мнѣ кажется что вы изслѣдовали его вполне. Вотъ если бы я былъ музыкантъ, то тогда искалъ бы Грищенка по всему свѣту. Может быть я поѣду въ Лютенку, но ужасно сдѣлать такой крюкъ на авось, рискуя почти навѣрное не застать. В вашемъ списокѣ лирниковъ нѣкоторые села показано ошибочно. Напр. Шахворостовка, показана в Хорольскомъ уѣздѣ, между тѣмъ какъ она в 7 верст. от Миргорода. Лирникъ Оньско показанный в ней живетъ въ самом Миргородѣ, вмѣстѣ с ненавистнымъ мнѣ Самійломъ. Он ничего не знаетъ. Чтобы исправлять ошибки в указаніяхъ—полезно имѣть карту губерній. Я непрѣменно вышлю ее вамъ изъ Кіева.

У меня записано нѣсколько псалмъ, которыхъ нѣтъ в вашемъ списокѣ Напр.:

О Боже мій милостивій
Чімъ я свою душу спасу и т. д.

Потом «Сонце» (Да праведнее солнце у раі присвітило, Кипариснее древу, а Богу сподобило) и еще нѣсколько, котор. я пришлю вам списки (также как Коновченка) когда в состояніи буду это сдѣлать.

Отъ всей нашей переписки для меня выясняется одно—что* самое лучшее что мы можем сдѣлать—это издать сборникъ вдвоемъ, хотя у меня безконечно меньше матерьялу, хотя я в сравненіи с вами не больше как лѣтвий дилетантъ, но многое из моего дополняетъ ваше и наоборотъ. В цѣломъ может выйдти довольно замѣчательное собраніе, гдѣ будетъ много совершенно поваго. В журналѣ же напр. присланные вами теперь матерьялы помѣстить невозможно. Как не важны и не интересны обряды одклинщныи и вызвилок. Но без статьи о них, без изслѣдованія их значенія,—журнал не напечатает их. Это может войдти только в сборник, назначенный для специалистов и любителей. Тоже и псалмы, котор. как чтеніе конечно очень скучны. Мы соберем все что у нас есть и что запишем еще за год или за два и издадимъ книгой. Что кѣм добыто будетъ отмѣчено. Средства на изданіе можно будет достать. Напишите что вы об этомъ думаете? Я теперь ничего не буду печатать из своих послѣднихъ разысканій. Ни за что я не выступилъ бы теперь с такими поверхностными статьями как «Кобзари и лирники». Мнѣ совѣстно за себя теперь, когда я о них вспомню. Это не помѣшает что нибудь интересное само по себѣ напечатать в журналѣ. Кстати вашъ розсказъ Гончаря о запорожцахъ будетъ напечатанъ в «Кіевск. Стар.» за ноябрь. Цензор не хотѣлъ пропускать но Лебединцев уломил его. Одну из псалмъ котор. вы отмѣтили крестомъ я когда то записалъ въ Прилукѣ от лирика совсѣмъ обрусѣлого. Онъ говорилъ чисто по русски и псалмы совсѣмъ русскія. Вырываю из своей книжки эти листки и посылаю вам, если вы что нибудь розберете.

Не могу больше писать, напишите мнѣ поскорѣе. Тетрадь я вамъ вышлю скоро. Если можно нарисуйте мнѣ хоть контуромъ Грищенка съ вашего портрета. Розумѣется если это вас не затруднитъ.

Искренно вашъ В. Горленко.

Дописано з боку:—[У меня еще в Сосницкомъ уѣздѣ Думченко знающ. думы о Хмельницкомъ и Рах: бывшій цехмистеръ нищих, вѣрно в совершенствѣ знающій обряды.].

Съ другомъ вечеромъ сидѣлъ
А нынѣ смерти здрю предѣлы
О горе, горе мнѣ великое!
Плоть мою въ гробъ кладутъ
А душу на судъ ведутъ
О горе...
Милостія будель там
Коль не миловавъ я й сам
О горе...
Вѣрна друга нѣтъ со мной
Скрылся свѣтъ хранитель мой.
О горе...
Мимо царства прохожу
Горко плачу и гляжу
О горе...
Царство чорне слезно здрю
И прегорко говорю
О горе...
Царство святое, домъ святыи
Грѣшныхъ не пріемлешъ ти
О горе...
Ти прости прекрасный рай
Иду я у иной край
О горе...
Вѣчно не уздрю тебя
В бездну я извергъ себя
О горе ...
Вѣсь я въ пламені стою
Пѣсьнъ плачевну вопію
О горе...
Я во вѣки не згорю
Бога свята не уздрю
О горе...
Смолу-огонь я пію
За прегорку жизнь мою
О горе...

Какъ я на сем свѣтѣ жилъ
 Крѣпко Бога раздражил
 О горе...
 Дней воскресныхъ и нечтилъ
 Во грѣхахъ дни проводилъ
 О горе...
 Бога всуѣ призывалъ
 Страшный судъ позабивалъ
 О горе...
 Я не чтилъ отца и мать
 Всѣхъ старался раздражать
 О горе...
 Ни въ чему невѣрно жилъ
 Какъ скверный песъ ходилъ
 О горе...
 Грѣхъ усякій я творилъ
 Стократ райскихъ палатъ не искалъ(?)
 О горе...
 Каются не хотѣлъ
 Бога въ сердцѣ не имѣлъ
 О горе...
 Всѣ законы проступилъ
 Крайний Богохульникъ былъ
 О горе...
 Поруганъ не будетъ Богъ
 И всѣмъ сломитъ гордый рогъ
 О горе...
 И всѣмъ воздастъ подѣломъ
 Наружающимъ законъ
 О горе
 Горе мнѣ великое.

XVIII

Константиноградъ.
 12 Ноября 1885 г.

Дорогой Василій Петровичъ *

Пишу это письмо,—я предполагаю, что здоровье Ваше поправляется, потому, что прошло уже много времени съ тѣхъ поръ, какъ Вы писали, что здоровье Ваше ослабѣло.

Если Вы еще нездоровы, то когда сдѣлается Вамъ лучше, напишите мнѣ. Я хочу Вамъ прислать еще тетрадь, въ которой найдется кое что [что] при- Вашихъ будущихъ поѣздкахъ для записыванья отъ слѣпцовъ пѣсень и пр. будетъ нужнымъ и, пожалуй, можетъ способствовать записи.

Всѣ это время я не отвѣчалъ Вамъ потому, что подумалъ, чтобы не потре- вожитъ здоровья Вашего. Предполагаю, что теперь уже должно настать время выздоравливанья. Если Вы напишите, что Вамъ лучше, то я тогда отвѣчу полнѣе на то письмо Ваше, которое Вы прислали. Не сдѣлалъ ли я промаха тѣмъ, что не отвѣчалъ долго? Могло быть, такъ предполагаю, что Вы уже были въ Зѣньковскомъ уѣздѣ. И если это безъ упѣшно,—тогда отчасти и я причиною тому, потому, что не прислалъ Вамъ того, что нужно для этого.

Ожидаю Вашего отвѣта въ полученіи моего письма. Если Вы не были въ Зѣньковскомъ уѣздѣ, такъ я пришлю тетрадь, а если уже были, то тогда не нужно.

Въ Хорольскій уѣздъ я не ѣздилъ потому, что теперь нищихъ нельзя за- стать дома; они ходятъ иногда очень далеко изъ дому и не скоро приходятъ. Я думаю туда поѣхать весною; тогда навѣрно ихъ можно застать дома. (Стариковъ дома застать можно).

Остаюсь уважающій Васъ

Порфирій Мартиновичъ.

Адресъ тотъ же: въ Константиноградъ Порфирію Денисовичу Мартиновичу.

XIX.

Кіевъ 12 ноября

Многоуважаемый Порфирій Денисовичъ! Что значить, что Вы не пишете мнѣ? Не отправились ли вы опять въ экскурсію и потому замолчали. Рукописи ваши у меня и я вышло ихъ вамъ сейчасъ по полученіи вашего письма, т. е. когда узнаю что вы въ Константиноградѣ. Ваши преданья о залорожп. напечатаны

в 10 № Киевск. Стар. Я похлопочу чтобы книгу вам выслали. Напишите же мнѣ пожалуйста скорѣе. Адресъ мой—Кіевъ Театральная улица, домъ Городницкаго № 3. Вас. Петр. Горл. Искренно вас уважающій В. Горленко.

XX.

Константиноградъ
16 Ноября 1885 г.

Многоуважаемый Василій Петровичъ!

Сегодня я получилъ отъ Васъ изъ Кіева письмо. Вы пишете: —почему я долго не писалъ? Получивши отъ Васъ послѣдній разъ письмо, въ которомъ Вы писали, что Вамъ тогда нездоровилось, я до времени пересталъ писать. На дняхъ въ томъ предположеніи, что Вамъ должно быть лучше, я написалъ Вамъ письмо и послалъ по адресу въ Ярошовку, но сегодня получилъ отъ Васъ письмо, на которое сегодня и отвѣчаю.

Во первыхъ благодарю Васъ за то, что Вы сдѣлали то, что разсказъ Гончаря напечатанъ. (Я посылалъ въ редакцію одинъ разсказъ по моему мнѣнію очень важный, и никакого отвѣта отъ редакціи не получилъ.) Теперь я Вамъ отвѣчу на предъидущее Ваше письмо. Относительно того, чтобы вмѣстѣ издать современемъ собранные матеріалы мнѣ это очень правится и я совершенно согласенъ. Лучшаго нельзя кажется, и выдывать. Но дѣло въ томъ, что успѣю ли я къ тому времени достать свои прежнія тетради съ думами. Я не знаю теперешняго адреса Михаила Петровича. Если бы я зналъ его адресъ и если онъ такой какъ былъ однажды, то тогда бы я могъ написать кому нибудь изъ художниковъ, которые за границей, но я его адреса не знаю и потому въ этомъ дѣлѣ у меня, какъ говорится «ни куѣтъ ни мелеть».

Если бы я жилъ въ Кіевѣ, то узналъ бы тамъ всё по этой части и подвинулъ бы это дѣло, а такъ совершенно дѣло не подвигается нисколько. Кромѣ того если бы то, что я записалъ отъ покойнаго Кравченка не пропало у Михаила Петровича, и мнѣ бы пришлось достать тѣ тетради, то такъ какъ то, что записано мною отъ Кравченка, на сколько я помню, здорово не похоже на то какъ Вами записано, то по этому должны быть и интересны и мои и Ваши записи (какъ рельефнѣйшій образецъ того какъ разнo кобзари диктовали пѣсни.)

2. Если Вы еще не ѣздили въ Зѣньковскій уѣздъ, то отчасти хорошо. У меня есть въ записи отъ кобзаря Грыценка нѣкоторыя имена учениковъ кобзаря Хмеля (Хмельницкаго). У него много было учениковъ бандуристовъ. Изъ нихъ живой одинъ только Кочерга ¹⁾. То для знакомства съ Кочергою можетъ быть полезны будутъ имена его бывшихъ товарищей. Меньше, можетъ быть, будетъ сомгваться. Эти имена на записочкѣ я непременно вышлю Вамъ, если Вы не ѣздили.

Про кобзаря Шура я слышалъ отъ Грыценка, что это былъ настоящий кобзарь, а про его ученика что то не въ домѣкъ. Если есть его ученикъ въ Венславовкѣ, такъ это, можетъ быть, хорошая находка.

Въ Хорольскій уѣздъ я не ѣздилъ потому, что теперь у слѣщовъ х ó д к и. Ихъ навѣрно теперь нельзя застать дома. Зимною ходки продолжаютъ еще сильнѣе чѣмъ осенью. Думаю поѣхать весною въ Хорольскій уѣздъ. Тогда дѣло вѣрнѣе будетъ. Я спрашивалъ:—какъ далеко они изъ дому уходятъ на ходки? Говорятъ, вѣрстъ за 70. Значить, я приѣхавши могу не застать кобзарей. Хотя я подумываю о томъ:—нельзя ли выбрать время и зимою такое, въ которое можно бы было ихъ навѣстить. Но что жъ? Такое время Рождество и Масляная—неудобно. А когда настанетъ весна, такъ тогда лучше это сдѣлать. Я въ томъ письмѣ, которое передъ этимъ послалъ Вамъ въ Ярошовку, спрашивалъ Васъ: не ѣздили ли Вы къ Кочергѣ и къ Краснокутскому кобзарю? Вотъ къ нимъ, такъ нѣтъ неудобнаго времени поѣхать.

Относительно того, что у меня невѣрно записаны адреса слѣщовъ, такъ это я самъ знаю. Я записывалъ машинально то, что говорили слѣщцы и думалъ современемъ привести въ порядокъ и въ лучшей видъ. Мнѣ хотѣлось бы доподлинно знать имена всѣхъ кобзарей Полтавской губерніи для того, чтобы составить имъ вѣрный списокъ. Изъ Миргородскихъ 9 имёнъ мнѣ извѣстно, но это, кажется, не всѣ. Если будете у слѣщовъ то спрашивайте ихъ о кобзаряхъ и лирникахъ ихъ уѣздовъ и такимъ образомъ мы запишемъ имена всѣхъ кобзарей и лирниковъ Полтавской губерніи. Я знаю средство какъ это сдѣлать: это Ильинская ярмарка въ Полтавѣ. Туда приходятъ слѣщцы со всѣхъ уѣздовъ и даже изъ другихъ губерній.

На это письмо отвѣтите мнѣ. Въ свою очередь, можетъ быть, и я что нибудь придумаю полезное для изслѣдованія о слѣщцахъ и напишу Вамъ. Карты мнѣ не присылайте: Не нужно. У меня была такая,

¹⁾ И Мусій Гордіецъ.

Относительно рисунка кобзаря Грыцѣнка я скажу, что онъ можетъ быть интересенъ какъ присоединеніе къ тѣмъ портретамъ кобзарей, какіе есть. Мною было нарисовано съ натуры три кобзаря: Кравчѣнко, Трифонъ и Грыцѣнко. Тѣ-жъ портреты у Михайла Петровича, если не пропали. Просто иногда досада вспоминать объ тѣхъ тетрадахъ.

Если встрѣтите когонибудь въ Кіевѣ изъ знающихъ адресъ Бернштама и Цвѣтковскаго, то запишите тотъ адресъ и сообщите мнѣ. Кому то изъ нихъ мои товарищи дали тетрадь со сказками и преданіемъ изъ Вереміевки въ то время, когда я былъ боленъ. Она у нихъ и теперь. Тамъ есть такое, что очень интересно было бы напечатать. Я адреса ихъ не знаю.

Относительно печатанія думъ моѣ еще и такое мнѣніе: не печатать ли ихъ теперь? Такъ какъ всего собраннаго въ Кіевской старинѣ напечатать нельзя, то послѣ сложивши всё вмѣстѣ, можно издать отдѣльно, (что своимъ порядкомъ, очень интересно.) А то ждать года два вотъ почему не хорошо для меня: меня слѣпцы будутъ спрашивать: «а чтѣ вы напечатали то, что отъ насъ записали?» что я имъ скажу? Я когда прошу ихъ продиктовать для записи такъ я при этомъ объясняю имъ, что это будетъ въ книгахъ напечатано и ихъ это здорово заохочиваетъ.

Напримѣръ если бы были теперь напечатаны «Одклинычны», такъ я увѣрю, что массу совершенно новаго, и я догадываюсь чего именно можно записать отъ того слѣпца, отъ котораго записана «Одклинычна и Словрь». Въ другомъ случаѣ (т. е. когда не печатать),—слѣпецъ, если опять къ нему пойти, станетъ смотрѣть подозрительно, и тогда отъ него совершенно ничего нельзя добиться. Но если редакция не напечатаетъ, то, попятно, нужно мириться съ обстоятельствами. Я говорю, что если бы теперь напечатать Одклинычну и Словарь и прочесть это изъ книги слѣпцу Дорошенку, то только, на сколько мнѣ извѣстенъ его характеръ, именно, какъ говорятъ, успѣвай только записывать. Онъ и такой, что если не такъ ему нравится, такъ какъ его не спрашивать, такъ совершенно ничего у него нельзя добиться. Это я говорю въ томъ интересѣ, что тогда бы у насъ больше было бы собраннаго вполнѣдствіи, потому, что новые матеріалы даютъ возможность задавать имъ новые вопросы. По моему мнѣнію это не только не мѣшаетъ, но даже очень способствуетъ тому, чтобы предполагаемая книга собранныхъ нами пѣсень и обычаевъ была далеко интереснѣе. Я знаю цѣлую область изъ слѣпцаго быта, но е д и н с т в е н н о потому стѣсняюсь просить. Слѣпецъ сказалъ мнѣ: «сдѣлайте то, что нужно прежде съ тѣмъ, что вы записали (съ тою тетрадкою, которую я Вамъ послалъ), тогда я вамъ еще буду говорить». А теперь я не могу обращаться къ нему, получивши такой отвѣтъ. А отъ этого страдаютъ мои дальнѣйшія изслѣдованія. (И даже очень здорово) въ Хорольскомъ уѣздѣ. Согласны ли Вы съ этимъ или нѣтъ? Но въ концѣ концовъ если редакция не напечатаетъ,—тогда нужно мириться съ тѣмъ, что есть. Попробовали бы Вы въ Кіевѣ прочесть словарь слѣпцаго языка и Одклинычну кому наиболѣе слѣдуетъ для того, что бы было напечатано;—можетъ быть, чего добраго, напечатаютъ. Если напечатаютъ, то не худо сдѣлаютъ. Тогда я въ этомъ промежуткѣ до весны могу записать отъ Дорошенка о слѣпцахъ еще. Онъ знаетъ и кобзаря Петра Сидоровича Нестеренку, о которомъ Вы мнѣ писали, и мнѣ легче было бы поѣхать къ Нестеренку съ объясненіями о немъ отъ Дорошенка, чѣмъ ѣхать такъ.

Относительно того, что бы возможно было записать всё варианты думъ въ настоящее время, такъ оказывается, что нельзя потому, что думъ очень много. Въ Константиноградскомъ уѣздѣ мнѣ извѣстѣо 6 лирниковъ знающихъ Озовскихъ братьевъ. У лирниковъ тоже разные варианты. Это жъ только мнѣ извѣстно шесть лирниковъ, а ихъ въ Константиноградскомъ уѣздѣ около двадцати.

Потомъ лирникъ Дорошенко, который не хотѣлъ мнѣ продиктовать прекрасный вариантъ Озовскихъ братьевъ говорилъ, что эту пѣсню многіе лирники знаютъ. А отъ кобзарей можно всё записать потому, что стало очень и очень мало. Легко узнать главнѣйшихъ изъ нихъ и даже всѣхъ. Вотъ если бы записать имена всѣхъ кобзарей Черниговской губерніи. Тамъ вѣдь и уѣздовъ малороссійскихъ мало. Значитъ записать имена всѣхъ бандуристовъ не трудно. Отъ двухъ трѣхъ слѣпцовъ можно записать имена всѣхъ кобзарей. Въ Конотопскомъ уѣздѣ встрѣчается кобзарей не мало, но только не знаю: тогб ли они уѣзда или изъ другихъ уѣздовъ приходятъ. Всё это нужно знать обимъ для того, чтобы успѣшнѣе были наши изслѣдованія.

Остаюсь любящій Васъ П. Мартиновичъ.

Адресъ тотъ же: въ Константиноградъ.